

Библейско-богословская коллекция
СЕРИЯ “БИБЛЕИСТИКА”
Золотой фонд русской библеистики

Дмитрий Сергеевич ЛЕОНАРДОВ

**УЧЕНИЕ СВЯТИТЕЛЯ
ИОАННА ЗЛАТОУСТА О
БОГОДУХНОВЕННОСТИ БИБЛИИ**

© Сканирование и создание электронного варианта: издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru) при участии интернет-проекта «Синай» (www.sinai.spb.ru). Санкт-Петербург, 2005.

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2005

Об авторе

Дмитрий Сергеевич **Леонардов** (21.10.1871–1915) родился в с. Узуново Веневского уезда Тульской губернии. Окончил Веневское духовное училище, Тульскую духовную семинарию, Киевскую духовную академию.

Работал преподавателем в Полоцком духовном училище, Витебском учительском институте. Был инспектором народных училищ по Витебском уезду Витебской губернии. Автор работ на религиозно-исторические темы, в том числе — монографии «Полоцкий князь Всеслав и его время» (1912), в котором осветил политику князя Всеслава Брячиславича, направленную на расширение Полоцкой земли и обеспечение ее экономической и политической самостоятельности.

Умер в 1915 году.

Биографическая справка составлена по материалам:

1. События, факты. 21 октября: в этот день // Вечерний Минск (газета), №234 (10329) от 21.10.2003. <http://www.newsvm.com/articles/2003/10/21/21.html>
2. Леонардов / Всероссийское генеалогическое древо (интернет-сайт). <http://www.vgd.ru/L/leonov.htm#ЛЕОНАРДОВ>

Статьи Д. С. Леонардова, посвященные учению о богодухновенности Священного Писания

1. Учение о богодухновенности Священного Писания мужей апостольских // Вера и разум, 1898, т. I, ч. 1, с. 286–302.
2. Учение о богодухновенности Священного Писания апологетов II века // Вера и разум, 1901, т. I, ч. 1, с. 559–580, 722–750; ч. 2, с. 25–54.
3. Теория богодухновенности в александрийской школе // Вера и разум, 1906, т. I, ч. 1, с. 17–30, 70–94, 132–150.
4. Теория богодухновенности в александрийской школе. Теория Оригена // Вера и разум, 1907, №4, с. 443–465; №5, с. 583–600; №6, с. 764–774; №9, с. 330–348; №12, с. 765–788; №18, с. 711–736.

5. Учение святителя Иоанна Златоуста о богодухновенности Библии // Вера и разум, 1912, №3, с. 344–376; №4, с. 429–448; №5, с. 606–627; №7, с. 69–93; №8, с. 185–205; №9, с. 319–342; №10, с. 464–480; №11, с. 604 – 626; №12, с. 737–758.
6. Учение о богодухновенности Священного Писания в средние века // Вера и разум, 1897, т. I, ч. 2, с. 387–401, 461–487, 623–635, 675–732; 1899, т. I, ч. 1, с. 337–348.
7. Полурационалистические учения среди протестантов о богодухновенности Священного Писания (XVI–XVII в.)// Вера и разум, 1900, т. I, ч. 2, с. 421–442, 501–258.
8. Учение о богодухновенности Священного Писания со времени реформации (XVI в.) // Вера и разум, 1899, т. I, ч. 2, с. 227–248, 329–350.
9. Вербальные теории богодухновенности Священного Писания среди западных богословов в XVII в. // Вера и разум, 1900, т. I, ч. 2, с. 135–157, 219–242.
10. Теории богодухновенности и происхождения Священного Писания на Западе в XVIII и XIX вв. // Вера и разум, 1903, т. I, ч. 1, с. 173–194, 301–323, 451–456, 508–540, 799–822.
11. Догматические определения о богодухновенности и употреблении Священного Писания в Римо-католической Церкви // Вера и разум, 1900, т. I, ч. 1, с. 439–458, 521–535.

УЧЕНИЕ СВ. ЮАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВОДХОВЕННОСТИ БИБЛИИ.

Антиохійская школа была той материнской почвой, на которой возросъ Златоустъ (р. около 347 г., † 407), *какъ экзегетъ*. Въ лицѣ этого удивительнаго по своимъ дарованіямъ ученика Діодора Тарсійскаго, школа эта приобрѣла для себя самую блестящую жемчужину.

Говоря о Златоустѣ, какъ представителѣ антиохійской школы, не должно, однако, забывать *тѣсной ея связи съ Оригеномъ*. Для современной эпохи этотъ великій александріецъ былъ какъ бы сборнымъ пунктомъ различныхъ направленій, первоисточникомъ новыхъ развитій богословской мысли. Изъ богатѣйшей сокровищницы его разносторонне образованнаго духа, изъ сокровищницы его твореній, плодовъ колоссальной его учености, постоянно и съ успѣхомъ черпали для себя вдохновеніе многочисленные представители различныхъ школъ вообще и антиохійской въ частности. Въ виду громаднаго наслѣдства, оставленнаго Оригеномъ, почти не представляется возможнымъ разграничить, раздѣлить тѣ направленія, которыя въ Оригенѣ были еще неразрывно соединены, стояли одно возлѣ другого. Еще мало опредѣлившіяся, внутренно еще примирешья, направленія эти объединялись въ могучемъ духѣ Оригена...

Внутренно связанная съ Оригеномъ, школа антиохійская съ теченіемъ времени стала развиваться, *какъ естественная и ярко выраженная реакція* александрійскому аллегоризму. Школа александрійская, какъ извѣстно, изслѣдовала и объясняла Слово Божіе путемъ спекулятивнымъ. Простое историческое изслѣдованіе, букввальное пониманіе Св.

Писанія не удовлетворяли александрійцевъ. Все чувственное, плотское, буквальное представлялось имъ только покрываломъ вышаго, идейнаго, въ глубинѣ Писанія лежащаго содержанія. Отсюда проистекало и ученіе о многообразіи смысла въ Библии, полное познаніе котораго—доступно только истинному гностику. Не безъ основанія пытаются найти здѣсь, хотя и косвенное вліяніе на александрійцевъ ученія о Богѣ платонизма и неоплатонизма, почти совершенно удалявшихъ изъ жизни міра отдѣленное въ метафизическое величіе Божество,—вліяніе такого ученія, съ точки зрѣнія котораго не могло быть и рѣчи объ истинномъ объединеніи чувственного, матеріальнаго съ идеальнымъ, божественнымъ... Своими мыслями о различіи въ Св. Писаніи лежащаго на поверхности, доступнаго для обыкновеннаго пониманія смысла отъ глубокаго и сокровеннаго Оригенъ, можно сказать, создалъ эпоху въ исторіи ученій о боговдохновенности Библии и въ частности объ отношеніи божественнаго фактора къ человѣческому 1). Простой фактъ, историческое событіе были для Оригена только тѣломъ Писанія 2). По аналогіи трехъ частей человѣка: тѣла, души и духа онъ различалъ и въ Библии троякій смыслъ (ср. Притч. XXII, 20) 3). Если смыслъ тѣлесный (*sensus corporalis*) иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Св. Писанія отсутствуетъ, то высшій, духовный смыслъ всегда былъ на лицо 4). Однако, Оригенъ выразительно предупреждаетъ упрекъ, будто онъ налагаетъ руку, уничтожаетъ историческую истину: для него такая истина только не есть предметъ главный 5). Экзегетъ, котораго не безъ основанія почитаютъ „за отца научнаго изслѣдованія Библии“, всегда обнаруживалъ достойное уваженія стремленіе изслѣдовать и историческій смыслъ, что онъ и могъ достигнуть, благодаря своему всеобъемлющему образованію и богатству историческихъ познаній. Но, безъ сомнѣнія, догматико-спекуля-

1) Срав. Guerike. H. E. J. De schola quae Alexandriae floruit catechetica. Halis Sax. 1825. 8°; II, 50. 176.

2) De principiis IV. 14.

3) Ibidem IV, 11.

4) Ibidem IV, 12. 19.

5) На это достаточно доказательство у Redepenning'a въ его замѣчательномъ изслѣдованіи: „Origenes. Eine Darstellung seines Lebens und seiner Lehre“ Bonn. 1841—1846. 2. Bde. 8°.

тивные интересы были у него господствующими, такъ что человѣческая и божественная стороны Св. Писанія не находились у него въ гармоническомъ посредствѣ, а скорѣе историческая, человѣческая сторона была только покрываломъ, или скорлупой. Оригену недоставало даже обстоятельнаго знанія ветхозавѣтныхъ идиомовъ, чтобы съ необходимою острою и ясною раскрывать смыслъ историческій. Какъ чрезъ аллегоризированіе и пренебреженіе смысла буквального (*sensus litteralis*) самъ Оригенъ дошелъ до хилиазма въ божественномъ Откровеніи ¹⁾, такъ между учениками и друзьями его были многіе, которые, идя далѣе по этому пути, открывали двери и ворота субъективному произволу чрезъ отбрасываніе смысла историческаго и на скользкомъ пути аллегорическаго истолкованія презрѣли всѣ законы языка и безпристрастной критики. Опасность такой односторонности была столь же велика, какъ соблазнительна была возможность дѣлать изъ св. текста Библии все, что угодно, и примѣнять его ко всякому возможному доказательству. Неудивительно, что, въ діаметральную противоположность этому, образовалась сильная реакція, которая пыталась уничтожить всякій видъ аллегоріи, выставляла буквальное истолкованіе, какъ единственно правильное ²⁾. Достопримѣчательный споръ, который велъ великій ученикъ Оригена Діонисій александрійскій съ епископомъ Непотомъ, является доказательствомъ, что въ столкновеніяхъ между двумя противоположными точками зрѣнія не было недостатка ³⁾. Послѣдствіемъ было то, что были признаны крайности и ошибки обоихъ расходящихся направленій, была признана необходимость отыскать средину между ними чрезъ понятіе такого принципа, по которому прежде всего должны быть соблюдены права историко-буквальнаго смысла, такъ чтобы не было отвергнуто и

¹⁾ De principiis II, 11, 2; 6.

²⁾ Срав. у Steffert'a Theod. Mops. Vet. Testam. sobrie interpretandi vindex. Dissertat. 1827; p. 14: „Multi... allegoricum studium propterea potissimum tenentes, quod in controversiis theologicis omnes sententias Scripturae 5. auctoritate munire potuerunt“; pag. 40: „Duplicitate laborarunt interpretes Scripturae 5. alteri allegoricum interpretandi genus professi sunt, alteri literalem sensum solum tenuerunt“.

³⁾ Ср. объ этомъ сообщенія Евсевія кесарійскаго въ Histor. eccles. VII, 24; подробности у Th. Foerster'a въ его „De doctrina et sententiis Dionysii M. ep. Alex. Dissertat. inang. Berol. 1865; 8°; 33.

право на существованіе у пониманія аллегорическаго. Школа антиохійская и явилась лучшей выразительницей реакціи противъ доведеннаго до излишества въ Александріи идеализма какъ въ области религіозно-философской, такъ и въ области собственно экзегетической.

Всей вообще школѣ свойственна—*борьба противъ крайняго аллегоризованія слова Божія*, противъ того истолковательнаго метода, который, вслѣдствіе неразумнаго рвенія его представителей, превращалъ, напр., Ветхій Завѣтъ въ одну непрерывную аллегорію, въ книгу, полную однѣхъ тайнъ и загадокъ ¹⁾. Какъ въ христологіи антиохійская школа стремилась изобразить во всей ея реальности человѣческую природу Христа, такъ въ отношеніи къ св. Библии старалась изучить человѣческую сторону ея боговдохновенности. Критическіе опыты и труды Оригена нашли въ антиохійской школѣ дальнѣйшее развитіе. Она избрала путь простого, осторожнаго, безпристрастнаго изслѣдованія Библии, стремленіе къ критическому анализу, къ расчлененію св. текста, отвращеніе отъ пути беспочвенной спекуляціи. Основной смыслъ Св. Писанія, паходящійся во всѣхъ его мѣстахъ, это—смыслъ буквальный, хотя на ряду съ нимъ въ лицахъ и предметахъ выражается смыслъ, высшій, мистическій ²⁾. Но этотъ таинственный смыслъ находится не во всѣхъ мѣстахъ Библии: Богъ вообще говоритъ въ Св. Писаніи къ людямъ въ такой формѣ, которая не отличается отъ обычнаго способа человѣческой рѣчи.

Уже *Діодоръ тарсійскій* выдвигалъ на первое мѣсто элементъ общепонятнаго и простого изслѣдованія Библии, котораго недоставало Оригену. Въ своемъ стремленіи раскрыть чистый историко-грамматическій смыслъ Св. Писанія, онъ со всею рѣшительностью выставлялъ законы языка и историческія условія, какъ самые надежные и вѣрные факторы въ пониманіи св. книгъ ³⁾. Какъ значительно было вліяніе Діодора, съ какою энергіею его основоположенія

¹⁾ Справ. Kihn'a. H. Die Schulen von Antiochia, Edessa, und Nisibis. Weiszenburg. 1865—1867; 111.

²⁾ Ср. его же. Theodor von Mopsuestia. Freiburg. 1880. 128. 129.

³⁾ Socrates. Hist. eccl. VI, 3. Справ. A. Neander. Der heilige Joh. Chrysostomus und die Kirche, besonders des Orients, in dessen Leitfaden. Berlin. Aufl. III. 1858; Band I, 29.

проводились въ жизнь, свидѣтельствуютъ экзегетическія труды *Теодора мопсуестскаго*, бывшего его ученикомъ. Теодоръ не только стремился дать научное обоснованіе антиохійскому способу пониманія Св. Писанія, но довелъ его до крайности, діаметрально противоположной методу оригенистовъ. Какъ односторонній идеализмъ оригенистовъ привелъ къ искаженію содержанія Св. Писанія, такъ привязанность къ простому пониманію, къ мертвой буквѣ ввергла Теодора въ пропасть раціонализма. Истинную, золотую середину между грубо чувственнымъ, буквальнымъ пониманіемъ іудайствова, антропоморфистовъ, раціоналистовъ, съ одной стороны, и аллегоріей эллинистовъ, оригенистовъ и гностиковъ, съ другой, нашелъ именно самый блестящій изъ антиохійцевъ: Златоустъ.

Самыя духовныя способности и склонности Іоанна соотвѣтствовали такой его *примирительной роли*. Свойственныя его духу осмотрительность, благоразуміе, любовь къ строгому разграниченію человѣческаго и божескаго, стремленіе къ сохраненію человѣческаго въ его самостоятельности и правахъ,—все это предрасполагало его къ такому отношенію къ Библии, при которомъ тщательно разграничивались, обозначались божескій и человѣческій факторы боговдохновенности. Сходясь съ антиохійскимъ экзегесисомъ въ основныхъ его положеніяхъ, Іоаннъ Златоустъ многое въ немъ видоизмѣнилъ и смягчилъ ¹⁾. Теодоръ мопсуестскій, комментаріи котораго носятъ преимущественно ученый характеръ и обязаны своимъ происхожденіемъ не столько практической, сколько научной потребности, примѣняетъ свои экзегетическія основоположенія со всею остротою.

✓ Златоустъ, напротивъ, въ своихъ истолкованіяхъ стремится удовлетворить извѣстной потребности общества, предлагаетъ своимъ слушателямъ христіанское знаніе и потому не впадаетъ въ крайности своего школьнаго товарища. Правда, онъ соприкасается съ Теодоромъ въ критико-грамматическомъ изслѣдованіи Св. Писанія и выставляетъ на первое мѣсто дословный его смыслъ. Но, какъ проповѣд-

¹⁾ Срав. Fr. Böhringer. Die Kirche Christi und ihre Leugen oder die Kirchengeschichte in Biographien. B. I, Abth 4; 5. 142. Lürich. 1846.

пикъ, онъ отгѣпьялъ въ Св. Писаніи главнымъ образомъ то, что дѣйствовало, вліяло на чувствованія людей. Наконецъ, въ самомъ духѣ Златоуста критико-рефлектирующая способность дѣйствовала всегда въ связи и параллельно способности созерцательной, устремленной на внутреннее пониманіе спасительной истины. Совершенно естественно, что Златоустъ не могъ удовлетвориться простымъ, дословнымъ смысломъ. Онъ психологически и этически оправдывалъ права на существованіе смысла высшаго, а не относился къ аллегорическому пониманію съ пренебрежительнымъ равнодушіемъ Феодора мопсуестскаго.

Какъ экзегетъ, Златоустъ не блещетъ оригинальностью, подобно Феодору. Зато несравненно превосходитъ его *опредѣленностью и ясностью взглядовъ, точностью и строгостью логики, практическимъ умомъ и мудростью*. Въ дивной гармоніи соединены въ комментаріяхъ великаго вселенскаго учителя наука и жизнь, теорія и практика, разумъ и чувство. Іоаннъ Златоустъ не былъ столь ученъ, какъ блаженный Іеронимъ, не имѣлъ столь сильной симпатіи къ таинственнымъ глубинамъ Библии, какъ Оригенъ, не былъ столь глубокимъ богословомъ, какъ Аванасій Великій, Григорій Назіанзенъ, блаженный Августинъ, не былъ, пожалуй, и такимъ текстуальнымъ критикомъ, какъ Юлій Африканъ. Но превосходное краснорѣчіе, изящная ученость, здравый смыслъ, основательное знакомство съ цѣлымъ организмомъ св. Библии, искусное пользованіе смысломъ буквальнымъ болѣе какъ руководствомъ поведенія, чѣмъ полемъ для метафизическихъ спекуляцій,—всѣ такого рода свойства обуславливали для Златоуста превосходство надъ прочими экзегетами. Великій святитель ставилъ для себя идеаломъ св. апостола Павла, хотя горячая ревность и пламенная любовь скорѣе уподобляютъ его ап. Іоанну, а въ своихъ практическихъ стремленіяхъ онъ напоминаетъ ап. Іакова. Слишкомъ занятый, онъ не имѣлъ, повидимому, возможности ознакомиться съ еврейскимъ языкомъ и потому въ комментаріяхъ своихъ зависить главнымъ образомъ отъ LXX-ти, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приводя Феодотіона, Симмаха, Акилу, безъ указанія ихъ именъ. Не всегда Златоустъ обнаруживаетъ и точное, критическое изслѣдованіе грамматическихъ особенностей рѣчи греческаго текста, несмотря на то, что самъ вла-

дѣтъ ея съ такимъ поразительнымъ искусствомъ. Связанный традиціоннымъ истолкованіемъ и пониманіемъ, которыя уже успѣли проникнуть во многія мѣста Библии, Златоустъ, однако, былъ чуждъ крайняго догматизма. Призпавая аллегорію въ теоріи, онъ на практикѣ никогда не выходитъ изъ границъ умѣренности, не вдается въ область беспочвеннаго фантазирования. Мужественная высоко нравственная его природа, воспитанная въ жизни труда и борьбы, благородная внушительная его индивидуальность, блестящій ораторскій талантъ, обыкновеніе изслѣдовать то или другое мѣсто Библии, какъ самостоятельное цѣлое, общее правило извлеченія мысли изъ св. текста, но не введенія ея въ текстъ, изысканно гениальная симпатія и откровенное признаніе кромѣ божественнаго и человѣческаго элемента въ св. книгахъ, выразительное указаніе вліянія личности св. писателя на составленіе св. книги.—все это съ поразительною гармоніей, съ необыкновенною красотою соединилось въ истолкованіяхъ св. Златоуста. Въ отличіе отъ Амвросія медиоланскаго, Златоустъ хочетъ видѣть христіанство господствующимъ главнымъ образомъ въ индивидуальныхъ сердцахъ, а потому съ большою настойчивостью доказываетъ всю важность изученія боговдохновенныхъ книгъ для личнаго просвѣщенія, для личной духовной жизни людей. Нерѣдко Златоустъ усволяетъ слову Божію и смыслъ мистическій, хотя въ извѣстныхъ границахъ, съ должною умѣренностью. Онъ пользуется и теоріей аккомодации, но не злоупотребляетъ ею. Разсужденія Златоуста о различіяхъ, о разногласіяхъ между боговдохновенными писателями дали ему полное право на титулъ „основателя гармонистики“. Но высшая заслуга Златоуста, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ необыкновенномъ искусствѣ, съ которымъ онъ раскрываетъ буквальный смыслъ слова Божія чрезъ изученіе самаго контекста рѣчи, чрезъ вниманіе къ особенностямъ стиля того или другаго писателя. Златоустъ учитъ, что большая часть св. Писанія ясна, вразумительна, что для пониманія его нужны только добрая воля, даръ мудрости и помощь Духа Святаго.

Таково—мѣсто Златоуста, какъ экзегета, въ ряду другихъ истолкователей Св. Писанія вообще и представителей антиохійскаго экзегесиса въ частности.

Собственно ученіе Златоуста о боговдохновенности св.

Библии соответствует особенностямъ его, какъ экзегета. Лучшій и самый умѣренный изъ учениковъ Антиохіи Златоустъ—одинаково чуждъ какъ *чрезмѣрной переоцѣнки* божественнаго вліянія на составленіе св. книгъ—александрійцевъ, такъ равно и *раціоналистическаго ограниченія* его у крайнихъ антиохійцевъ. Въ ученіяхъ о боговдохновенности Библии у Климента александрійскаго, Оригена и др. отпечатлѣвается общее спекулятивно-мистическое направленіе ихъ мышленія, свойственный имъ, какъ александрійцамъ, возвышенный идеализмъ. У Златоуста, напротивъ, преобладаютъ логико-рефлектирующее направленіе, трезвый реализмъ. Оригенъ преимущественно настаиваетъ на неизреченномъ, божественномъ величіи, на сверхъестественномъ происхожденіи Библии. Священное Писаніе для Оригена—это неизмѣримое, безграничное море тайнъ. Черезъ все части Св. Писанія разлита—полнота божественнаго величія, божественной премудрости, которыя простираются до случайныхъ буквъ св. текста. Златоустъ, напротивъ, главнымъ образомъ говоритъ объ антропологическомъ характерѣ Св. Писанія, о соответствіи его съ разумомъ. Библия для Златоуста представляется книгой, написанной для людей и по-человѣчески, приспособленной къ потребностямъ извѣстнаго времени и мѣста, составленной подъ сильнымъ вліяніемъ вѣдшихъ, историческихъ условій. Оригенъ, въ противоположность дуалистической теоріи гностиковъ касательно происхожденія св. письменности, нерѣдко впадаетъ въ крайность противоположную, когда утверждаетъ не только единство происхожденія св. книгъ обоихъ завѣтовъ, но и безразличное тождество ихъ въ отношеніи авторитета. Златоустъ, конечно, вполне сходится съ Оригеномъ въ ученіи о Богѣ—Творцѣ міра, какъ единомъ Авторѣ обоихъ завѣтовъ; зато съ большею рѣшительностью учитъ о различіи завѣтовъ по степени авторитета, о превосходствѣ Новаго Завѣта надъ Ветхимъ. Оригенъ, какъ чловѣкъ идеалистическаго мросозерцанія, рассматриваетъ Св. Писаніе главнымъ образомъ какъ цѣлостный, идейный, боговдохновенный организмъ. Златоустъ—реалистъ и потому главное вниманіе устремляетъ на частныя изреченія боговдохновенныхъ писателей. Подъ вліяніемъ трихотоміи Платона, всецѣло господствовавшей въ истолкованіи Библии у Филона, Оригенъ различаетъ въ Св. Писаніи тройственный смыслъ:

буквальный, нравственный и пневматическій. Сама по себѣ буква для него — пуста, безсодержательна, содержитъ много противорѣчиваго, невозможнаго, подающаго поводъ къ заблужденіямъ. Историко-грамматическія изслѣдованія св. текста служатъ Оригену только предварительными условіями, необходимыми средствами для отысканія въ буквахъ, словахъ, предложеніяхъ высшаго, идейнаго содержанія, для отысканія высшаго, пневматическаго смысла, какъ самой лучшей и благороднѣйшей части организма слова Божія. При такой точкѣ зрѣнія экзегесисъ у Оригена превращался иногда въ чисто субъективное выраженіе предвзятыхъ мыслей самого составителя. Иначе опредѣляетъ существо боговдохновенности, въ отношеніи къ пониманію слова Божія, Златоустъ. Подлинный смыслъ Писанія—это буквальный, фактический. Онъ содержится или въ собственномъ, или въ образномъ значеніи словъ св. текста. Иногда, конечно, образный смыслъ называется у Златоуста мистическимъ, вслѣдствіе, вѣроятно, его прикровенности и трудности для пониманія. Но прежде всего, однако, каждому слову, каждому изреченію Библии нашъ истолкователь усваиваетъ значеніе буквальное, смыслъ дословный. Благодаря изслѣдованію св. текста по правиламъ грамматики и логики экзегесисъ Златоуста получалъ для себя твердыя, объективныя основанія. Оригенъ и Златоустъ, наконецъ, сходятся въ признаніи непогрѣшимости Св. Писанія, исключаящей всякія несогласія и противорѣчія. Но доказательства этой непогрѣшимости у того и у другого—различны. Александріецъ ищетъ оправданія кажущихся противорѣчій въ боговдохновенныхъ писаніяхъ путемъ аллегорическаго истолкованія относящихся сюда мѣстъ. Златоустъ, напротивъ, строго держится на почвѣ буквы и довольно успѣшно доказываетъ, что противорѣчія въ Библии—только кажущіяся, внѣшнія, недѣйствительныя. Въ разногласіяхъ евангелистовъ Златоустъ даже видитъ прекрасное доказательство достовѣрности ихъ: различіе въ мелочахъ блистательно говоритъ въ пользу писавшихъ, освобождая ихъ отъ подозрѣнія въ предварительномъ соглашеніи, въ предварительномъ уговорѣ.

✓ Свободный отъ крайностей александрійской теоріи боговдохновенности Библии, Златоустъ счастливо *избѣгаетъ и ошибокъ* односторонне разсудочнаго направленія нѣкоторыхъ

антиохійцевъ. Извѣстно, что Теодоръ мопсуестскій пришелъ къ довольно свободнымъ взглядамъ касательно содержания и авторитета ветхозавѣтныхъ писаній. Если Оригенъ всюду ищетъ въ Ветхомъ Завѣтѣ только идеальнаго содержания и, такъ сказать, переноситъ тайны Новаго Завѣта—въ Ветхій, то епископъ мопсуестскій находитъ въ ветхозавѣтныхъ книгахъ только содержаніе историческое и совершенно обезцѣпиваетъ типическое значеніе ихъ для новозавѣтнаго домостроительства. Между тѣмъ, какъ Оригенъ даже въ мѣстахъ историческихъ находитъ смыслъ только мистическій и часто впадаетъ въ произволъ аллегоризированія, Теодоръ злоупотребляетъ истолкованіемъ историко-грамматическимъ, такъ какъ въ мессіанскихъ и типическихъ текстахъ опредѣляетъ только историческое значеніе. Раціоналистическая критика библіи и отверженіе каноническаго достоинства нѣкоторыхъ изъ боговдохновенныхъ книгъ были послѣдствіями заблужденій епископа мопсуестскаго. Златоустъ—свободенъ отъ ошибокъ такого рода. Убѣжденный сторонникъ собственнаго, буквальнаго пониманія св. Писанія, Златоустъ однако, имъ не ограничивается. „Иное въ Писаніи, учитъ онъ, должно понимать такъ, какъ сказано, а иное—въ смыслѣ переносномъ... а иное нужно принимать въ смыслѣ двоякомъ: чувственномъ и духовномъ“¹⁾. Ясное, православное истолкованіе св. Писанія, благоговѣніе къ его св. тексту, положительное отношеніе къ церковному канону—таковы были послѣдствія широты взглядовъ великаго святителя на пониманіе слова Божія.

I.

Боговдохновенность обыкновенно служить для Златоуста необходимою, апіористическою точкою отправленія для всякаго практическаго изслѣдованія св. текста Библіи.

Св. Писаніе, для него есть Писаніе „*κατ' ἐξουχήν*“, Писаніе божественное²⁾. Въ немъ содержится божественная филосо-

¹⁾ Срав. expositio in psalmum XLVI (Migne Patrol curs. compl. Pars graeca. T. LV, 209.

²⁾ Contra anomoeos de incomprehensibili. Hom. II, 6 (M. XLVIII, 717) и мног. друг.

фія, предложена неизреченная божественная гѣсьнь¹⁾ роса (Св. Духа²⁾). Въ св. книгахъ дарованы людямъ письмена, нисшедшія съ неба³⁾, божественныя мысли⁴⁾, божественныя слова, изреченія, опредѣленія⁵⁾, глаголы высочайшаго Царя⁶⁾. Какъ происшедшія чрезъ божественное вдохновеніе, св. писанія суть слова (Св. Духа, законы Духа⁷⁾, писанія духовныя τὰ πνευματικά⁸⁾.

Св. писатели представляются у Златоуста живыми одушевленными орудіями Духа Божія. Чрезъ св. писателей бесѣдуетъ съ людьми Самъ Богъ⁹⁾, вѣщаетъ Духъ Святыи¹⁰⁾. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Духъ говорилъ устами пророковъ¹¹⁾, такъ въ Новомъ-апостолы не говорятъ намъ ничего человѣческаго, но все изъ глубины Духа¹²⁾. Мысли, выражаемыя боговдохновенными писателями въ св. книгахъ, суть мысли. Самого Бога¹³⁾. Также и ихъ изреченія суть произведенія не человѣческаго ума, размысленія и сочиненія, но божественной благодати¹⁴⁾. Самъ Господь какъ бы соприсутствуетъ св. писателямъ, говорить ихъ словами. Такъ объ ап. Павлѣ Златоустъ выражается: „Если хочешь, будешь имѣть у себя Самого Владыку Павла, такъ какъ Онъ будетъ бесѣдовать, съ тобою языкомъ Павла“¹⁵⁾. Подобную мысль выражаетъ Златоустъ и касательно евангелистовъ. Мы не только видимъ Христа, предлагаемаго въ таинствѣ евхаристіи, но слышимъ и Его голосъ, какъ какъ Онъ, говорить, чрезъ евангели-

1) De mutatione nominum, IV: 1 (M. LI, 145); expos. in psalm XLVIII, I, (M. LV, 513).

2) De utilitate lectionis scripturarum, (M. LI, 88).

3) Adversus oppugnatores eorum qui in monasticam vitam inducant (M. XLII, 362).

4) Expos. in psalm. XLVIII, I (M. LV, 499).

5) Homiac in exp. II, Senect, XV, I, XVI, 3 (M. LIII, 119, 121, 129), interpretat. in Isaiam prophetam: cap. I (M. LXI, 13).

6) M. LI, II.

7) M. LI, II, homil. in Joann. III, I (LIX, 38).

8) Expos. in psalm. XLI (M. LV, 156).

9) Св. Мѣстц. II, 90.

10) Homil. contra anomaeos: IV, 4, (M. XLVIII, 732).

11) Hom. XV, 2 in Genesim (M. LIII, 120).

12) Homil. in Joann. I (M. LIX, 26).

13) Expos. in psalm. VII, 7 (M. LV, 91).

14) Expos. in psalm. XLVI (M. LV, 184).

15) Homil. in epistol. ad Romanos: XXX (M. LX, 666).

товъ¹⁾. Въ величественныхъ образахъ представляетъ Златоустъ боговдохновенность и апостоловъ вообще. Не съ каменными скрижалями въ рукахъ, подобно Моисею, сошли съ горы св. апостолы. Неся въ своей душѣ Духа, апостолы ходили всюду, источая сокровище и источникъ ученій, духовныхъ даровъ, всякихъ благъ, ставъ по благодати одушевленными книгами и законами, такъ какъ устами ихъ говорилъ ко всѣмъ Богъ²⁾. Самое чтеніе св. книгъ, какъ происшедшихъ чрезъ боговдохновенность, Златоустъ называетъ откровеніемъ неба³⁾.

Признавая боговдохновенность св. Писанія безусловно необходимой истиной съ точки зрѣнія вѣрующаго сознанія, Златоустъ, подобно Оригену, нерѣдко приводитъ для теоретическаго ея оправданія *доказательства*.

Самымъ употребительнымъ доводомъ въ пользу божественнаго авторитета св. Писанія у Златоуста является *чудесный фактъ быстрого распространенія* по всему міру содержащагося въ св. книгахъ возвышеннаго ученія. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что составителями св. книгъ, напр. новозавѣтныхъ, были люди малоученые въ мірскомъ значеніи этого слова: мытари, рыбаки, скототворцы и т. п.⁴⁾ Однако, проповѣдь этихъ людей, гонимыхъ, бичуемыхъ, проводившихъ жизнь среди опасностей, приняли со всей охотой простецы и мудрецы, рабы и свободные, варвары и греки⁵⁾. Съ великой увѣренностью и убѣдительностью, не только при жизни, но и по смерти—цѣлымъ городамъ, племенамъ и народамъ, сушь и морю проповѣдывали эти люди о томъ, что нѣкогда не могли представить себѣ и во слѣ язычески мудрецы⁶⁾. Благодаря св. писаніямъ, вѣщанія и глаголы этихъ проповѣдниковъ достигли до крайнихъ предѣловъ вселенной (ср. Ис. XVIII, 5). „Хотя бы ты оправился къ индійцамъ, которыхъ первыхъ озаряетъ восходящее солнце, хотя бы удалился на океанъ или на британскіе острова, хотя бы приплылъ въ эвксинскій понтъ, хотя бы достигъ сѣвер-

1) Homil in Matthaicum (M. LVIII, 307).

2) Interpretat in Isamm prophetam. II (M. LVI 109).

3) Hom in Matth I, (LVII, 20).

4) Hom in Matth. I 6 (LVII, 20).

5) Homil in Matthaicum I, 5 (M. LVII, 19).

6) Ibidem, col 19.

ныхъ странъ, вездѣ услышишь, какъ всѣ любомудрствуютъ о томъ, что содержится въ Писаніи, другимъ языкомъ, но не другою вѣрою, различными нарѣчіями, но одинаковымъ умомъ¹⁾. Не краткое время, но всегда живутъ, благодаря св. Писаніямъ, эти мытари, рыбаки и скотоводцы²⁾. Такое повсюдное распространеніе св. книгъ произошло благодаря тому факту, что написавъ свои книги, составители не скрыли ихъ въ какомъ-либо уголкѣ вселенной, а распространили всюду: на сушѣ и на морѣ, въ слухъ всѣхъ³⁾. Эти книги имѣютъ не скоропреходящее, а несокрушимовѣчное значеніе. Посланія ап. Павла, напр., суть какъ бы стѣны для церквей. Апостольскіе располагилъ эти посланія какъ твердую, несокрушимую ограду для вселенной, такъ что эта ограда спасаетъ отъ нападенія враговъ всѣхъ людей, современныхъ и послѣдующихъ, нынѣшнихъ и имѣющихъ быть⁴⁾.

Задаваясь вопросомъ, какъ же могли писанія *людей простыхъ, неученыхъ* заслужить повсюду удивленіе, вѣру и славу, Златоустъ дѣлаетъ вполнѣ логическое заключеніе о происхожденіи этихъ писаній чрезъ божественное вдохновеніе. Простотою содержація нельзя объяснить быстрого распространенія и необыкновеннаго дѣйствія писаній и проповѣди такого рода людей. Напротивъ, эти неученые люди, эти рыбаки о Богѣ и небесныхъ предметахъ сообщали такія понятія, какія не могли придти даже на умъ никогда и никому изъ философовъ. Ученіе философовъ отжило, погибло, исчезло, легче паутины. Напротивъ, возвышенное ученіе боговдохновенныхъ писателей было принято, заслужило вѣру, процвѣтаетъ доселѣ, возрастаетъ съ каждымъ днемъ⁵⁾. Не могла оказать существеннаго вліянія на быстрое распространеніе св. книгъ и внѣшняя ихъ форма. Въ этихъ книгахъ нѣтъ ни шума словъ, ни напыщенности рѣчи, ни излишняго, бесполезнаго украшенія или, искусственнаго сочетанія именъ и словъ, вообще всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя—свойственны книгамъ философовъ и софистовъ⁶⁾. Необыкновенный успѣхъ

1) Migne: LI, 87. 88.

2) Homil. in Matth. I, 5 (M. LVII, 20).

3) In Matthaicum Hom. I, 4 (M. LVII, 18).

4) Migne: LVI, 271.

5) In Matthaicum; hom. I, 5 (M. LVII, 19).

6) In Ioann. II, 3 (M. LIX, 33).

св. писаній, въ связи съ возвышенностью изложенныхъ въ нихъ догматовъ вѣры и превосходствомъ правилъ жизни, могутъ быть объяснены только тѣмъ, что души писателей и проповѣдниковъ были исполнены Духа и Божественной благодати ¹⁾. Непресообразимая божественная сила, непобѣдимая крѣпость догматовъ, сочетаніе безчисленныхъ тайнъ разлиты въ боговдохновенныхъ писаніяхъ ²⁾. Все это могла произвести, совершить только божественная сила ³⁾. Когда человѣкъ необразованный, некнижный, какъ напр., евангелистъ Іоаннъ, возвѣщаетъ то, чего никогда и никто изъ людей на землѣ не зналъ, то уже одно это является великимъ чудомъ. А если сюда присоединить другое важнѣйшее доказательство боговдохновенности его словъ, что онъ убѣждаетъ всѣхъ своихъ слушателей во всякое время, то кто не подивится силѣ, обитающей въ немъ? ⁴⁾.

Вторымъ важнѣйшимъ признакомъ божественнаго происхожденія св. книгъ служить точное *исполненіе содержащихся въ нихъ предсказаній и пророчествъ*. Здѣсь Златоустъ видитъ несомнѣнно доказательство того, что св. писатели были боговдохновенны, не говорили ничего отъ себя, но все по вдохновенію божественной и пренебесной благодати, что поэтому, и все Писаніе божественно ⁵⁾.

Для подтвержденія своей мысли Златоустъ пользуется пророчествами трехъ видовъ: одни пророчества *исполнились еще въ Ветхомъ*, другія—въ *Новомъ*, третьи—изречены Самимъ Христомъ и *исполняются въ исторіи св. Церкви*.

Изъ пророчествъ перваго вида св. отецъ Церкви особенно отмѣчаетъ тѣ, въ которыхъ съ точностью предсказаны мѣсто, время и видъ *четырехъ тяжелыхъ рабствъ*, которыя пережили въ своей исторіи іудеи ⁶⁾. Еще патриарху Аврааму было предсказано рабство египетское (ср. Быт. XV, 13, 14, 16). Фактическое во всѣхъ подробностяхъ описаніе его сдѣлано у Моисея (Исх. V, 16 и др.) ⁷⁾. Рабство вави-

1) In Ioann. II, 1 (M. LIX, 30).

2) Hom. in Ioann. II, 3 (M. LIX, 33).

3) Hom. in Matth. I, 4 (M. LVII, 18).

4) Homil. in Ioann. II, 2 (M. LIX, 31).

5) Expos. in, psalm. IV, 11 (M. LV, 57).

6) Adversus iudaeos et gentiles demonstratio. V, 5 (M. XLVIII, 891).

7) Ibidem.

лонское по мѣсту и по числу лѣтъ предызображено пророкомъ Іереміей (XXIX, 10. 14), а удостовѣрено пророкомъ Данииломъ, какъ очевидцемъ (IX, 2. 3 и др.)¹⁾. О третьемъ рабствѣ, когда оно будетъ, какъ и отчего произойдетъ, какимъ образомъ, въ какое время кончится, на что перемѣнится, съ точностью до одного дня, предсказано у Даниила (VIII, 2—5. 6. 7. 8—12; XII, 9, 10 и др.)²⁾. Достовѣрное изображеніе этого рабства, бывшаго въ правленіе Антиоха Епифана, дастъ Іосифъ Флавій въ его трогательномъ описаніи бѣдствій еврейскаго народа³⁾. Тотъ же пророкъ Данииль предсказалъ иго римское, взятіе Іерусалима, опустошеніе храма римлянами и пр. (IX, 25—27)⁴⁾. Богъ, говоритъ Флавій, показалъ все это Даниилу, а онъ записалъ и оставилъ намъ, чтобы мы, читая его пророчества и видя исполненіе ихъ, дивились той чести, какой Богъ удостоилъ Даниила⁵⁾. Пророкъ предсказалъ именно запустѣніе іудейскаго святилища „до скончанія времени“ (Дан. IX. 26—27)⁶⁾. Неудачная попытка іудеевъ, при восстановленіи храма въ правленіе Юліана-Отступника, является блестящимъ подтвержденіемъ боговдохновенности пророчества. „Свидѣтели этого, говоритъ Златоустъ, всѣ мы, такъ какъ это случилось при насъ, не такъ давно“⁷⁾. Такого рода факты доказываютъ боговдохновенность св. книгъ, силу Божіихъ опредѣленій, могущественное дѣйствіе словъ Божіихъ⁸⁾.

Изъ пророчествъ, нашедшихъ себѣ исполненіе въ Новомъ Завѣтѣ, важны *пророчества мессіанскія*. Въ нихъ ясно предсказаны вочеловѣченіе Бога, рожденіе Спасителя отъ Дѣвы, изъ дома Давида, въ городѣ Виледемъ, послѣ потери власти іудейскими правителями (ср. Вар. III, 36—38; Иса. VII, 14; XI, 1, 3; Мих. V, 2; Быт. XLIX, 10—12)⁹⁾. Точно описанъ и самый образъ прішествія Христа, что Онъ явится,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Adver. iudaeos. et gentiles demon. V, 5—7 (M. XLVІІІ, 892—894).

³⁾ Ibidem. V, 8 (M. XLVІІІ, 896); ср. Jos. Hav. Antiquit. Iud. Lib. X; cap. XI; n. 7.

⁴⁾ Ibidem: V, 9. 10 (M. XLVІІІ, 898. 899).

⁵⁾ Справ. Jos. Hav. Antiquit. Iud. Lib. X: cap. XI, 7.

⁶⁾ Ibid. V, 10 (col. 899).

⁷⁾ Ibidem.

⁸⁾ Ibidem.

⁹⁾ Ibidem. Пит. 2. 3 (M. XLVІІІ, 815—817).

не посылая грома и молніи, не колебля землю, не потрясая чеба, что родится въ неизвѣстности, будетъ обитать въ домѣ древодѣла, бѣдномъ и неизвѣстномъ (Ис. LXXXI, 6; Иса. XLII, 3. 4) ¹⁾. Исцѣленіе хромыхъ, врачеваніе слѣпыхъ и нѣмыхъ, успѣхъ проповѣди, торжественный входъ въ Іерусалимъ, предательство Іуды, безстыдныя совѣщанія враговъ, судъ, исполненный беззаконія, образъ смерти Господа, успѣхъ проповѣди о Распятомъ и побѣда ея надъ вселенной, отверженіе іудеевъ и обращеніе язычниковъ,—все это было предначертано боговдохновенными пророками и нашло для себя полное осуществленіе и оправданіе въ Новомъ Заветѣ ²⁾. Послѣ пророчествъ, сказанныхъ за столь долгое время, послѣ событій, совершившихся согласно съ предсказаніями, не должно быть мѣста цевѣрію. Если же, имѣя у себя св. книги пророковъ, люди не вѣруютъ, то это—вина не Того, Кому не вѣруютъ, а тѣхъ, которые даже среди дня ничего не видятъ. Богъ создалъ также и видимый міръ, этотъ прекрасно настроенный органъ, который повсюду провозглашаетъ и прославляетъ Создателя. Однако, одни почитаютъ все образовавшимся само собою, другіе производятъ все видимое отъ вѣчности, иные, наконецъ, приписываютъ сотвореніе и сохраненіе міра случаю, судьбѣ, естественному развитію и т. п. ³⁾.

Пророчества Самого Христа отличаются большою ясностью. Блестая яснѣе солнца, свѣтлѣе солнечныхъ лучей, эти пророчества находятся предъ взорами всѣхъ людей ⁴⁾. Одни изъ этихъ пророчествъ исполняются уже въ настоящей жизни, другія сбудутся при самой копчипѣ міра. Взаимно подкрѣпляя себя, они доказываютъ съ великою силою свою достовѣрность ⁵⁾. Боговдохновенность собственно новозавѣтныхъ книгъ доказывается главнымъ образомъ пророчествами перваго рода. Изъ нихъ Златоустъ избираетъ и подвергаетъ разбору два пророчества: о неодолимости всемірной Христовой Церкви (ср. Матѣ. XVI, 18) и о разрушеніи Іерусалима съ его храмомъ (XXIV, 12 и др.).

¹⁾ Ibidem. V, 3 (M. XLVІІІ, 816).

²⁾ Ibidem. 4—11 (M. XLVІІІ, 818—829).

³⁾ Adver. iudaeos et gentiles demonstratio. II. 11 (M. XLVІІІ, 828).

⁴⁾ Ibid. 16 (col. 834).

⁵⁾ Ibidem. 12 (M. XLVІІІ, 829. 830).

Изреченіе Господа касательно устройства Своей Церкви во вселенной отличается краткостью. Зато оно блистательно оправдано дѣлами. Какъ дымъ, разсѣяны языческіе жертвенники, капища, идолы, ихъ службы, безчинныя празднества и повсюду воздвигнуты алтари истинному Богу: въ страдѣ римской, въ Персіи, Скиѣи, Мавританіи, Индіи. Даже на бриганскихъ островахъ, лежащихъ за предѣлами моря, въ самомъ океанѣ, воздвигнуты алтари и церкви: слѣдовательно, и они ощутили на себѣ силу изреченія Господня. Не только надъ порочными навыками человѣчества была одержана побѣда, но и надъ предапіями древнѣйшихъ предковъ, философъ и риторовъ. Свою Церковь, простертую по всей вселенной, Христосъ устроилъ чрезъ одиннадцать человѣкъ не ученыхъ, простыхъ, не знавшихъ языковъ, бѣдныхъ, не имѣвшихъ ни отечества, ни богатства, ни тѣлесной силы, ни славы, ни знаменитости предковъ, ни силы слова, ни искусства краснорѣчія, ни преимуществъ учености, чрезъ рыбаковъ, скинотворцевъ, говорившихъ на языкѣ еврейскомъ, чуждомъ и отличномъ отъ всѣхъ прочихъ языковъ ¹⁾).

Заслуживаетъ, впрочемъ, удивленія не одно только то, что во вселенной сдѣлали эти простые, бѣдные, немногочисленные люди, а также и то, что совершенно это было де во время мира, а при безчисленныхъ нападеніяхъ, воздвигавшихся на нихъ. Проповѣдникамъ Христа предстояла борьба въ каждомъ народѣ, въ каждомъ городѣ, даже въ домѣ. Во время проповѣди они подвергались ежедневной враждѣ, непрерывной борьбѣ, тысячъ смертей. Обращаясь съ ними, какъ съ общими врагами, всѣ ихъ гнали: цари, правители, престолюдины, свободные, рабы, народы, города; гнали также и тѣхъ, которые были не крѣпки въ вѣрѣ, принявъ ихъ ученіе. Такъ какъ самое ученіе казалось противнымъ царскимъ постановленіямъ, привычкѣ и отеческимъ обычаямъ, то поднялась война противъ учениковъ и противъ учителей. Несмотря, однако, на все это, ученіе Христа одержало верхъ надъ вселенной ²⁾).

На основаніи этихъ данныхъ Златоустъ приходитъ къ естественному выводу, что пророчества о св. Церкви, изложенныя въ св. книгахъ, суть слова Божіи. Дѣйствуя силь-

¹⁾ Ibidem. 12 (M. XLVII, 830).

²⁾ Ibidem. 13 (M. XLVIII, 831).

нѣе огня, именно слово Христа истребило тернія язычества, очистило пивы, посягло евангельское ученіе ¹⁾. Слѣдовательно, эти пророчества доказываютъ истинность Бога ²⁾.

Исполнилось и другое предсказаніе Христа о разрушеніи и запусѣннн храма іерусалимскаго (Матѣ. XXIV, 2). Нѣкогда этотъ храмъ блисталъ множествомъ золота, красотою и великолѣбіемъ зданій, содержалъ всевозможныя драгоценности искусственныя и вещественныя. Сюда со всѣхъ предѣловъ земли издревле приносили іудеи дары, жертвы, милостыни, богатства вселенной. Теперь этотъ храмъ не только уничтоженъ словомъ Христа, истребленъ, разсѣянъ, какъ прахъ, но не могъ быть и возстановленнымъ. Когда императоръ Юліанъ далъ іудеямъ позволеніе возстановить храмъ, то они приступили къ дѣлу, но не могли имѣть никакого успѣха, такъ какъ вырвавшійся огонь разогналъ строителей. Въ этомъ случаѣ іудеямъ противодѣйствовало изреченіе Христа, оказывала препятствіе божественная сила. По этой причинѣ и на будущее время нѣтъ ни надежды, ни вѣроятности возстановленія храма, несмотря на несчетныя богатства, смѣлость, настойчивость, дерзость и многочисленность еврейскаго народа ³⁾.

Сильнѣйшимъ доказательствомъ боговдохновенности Библии служить, далѣе, *благотворное, возрождающее дѣйствіе* на души людей содержащагося въ ней слова Божія (=testimonium Spiritus Sancti).

Со свойственною Златоусту силою выразительности, воодушевленія и краснорѣчія, описываетъ онъ могучее дѣйствіе *чтенія и слушанія* слова Божія на людей. Даже, если человекъ и не понимаетъ всего, содержащагося въ св. книгахъ, отъ одного чтенія ихъ бываетъ великое освященіе. Однако, невозможно, чтобы читатель одинаково не понималъ всего. Благодать Духа устроила такъ, что св. книги сложили мытари, рыбаи, скитотворцы, пастыри овецъ и козъ, люди простые, неученые. По этой причинѣ всѣмъ можетъ быть удобопонятно то, что говорится въ св. книгахъ: ремесленникъ, слуга, вдовая женщина, необразованнѣйшій изъ всѣхъ людей одинаково могутъ получать пользу, назиданіе

¹⁾ Ibidem: 13 (M. XLVIII, 831)

²⁾ Ibidem: 15 (XLVIII, 833).

³⁾ Ibidem: XLVIII; n. 834, 835.

отъ слушанія ихъ¹⁾. Чтеніе божественныхъ Писаній есть лучъ духовный, рай сладости, превосходнѣйшій первобытнаго рая. Первобытный рай былъ насажденъ Богомъ на землѣ; рай Писаній, напротивъ, въ душахъ вѣрующихъ. Тотъ рай находился въ Эдемѣ и ограниченъ былъ однимъ мѣстомъ на востокѣ; этотъ—распространенъ по всей землѣ, до предѣловъ вселенной (Пс. XVIII, 5). Въ этомъ обширномъ раю нѣтъ змія, такъ какъ онъ—огражденъ благодатію Духа. Какъ Эдемъ, рай св. писаній имѣетъ источникъ, но изъ этого источника вытекаетъ не четыре, а множество рѣкъ. Не Тигръ, не Евфратъ, не египетскій Ниль, не индійскій Гангъ, но безчисленное множество рѣкъ изливаетъ этотъ источникъ (ср. Іоан. VII, 38). Удивителенъ этотъ источникъ также и по своей природѣ, такъ какъ въ немъ—не потоки воды, а дары Духа: въ каждую душу вѣрующихъ отдѣляется онъ и не уменьшается; раздѣляется и не истощается; распределяется и не убавляется; во всѣхъ и каждомъ находится всецѣло²⁾. Внимательно читая слово Божіе, душа какъ бы вступаетъ въ таинственное святилище, очищается и дѣлается лучшею, потому что съ нею чрезъ писанія бесѣдуетъ Богъ³⁾. Сухая земля, никѣмъ не поливаемая, изобилуетъ терніемъ и волчцами, а воздѣлываемая руками земледѣльцевъ цвѣтетъ, красуется и приноситъ много плодовъ. Такъ бываетъ и съ человѣческой душою: орошаемая божественными вѣщаніями св. писателей, она цвѣтетъ, красуется, приноситъ обильные плоды духа. Напротивъ, оставленная въ засухѣ и пренебреженіи, рѣдко получающая такое орошеніе, она пустѣетъ, зарастаетъ травой, производитъ множество грѣховнаго тернія⁴⁾. При краткости изреченій Св. Писанія, велика ихъ сила. Не по количеству своему, а по природѣ издають благовоніе ароматы. Такъ и божественныя Писанія доставляютъ намъ всякую пользу не множествомъ словъ, а силою своего содержанія. Самъ по себѣ, по свойству своему благовоненъ—ароматъ, но брошенный на огонь, онъ обнаруживаетъ всю свою пріятность. Точно также и божественное Писаніе, весьма пріятное само по себѣ, когда про-

¹⁾ Hom. de Lazaro; III, 2 (XLVIII, 994).

²⁾ De utilitate lection. Scripturac Sanct. 1 (M. LI, 87. 88).

³⁾ Homil. de Lazar. III, 2 (M. XLVIII, 994).

⁴⁾ Contra Anomacos; XII, 5 (M. XLVIII, 811).

никнетъ въ нашу душу, то наполняетъ, какъ бы попавъ въ кадилъницу, весь домъ своимъ благовоиємъ ¹⁾. Чрезъ чтеніе Св. Писанія душа окрыляется, дѣлается возвышенною, такъ какъ озаряется свѣтомъ Солнца правды ²⁾. Если дерево посажено при источникахъ водъ, то оно получаетъ постоянное орошеніе, находится въ безопасности отъ всякой неблагопріятной погоды, не боится пламенныхъ лучей, не страшится сухого воздуха, имѣя достаточную влажнѣсть внутри себя. Такъ и душа, стоящая при потокахъ божественныхъ писаній и напоемая ими постоянно, собирая въ себѣ самой струи и росу Духа, бываетъ безопасна отъ всякихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ ³⁾. Если обыкновенное увѣщаніе посредствомъ простого слова сильно дѣйствуетъ на людей, то гораздо большее дѣйствіе оказываютъ увѣщанія, сопровождаемыя дѣйствіемъ Духа. Слово, произнесенное отъ божественнаго Писанія, сильнѣе огня умягчаетъ ожесточенную душу и дѣлаетъ ее способною на все прекрасное ⁴⁾.

Дѣйствіе Св. Писанія *на человѣческое сердце*—необыкновенно. Какая бы болѣзнь, порицаніе, клевета, злословіе, наемъшки ни нападали, какія бы бѣдствія вселенной не обрушивались на человѣческую душу, она можетъ найти достаточное утѣшеніе въ чтеніи писаній. Ни величіе славы, ни высота власти, ни присутствіе друзей,—ничто вообще изъ человѣческихъ вещей не можетъ утѣшать въ скорби такъ, какъ чтеніе божественныхъ писаній. Тѣ вещи—тлѣнны и скоропреходящи, почему и утѣшеніе отъ нихъ скоропреходящее. Чтеніе же Писаній есть собесѣдованіе съ Богомъ. А когда человѣкъ, находящагося въ скорби, утѣшаетъ Богъ, то никакое изъ настоящихъ обстоятельствъ не можетъ повергнуть его въ уныніе ⁵⁾. Для большей ясности своей мысли Златоустъ пользуется наглядными сравненіями. Пріятель—лугъ. пріятель—садъ. Но чтеніе божественныхъ писаній—гораздо пріятнѣе. На лугахъ и въ садахъ люди видятъ увядающіе цвѣты, въ Св. Писаніяхъ—находятъ цвѣтуція мысли. Тамъ—дыханіе зефира, здѣсь—вѣяніе Духа; тамъ удоволь-

¹⁾ De verbis apostol; II Timoph. III. I (M. LVI, 273.274).

²⁾ Expos. in Genes. cap. IX. Homil. XXIX, 2 (LIII, 262).

³⁾ De utilit. lection. Scripturar. 2 (LI, 89).

⁴⁾ In Matthaeum. Hom. II, 6 (LVII, 31).

⁵⁾ De utilit. lection. Scriptur. 2 (M. LI, 89. 90).

етвіе отъ зрѣнія, здѣсь польза отъ чтенія. Садъ подчиненъ перемѣнамъ временъ года, а писанія зимою и лѣтомъ украшены листьями, обременены плодами. Удаляя уныніе, слово Божіе доставляетъ удовольствіе, истребляетъ злобу, укореняетъ добродѣтель, не допускаетъ людямъ бѣдствовать въ вихрѣ заботъ, подобно пловцамъ, обуреваемымъ волнами. Въ то же время, когда бушуетъ море жизни, человѣкъ, внимающій Писанію, плыветъ въ тишинѣ. Чтеніе Писанія служитъ для него кормчимъ, и его каната не расторгаетъ искушеніе обстоятельствъ ¹⁾. Ничто изъ житейскаго не дѣлаетъ человѣческую жизнь безпечальною, даже царскій санъ: у царей столько поводовъ къ печали, сколько въ морѣ волнъ. Наоборотъ, изреченіе св. писателей, напр. ап. Павла (ср. Филип. IV, 4), притомъ краткое и малое, откроетъ намъ это сокровище ²⁾. Здѣсь не нужно множество словъ, не требуется продолжительнаго разглагольствованія: только размыслимъ о данномъ изреченіи и найдемъ путь, ведущій къ истинной радости. Вообще же всякое изъясненіе Св. Писанія доставляетъ слушателямъ и читателямъ утѣшеніе и ободреніе. Не только правоучительные, но и историческіе рассказы Библии сообщаютъ утѣшеніе скорбящимъ человѣческимъ душамъ. Примѣромъ служитъ библейское повѣствованіе о твореніи міра (Быт. I, I и сл.). Когда слышишь, что небо, землю, море, воздухъ, воды, множество звѣздъ, два свѣтила великія, растенія, животныхъ четвероногихъ, плавающихъ и летающихъ, вообще все видимое создалъ Богъ для человѣка, для спасенія и славы его, что столь прекрасный, великій и чудный міръ призванъ къ бытію для человѣка, столь малаго, то тотчасъ получишь достаточное утѣшеніе ³⁾. Человѣкъ, постоянно стоящій на скалѣ, смѣется надъ волнами. Такъ и человѣкъ, орошаемый божественными изреченіями, утвердивъ себя какъ бы на скалѣ правильнаго сужденія о вещахъ, не увлечется ничѣмъ человѣческимъ, становится выше напора житейскихъ дѣлъ, получаетъ великую пользу и душевное утѣшеніе ⁴⁾. Такое ободряющее и укрѣпляющее дѣйствіе слова Божія на человѣческое сердце

¹⁾ Homil. de capto Eutropio et de divitiarum vanitate, I (LII, 396. 397).

²⁾ De statu is ad popul. Antiochenum: XVIII, 2 (XLIX, 182).

³⁾ Ibidem. Hom. VII, 2 (XLIX, 93).

⁴⁾ Homil. de 5. martyr. Lucian. I (M. L, 522).

обнаруживается во всѣхъ обстоятельствахъ жизни людей. Чтеніе божественнаго Писанія ободряетъ, оживляетъ скорбящія, одержимыя печалью души, уничтожаетъ силу и жаръ скорби, доставляетъ людямъ великое утѣшеніе не только въ потерѣ имущества, не только въ утратѣ дѣтей или въ другомъ подобномъ несчастіи, но и въ грѣховныхъ искушеніяхъ. Когда падаетъ человекъ, пойманный и низринутый грѣхомъ, когда потомъ его начнетъ угрызать совѣсть, то часто онъ, постоянно вспоминая о грѣхѣ, подавляется чрезмерною печалью, каждый день горитъ въ огнѣ и не получаетъ утѣшенія, несмотря на множество утѣшителей. Но войдя въ церковь и услышавъ, что многіе изъ святыхъ послѣ паденія возстали и снова вошли въ прежнюю славу, непримѣтно получаютъ утѣшеніе. Паденія праведныхъ для того и описаны въ Библии, чтобы какъ добродѣтельные люди, такъ и грѣшники получали отъ нихъ величайшую пользу. Видя, что другой палъ и однако могъ опять возстать, грѣшникъ не приходитъ въ отчаяніе и безнадежность. Добродѣтельный же будетъ ревностнѣе, благонадежнѣе, будетъ всегда бдителенъ и покажетъ великую внимательность къ себѣ самому, когда увидитъ, что многіе изъ тѣхъ, которые гораздо лучше его, пали. Когда насъ утѣшаетъ въ печали человекъ, мы утѣшаемся только повидимому, только на нѣсколько времени, а затѣмъ опять впадаемъ въ прежнюю печаль. Напротивъ, когда примѣромъ другихъ согрѣшившихъ, покаявшихся, спасшихся, Богъ вразумляетъ насъ, тогда Онъ дѣлаетъ явною для насъ Свою благодать, и мы, получая вѣрное и надежное утѣшеніе, не сомнѣваемся уже въ своемъ спасеніи ¹⁾. Вообще великое утѣшеніе и назиданіе получаемъ мы отъ событій, повѣствуемыхъ въ писаніяхъ. По этой причинѣ ап. Павелъ и говоритъ: „утѣшеніемъ изъ писаній сохраняемъ надежду“ (Рим. XV, 4) ²⁾.

Многokrатно и разнообразно описываетъ Златоустъ возрождающее дѣйствіе боговдохновеннаго Писанія *на человеческую волю*. Одного чтенія словъ Писанія иногда достаточно для очищенія всякой гнилости грѣха. А чѣмъ далѣе человекъ внимаетъ этимъ словамъ, тѣмъ болѣе будетъ очищаться гной. Какъ огонь, чѣмъ сильнѣе объемлетъ золото, тѣмъ

¹⁾ De poenitentia; IV, 1 (M. XLIX, 299. 300).

²⁾ In psalm. CXLI, 4. (M. LV, 453).

болѣе истребляетъ ржавчину, такъ и слава боговдохновеннаго Писанія, чѣмъ глубже проникають въ душу, тѣмъ болѣе очищаютъ грѣхъ ¹⁾. Черезъ чтеніе писаній душа вводится какъ бы въ нѣкоторую спокойную и безмятежную пристань. Упражненіе въ божественныхъ писаніяхъ есть нерушимая стѣна, непоколебимая крѣпость, неотъемлемая слава, несокрушимое оружіе, невозмутимое благополучіе, постоянное удовольствіе и всякое добро, какое только можно представить. Прогоняя уныніе, сохраняя благодушіе, слово Божіе бѣднаго дѣлаетъ богаче богатыхъ, людямъ богатымъ доставляетъ безопасность, дѣлаетъ праведнымъ грѣшника, праведнаго поставляетъ въ безопасномъ убѣжищѣ, исторгаетъ существующее зло, насаждаетъ несуществующее добро, прогоняетъ злобу, возвращаетъ къ добродѣтели и не только возвращаетъ, но и укореняетъ ее и дѣлаетъ постоянною, составляя духовное врачество и нѣкоторую божественную и неизреченную пѣснь, умерщвляющую страсти ²⁾. Говоря о Св. Писаніи, какъ врачевствѣ противъ страстей и грѣховъ, Златоустъ по обыкновенію прибѣгаетъ къ сравненію. Люди, сидящіе при источникѣ, наслаждающіеся его прохладою, при наступленіи жара, устраняютъ этотъ душливый жаръ потоками, легко обмерчаютъ и мученіе, если беспокоитъ ихъ жажда. Такъ и человѣкъ, находящійся при источникѣ божественныхъ писаній, если почувствуетъ беспокоящій его пламень непристойной похоти, легко потушитъ его, погрузивъ душу въ эти воды. Отъ всѣхъ порочныхъ помысловъ, какъ бы изъ среды пламени, избавляетъ душу чтеніе божественныхъ писаній ³⁾. Никто не можетъ спастись, если не упражняется въ духовномъ чтеніи, въ чтеніи божественныхъ писаній. Но и то еще хорошо, если мы успѣемъ когда-либо спастись, непрестанно пользуясь этимъ врачевствомъ. такъ какъ мы каждый день получаемъ раны. Мастерамъ мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ орудіями ремесла служатъ молотъ, наковальня и клещи. Для христіанъ орудіями спасенія служатъ апостольскія, пророческія книги и вообще все Писаніе боговдохновенное и полезное (2 Тим. III, 16). Какъ мастера своими орудіями обдѣлываютъ всякіе сосуды, за ка-

¹⁾ De poenitentia VI; num. 3 (M. XLIX, 317).

²⁾ In psalm. XVIII, 17; n. I (M. LV, 513).

³⁾ De utilit. lection. Scriptur I (M. LI, 89).

кіе беруться, такъ и мы этими пособіями устроємъ нашу душу, исправляемъ разстроившуюся, обновляемъ обветшавшую. Какъ хранящіяся въ какомъ-либо домѣ царскія оружія доставляютъ великую защиту жителямъ, потому что злодѣи не осмѣливаются напасть на этотъ домъ, такъ прогоняется всякая злая сила оттуда, гдѣ находятся духовныя книги, и живущимъ тамъ бываетъ великое назиданіе въ добродѣтели. Даже одинъ видъ такихъ книгъ дѣлаеть насъ болѣе воздержными отъ грѣха. Когда мы осмѣливаемся совершить что-либо запрещенное и сдѣлаемъ себя нечистыми, то, возвратясь домой и взглянувъ на эти книги, мы болѣе осуждаемъ себя въ совѣсти, дѣлаемъ менѣе склонными къ повторенію тѣхъ же грѣховъ. Если же, напротивъ, будемъ жить благочестиво, то получимъ оттуда еще большую пользу ¹⁾.

Вообщее, по ученію Іоанна Златоуста, въ Св. Писаніи предложена дивная лѣчебница, лѣчебница не для тѣлъ, а для душъ. Она—духовна и исцѣляетъ не тѣлесныя раны, а грѣхи душевныя. Врачевство ея составлено не изъ земныхъ растений, а изъ небесныхъ глаголовъ. Не руки врачей приготовили его, а уста пророковъ ²⁾. Весьма выразительно обозначаетъ Златоустъ высокія преимущества врачевнаго дѣйствія слова Божія. Врачевство его—всегда дѣйствительно, не ослабѣвая отъ продолжительности времени, не теряя силы отъ упорства болѣзней. Лѣкарства врачей, по црошествіи продолжительнаго времени, становятся слабыми, подобно состарившимся тѣламъ, а упорство болѣзней часто лишаетъ лѣкарства силы: это—лѣкарства человѣческія. Не таково—врачевство божественное. Съ того времени, какъ жилъ Моисей (такъ какъ отъ него—начало писаній), оно уврачевало столько людей, не потеряло своей силы, и никакая болѣзнь никогда не дѣлала его недѣйствительнымъ! Въ земныхъ лѣчебницахъ, гдѣ нужно платить деньги, получаетъ нерѣдко пользу только богатый. А бѣдный, за недостаткомъ средствъ для пріобрѣтенія лѣкарствъ часто уходитъ, не получивъ пользы. Въ небесной лѣчебницѣ не нужно тратить серебра, а должно только показать вѣру и желаніе. А такъ какъ они суть плата за врачевство, то больше всего получаетъ пользы тотъ, кто принесъ ихъ съ усердіемъ. Богатый и

¹⁾ De Lazaro III, 2 (M. XLVІІІ, 993. 994).

²⁾ Migne. LI, 354

бѣдный здѣсь одинаково—участвуютъ въ пользѣ. Лучше сказать: бѣдный часто уходитъ, получивъ большую пользу, чѣмъ богатый. Занятый многими заботами, надменный гордостью, преданный лѣности и безпечности, богатый принимаетъ врачество слушанія писаній не съ большою ревностью и усердіемъ. А бѣдный, свободный отъ доскоши, невоздержанія и безпечности, употребляющій все время на праведные труды, приобретающій отъ этого въ душѣ великое любомудріе, болѣе внимателенъ и усерденъ къ сказанному ¹⁾. Такое значеніе слова Божія, какъ врачующаго средства противъ грѣховъ и страстей, весьма важно и велико. Великъ—плодъ отъ писаній, значительна—польза отъ нихъ (Рим. XV, 4). Слово божественное есть сокровищница всякаго рода врачествъ. Всякій можетъ найти здѣсь помощь, нужно ли смирить надменность, обуздать похоть, подавить пристрастіе къ деньгамъ, преодолѣть скорбь, внушить благодушіе или расположить къ терпѣнію ²⁾. Предастся ли кто гнѣву, непременно найдетъ врачество въ поученіяхъ писаній, гдѣ говорится, что самое движеніе гнѣва есть паденіе для человѣка (Сир. I, 22) и др., или въ повѣствованіяхъ писаній о гибели, отъ гнѣва фараона и царя ассирійскаго (ср. Исх. XIV, 5; 4 Пар. XIX, 35) и др. Одержимъ ли кто сребролюбіемъ,—пусть послушаетъ, что нѣтъ ничего беззаконнѣе лихоимца. (Сир. XIV, 1—10) или прочтетъ повѣствованія о Гіезѣ, Іудѣ, старѣйшинахъ-книжникахъ и проч. Гордится ли кто,—пусть послушаетъ, что Богъ гордымъ противится (Прит. III, 34), что начало гордости—грѣхъ (Сир. X, 1-4), и т. д. ³⁾. Хотя бы постигли человѣка безчисленныя бѣдствія, онъ все перенесетъ легко, получивъ изъ божественныхъ писаній достаточное побужденіе къ терпѣнію и любомудрію ⁴⁾. Нигдѣ такъ успѣшно не развивается духовная красота, какъ въ томъ дивномъ и божественномъ мѣстѣ, гдѣ апостолы и пророки смываютъ, исправляютъ, стираютъ старость грѣха, наводятъ цвѣтъ юности, уничтожаютъ всякое пятно, всякій порокъ, всякую скверну души нашей (Ефес. V, 27) ⁵⁾.

¹⁾ Ibidem. col. 355.

²⁾ In Ioann XXXVII, 1 (M. LIX, 207).

³⁾ In Acta apostolorum; hom. XXIX, 4 (M. LX, 219).

⁴⁾ De s. marty. Luciano; 1 (M. L, 522)

⁵⁾ Contr. Anom. XII, 5 (XLVIII, 812).

Съ неменьшею силою убѣжденія и краснорѣчія говорить Златоустъ о дѣйствіи слова Божія *на умъ* читателей. При одномъ только взглядѣ на евангеліе, тотчасъ благоустроится умъ, отрѣшаясь отъ всего житейскаго ¹⁾. Какъ нища духовная, св. писаніе укрѣпляетъ умъ, дѣлаетъ душу человѣка сильною, твердою, мудрою, какъ бы возносить ее на самое небо ²⁾. Чтеніе Библии Златоустъ сравниваетъ съ пріобрѣтеніемъ сокровища. Какъ человѣкъ получаетъ изъ сокровищницы великое богатство, хотя бы заимствовалъ изъ нея малую частицу, такъ и читатель божественнаго писанія даже въ его краткомъ выраженіи находитъ полноту мысли ³⁾. Нельзя пренебрегать даже такими мыслями св. писаній, которыя почитаются маловажными. Благодать Духа немногими словами внушаетъ любомудріе всѣмъ, кто ей внимаетъ: часто даже въ одномъ только изрѣченіи слова Божія подаются средства на весь путь жизни ⁴⁾. Неисчерпаемая глубина мысли, по ученію Златоуста, есть одно изъ существенныхъ свойствъ писанія. Чѣмъ болѣе проникаетъ въ его глубину, тѣмъ болѣе будутъ истекать божественныя мысли, Это—источникъ, неизсякающій ⁵⁾. Самыя доказательства писаній отличаются ясностью и убѣдительностію (*ἀπ' αὐτῶν παρὰ τῆς φύσεως τῶν Γραφῶν σαφεῖ τὴν ἀπόδειξιν* ⁶⁾). Доказанное простыми умственными соображеніями, хотя бы было истинно, не доставляетъ душѣ такого полного убѣжденія и достаточной увѣренности, какъ то, что основано на словѣ Божиємъ ⁷⁾. Не слушающій писаній не послушаетъ и воскресшихъ изъ мертвыхъ ⁸⁾. Слѣдовательно, знаніе писаній болѣе могучее, чѣмъ воскресеніе мертвыхъ. Не столько имѣетъ значенія воскресеніе мертвыхъ, сколько чтеніе Писаній ⁹⁾. Даже чтеніе Писанія безъ толкованія—благоотворно и дѣйственно. Тотъ, кто постоянно читаетъ божественныя писанія и стоитъ

¹⁾ De Laz. III, 2 (XLVIII, 994).

²⁾ In Genesis; hom XXIX: n. 2 (M. LIII, 262).

³⁾ In Senesin cap. I; hom. III, 1 (M. LIII, 32).

⁴⁾ De statuis ad populum Antiochenum; hom. I, 1 (XLIX, 18).

⁵⁾ De Lazaro; hom. IV, 1 (M. XLVIII, 1007).

⁶⁾ De Lazaro: IV, 5 (M. XLVIII, 1013).

⁷⁾ Contr. anom. XI, 1 (M. XLVIII, 797).

⁸⁾ De Lazar. IV, 2 (M. XLVIII, 1009).

⁹⁾ Hom. in diem memoriae martyri. 4 (LI, 833).

какъ бы при его погодахъ, хотя бы не имѣлъ никакого толкователя, пріобрѣтаетъ себѣ великую пользу постояннымъ чтеніемъ, какъ бы нѣкоторыми корнями ¹⁾).

Гдѣ же находится источникъ, гдѣ—причина того, что Библия оказываетъ высоко облагораживающее, возрождающее, освящающее дѣйствіе на души, сердце, волю и умъ своихъ читателей?

Источникъ тотъ—въ ея боговдохновенности. Въ обыкновенныхъ книгахъ дѣйствіе словъ происходитъ отъ человѣческой мысли; въ св. писаніи—отъ силы и благодати Духа (*ἐκείνη μὲν, γὰρ ἀνθρώπινης ἐστὶ διανοίας, αὐτὴ δὲ τῆς τοῦ Πνεύματος δουλείας καὶ τῆς χάριτος* ²⁾). Если въ Библии можно найти великое сокровище даже въ одномъ слогѣ, то причина этого—очевидна. Въ ней содержатся не простые слова, а слова Духа Святаго ³⁾. Именно потому въ божественномъ писаніи ничего не сказано безъ цѣли, что все изречено Духомъ Святымъ ⁴⁾. Даже мысли, кажушіяся маловажными, происходятъ отъ благодати Духа. А благодать Духа никогда не бываетъ малой и скудной, но великой, удивительной, достойной щедрости Давшаго. Часто достаточно взять изъ Библии одно только изречение, чтобы имѣть средства на весь путь жизни ⁵⁾. Именно какъ изліяніе безконечно совершеннаго Духа Божія, какъ слово Духа Святаго, св. Писаніе заключаетъ въ себѣ безпредѣльное море мыслей, несказанно богатое сокровище любомудрія ⁶⁾. Источникъ писанія удивителенъ по своей природѣ, потому что въ немъ не потоки воды, а дары Духа ⁷⁾. Если слово, произнесенное отъ божественнаго писанія, умягчаетъ человѣческую душу сильнѣ огня, дѣлаетъ ее способною на все прекрасное, то причина этого—въ боговдохновенности: увѣщанія отъ писанія сопровождаются дѣйствіемъ Духа ⁸⁾. Здѣсь же имѣетъ основаніе и то, что сокровищница слова Божія никогда не исто-

¹⁾ De utilit. lection. Scripturar. 2. (M. LI, 90).

²⁾ In Ioann. III, 1 (M. LIX, 38).

³⁾ In Senes XV, 1 (M. LIII, 119).

⁴⁾ In Ioann. LIII, 3 (M. LIX, 295).

⁵⁾ De status; ad popul. antiochen. I, 1 (XLIX, 18).

⁶⁾ In Senes XVI, 1 (M. LIII, 126); cap. II; hom. XV, 1; cap II (LIII, 119) и др.

⁷⁾ De utilit. lection. Scriptur. I (M. LI, 87, 88).

⁸⁾ In Matth. hom. II, 6 (M. LVII, 31).

щается, не оскудѣваетъ. Источникъ Духа Святаго обильно изливаетъ ее ¹⁾. *Слѣдовательно, писаніе есть произведеніе Бога, хотя и написано чрезъ людей.*

II.

Будучи написана по вдохновенію Духа Святаго, Библия имѣетъ въ планѣ божественнаго домостроительства *опредѣленную цѣль.*

Первобытное человѣчество *не имѣло Библии.* Если бы Богъ съ самаго начала сталъ учить людей посредствомъ книгъ и письменъ, то незнающій грамотѣ, безъ сторонняго наставленія, не получилъ бы никакой пользы. Съ другой стороны, если богатый купилъ бы книгу, то бѣдный не могъ бы ее пріобрѣсти. Кромѣ того, содержаніе книгъ могло быть доступно только человѣку, знающему языкъ, на которомъ онѣ написаны. Скиѣ, варваръ, индѣецъ, египтянинъ, какъ незнакомые съ языкомъ св. книгъ, не узнали бы ничего. Напротивъ, въ книгу природы можетъ одинаково смотрѣть простой человѣкъ и мудрецъ, бѣдный и богатый. „Небеса повѣдаютъ славу Божию“ (пс. XVIII, 1), хотя не имѣютъ голоса, не получили устъ, хотя вѣтъ у нихъ языка. Видя красоту, величіе, высоту, положеніе, видъ и столь долговременное существованіе ихъ, человѣкъ поклоняется Создавшему столь прекрасное, столь чудное тѣло. Молчаливое небо своимъ видомъ издаетъ звукъ громче трубы. Оно научаетъ насъ чрезъ зрѣніе, а не чрезъ слухъ, такъ какъ первое чувство вѣрнѣе и яснѣе по самой природѣ. Познаніе посредствомъ глазъ—одинаково для всѣхъ и не различно, какъ познаніе посредствомъ языковъ. Скиѣ, варваръ, индѣецъ, египтянинъ, — словомъ, всякій человѣкъ слышитъ голосъ неба, потому что доходитъ онъ до нашего ума не чрезъ уши, но чрезъ чувство зрѣнія ²⁾. Человѣчеству, собственно, не слѣдовало имѣть и нужду въ помощи писанія, а надлежало бы вести столь чистую жизнь, чтобы благодать Духа служила душамъ, вмѣсто книгъ, чтобы сердца были исписаны Духомъ, какъ книги исписаны чернилами. Дѣйствительно, съ Ноемъ, Авраамомъ, его потомками, равно

¹⁾ In Senes. XVI, 1; cap. II (M. LIII, 126).

²⁾ De status ad popul. Antioch. IX, 2 (M. XLIX, 105, 106).

какъ съ Иовомъ и Моисеемъ Богъ бесѣдовалъ не чрезъ письменна, а непосредственно, потому что ихъ умъ находилъ чистымъ ¹⁾. Авраамъ уже потому не могъ пользоваться книгами, что самыхъ письменъ тогда еще не было изобрѣтено. Однако, происходя отъ предковъ—идолопоклонниковъ будучи варваромъ и воспитанъ среди варваровъ, не имѣя никакого учителя въ благочестіи, онъ позналъ Бога и несравненно превзошелъ всѣхъ своихъ потомковъ, хотя они пользовались закономъ и пророками ²⁾. Письмена, скрижали и наставленія чрезъ нихъ явились уже въ позднѣйшее время, когда весь еврейскій народъ впалъ въ самую глубину нечестія. Таково же—происхожденіе св. письменности и въ Новомъ Завѣтѣ. Богъ не далъ апостсламъ чего-либо писанаго, но, вмѣсто писаній, обѣщалъ даровать благодать Духа, Который напомнитъ имъ все (Іоан. XIV, 26). Апостоль Павелъ также говоритъ, что онъ получилъ законъ, написанный не на каменныхъ скрижаляхъ, а на плотяныхъ скрижаляхъ сердца (2 Кор. III, 3). Необходимость въ наставленіи письменномъ опять явилась тогда, когда одни уклонились отъ истиннаго ученія, другіе—отъ чистоты жизни и нравственности ³⁾. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія Іоанна Златоуста, боговдохновенное Писаніе есть необходимая, существенная составная часть исторіи божественнаго Откровенія, такъ что появленіе св. письменности органически—неразрывно соединялось съ этой исторіей, какъ безусловно необходимое звено ея.

Такою связью съ божественнымъ Откровеніемъ опредѣляется и цѣль боговдохновеннаго Писанія. „Въ божественномъ Писаніи, учитъ Златоустъ, ничего не сказано безъ цѣли, такъ какъ все изречено Духомъ Святымъ“ ⁴⁾. Цѣль эта состоитъ въ исправленіи, возрожденіи, спасеніи человѣческаго рода. „Цѣль обоихъ завѣтовъ—одна: исправленіе людей“ ⁵⁾. Не для того даны Писанія, чтобы мы имѣли ихъ только въ книгахъ, но чтобы начертывали въ своихъ сердцахъ ⁶⁾.

¹⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 13).

²⁾ In epist. ad Romanos; XXVI, 4 (LX, 4).

³⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 13—14).

⁴⁾ In Ioann hom. L, 1 (LIX, 277).

⁵⁾ M. LVI, 313.

⁶⁾ In Ioann. XXXII, 3 (M. LIX, 187).

Практическая цѣль Библии и проявляется въ томъ, что люди, вѣруя божественному Писанію, хранятъ въ своихъ душахъ здравые догматы и вмѣстѣ съ тѣмъ ведутъ правильную жизнь, такъ что жизнь свидѣтельствуетъ о догматахъ и догматы сообщаютъ твердость жизни ¹⁾. Св. Писаніе умудряетъ душу, заставляетъ умъ нашъ постоянно обитать въ небесахъ, побуждаетъ съ величайшею ревностью стремиться къ подвигамъ добродѣтели, твердо полагаться на обѣтованія Божіи и пр. ²⁾. Самыя объясненія Писанія предлагаются не для того только, чтобы ихъ поняли, но что бы исправлялись нравы ³⁾. Нѣтъ ни одного недуга: ни душевнаго, ни тѣлеснаго изъ всѣхъ, обременяющихъ человѣческую природу, который не получалъ бы соотвѣтствующаго врачевства изъ боговдохновеннаго Писанія. Удрученъ ли кто печальными обстоятельствами житейскими, обремененъ ли—крайнею бѣдностью, претерпѣваетъ ли отъ другихъ оскорбленія и клеветы, унываетъ ли, считаетъ ли, наконецъ, самую жизнь невыносимою—всѣ получаютъ въ словѣ Божіемъ достаточное утѣшеніе ⁴⁾. Именно для нашего наставленія изложено въ св. Писаніи рядъ сказаній о жизни праведниковъ, какъ бы нѣкая золотая цѣпь ⁵⁾. Цвѣтущій лугъ представляетъ взорамъ различные и разнообразныя цвѣты. Подобнымъ образомъ въ божественномъ Писаніи показаны намъ добродѣтели праведныхъ. Но мы не должны только наслаждаться благоуханіемъ этихъ добродѣтелей, какъ благоуханіемъ цвѣтовъ. Мы должны постоянно собирать съ нихъ плоды ⁶⁾. Велико, напротивъ, безразсудство тѣхъ, которые, утративъ достоинство чистой жизни, не пользуются врачевствомъ св. Писанія, презираютъ его, какъ излишнее и неужное ⁷⁾.

Исправляя и возрождая человѣческія души, боговдохновенное Писаніе существенно содѣйствуетъ высокой цѣли божественнаго домостроительства *спасенія людей*. Св. Іоаннъ

¹⁾ In Senes. XIII, 4 (M. LIII, 110); in cap. II.

²⁾ In Senes. cap. XIV; hom. XXXV, 1 (M. LIII, 322).

³⁾ De Vet. Testam. obscuritate; hom. II, 7 (M. LVI, 186).

⁴⁾ In Genes.; cap. IX; hom. XXIX, 1 (M. LIII, 261).

⁵⁾ Ibidem. cap. XV; h. XXXVI, 1. (M. LIII, 332); ep. cap. XIV, XXXV, 8, (LIII, 331).

⁶⁾ Ibid. cap. XIX; XLIII, 1 (M. LIV, 395).

⁷⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 14, 15).

Златоустъ съ рѣшительностью утверждаетъ, что нельзя спастись безъ постоянного упражненія въ духовномъ чтеніи ¹⁾. Изслѣдованіе св. писаній есть путь къ достиженію спасенія ²⁾. Каждое обстоятельство, описанное въ божественномъ Писаніи, предано памяти не для чего-либо другого, какъ только для пользы и спасенія человѣческаго ³⁾. Черезъ св. писателей для нашего спасенія ниспосланы съ неба божественные законы ⁴⁾.

Въ этой общей цѣли заключены частныя, касающіяся *вѣроученія и нравоученія*.

Устами боговдохновенныхъ писателей возвѣщены человѣчеству *высшіе догматы вѣры*, принесенные свыше, не имѣющіе въ себѣ ничего человѣческаго ⁵⁾, догматы правые ⁶⁾, божественные ⁷⁾. Всюду, во всѣхъ своихъ частяхъ Библия служитъ органомъ для распространенія высшаго религіознаго знанія. Такъ пророкъ Моисей въ своей исторіи происхожденія неба и земли сообщаетъ не человѣческіе гаданія или вымыслы, а только дарованное отъ Господа ученіе ⁸⁾. Историки боговдохновенные ставятъ себѣ цѣлью показать великую премудрость и попеченіе Бога о людяхъ ⁹⁾. Пророческія писанія имѣютъ для себя сосредоточеніемъ Лицо Христа, образъ совершеннаго Имъ искупленія людей и распространенія по вселенной царства благодати ¹⁰⁾. Цѣлью псалмовъ также служить религіозное наученіе людей, а именно: наставленіе ихъ въ законъ Божіемъ ¹¹⁾. Въ Новомъ Завѣтѣ св. апостолы также являются прежде всего учителями небесныхъ догматовъ ¹²⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ, въ качествѣ таковыхъ догматовъ, указываетъ ученія о единствѣ безмернаго, блаженнаго божественнаго Существа, о высшемъ мірѣ небесныхъ силъ, объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, вочело-

¹⁾ Dé Laz III, 2 (M. XLVIII, 993).

²⁾ In Ioann. LIII, 3 (M. LIX, 295).

³⁾ In Genes XXIX I, (M. LIII, 261).

⁴⁾ In Gen XIV 2 (M. LIII 112) cap. II.

⁵⁾ In Ioan II, 3 (M. LIX, 33).

⁶⁾ Ibidem: LIII, 3 (M. LIX, 295).

⁷⁾ Ibidem: II, 4 (M. LIX, 35).

⁸⁾ In. Gen. XI, 3 (M. LIII, 93).

⁹⁾ In Isa VII, 1 (M. LVI, 78).

¹⁰⁾ Advers. iudaeos: 2- 17 (M. XLVIII, 815—838).

¹¹⁾ In psalm III, 1 (M. LV 35).

¹²⁾ De gloria in tribulationibus (Rom. V° 3) (M. LI, 158)

вѣченіи едиnorodнаго и единосущнаго Отцу Сына Божія, Его распятіи, погребеніи, воскресеніи, вознесеніи на небо, будущей безконечной жизни, будущемъ судѣ надъ мыслями, словами, дѣлами, о небесномъ царствѣ и пр. ¹⁾). Въ этихъ ученіяхъ св. Писателей нѣтъ ничего человѣческаго ²⁾

Преподать людямъ *совершенное ученіе о нравственности*, — вотъ вторая частная цѣль Библии. Именно благодаря св. Писанію, мы узнаемъ, что-такое добродѣтель ³⁾). Въ этомъ смыслѣ слово Божіе есть истинная пища душъ, роскошь благочестивыхъ, богатство набожныхъ ⁴⁾, источникъ всякой жизни ⁵⁾. Въ св. Писаніи мы имѣемъ врачевство для души. Отъ незнанія Писанія происходитъ всякое зло. Нельзя выходить на войну безъ оружія: легко спастись съ Писаніями, а безъ нихъ невозможно ⁶⁾. Ничто такъ не свидѣтельствуешь о душѣ человѣческой, какъ любовь къ слову Божію: равно какъ ничто такъ не обличаетъ неразумія души, какъ пренебреженіе къ нему. Тѣ люди, которые небрегутъ о слышаніи слова Божія, теряютъ чрезъ это свое человѣчество, утрачиваютъ самое свое природное достоинство ⁷⁾. Съ благоговѣніемъ со страхомъ, поэтому, пужно внимать сказаніямъ божественнаго Писанія. Въ немъ ничего не написано безъ цѣли, напрасно, но все съ пользою и къ нашему благу ⁸⁾. Назиданіе всюду выставляется св. писателями, какъ опредѣленная и ясная цѣль ихъ книгъ. Такъ пророкъ Моисей пишетъ о твореніи міра именно съ цѣлью назиданія и наставленія рода человѣческаго ⁹⁾. Такова же-цѣль дивныхъ исторій, изложенныхъ въ боговдохновенныхъ книгахъ. Какъ бы на высокой, великой и широкой картинѣ изображепа, здѣсь жизнь древнихъ отъ Адама до пришествія Христова, представляя праведниковъ какъ падавшихъ, такъ и увѣнчан-

¹⁾ Ibidem (M. LI, 157): in Matth. 1, 2 (LVII, 16, 17), in Ioann. II, 1 (M. LIX, 30).

²⁾ In Ioann. II, 3 (LIX, 33).

³⁾ In Ioann. LIII, 3 (M. LIV, 295).

⁴⁾ Hom. de legislatore (M. LVI, 397).

⁵⁾ „Γραφαί πάσης σοφίας αἰνται εἰσὶν“; in Ioann. XII, 1, (M. LIX, 255).

⁶⁾ Hom. in epistol. ad Colossenes: IX, 1. (M. LXII, 362).

⁷⁾ De mutatione nominum I (M. LI, 114).

⁸⁾ In Genes. XLIV, 4 (M. LIV, 410).

⁹⁾ In Genes. IV, 2 (M. LIII, 41).

ныхъ¹⁾. Цѣль псалмовъ состоитъ въ наученіи людей добродѣтельной и цѣломудренной жизни, чтобы они никогда не дѣлали зла, не презирали Божіихъ законовъ²⁾. Пророчества также изрекались не для того, чтобы люди только узнавали будущее, а чтобы, узнавъ, получали пользу отсюда, дѣлаясь отъ страха угрозъ болѣе благоразумными, а отъ обѣщанія благъ—болѣе усердными къ исполненію добродѣтели³⁾. Такая же цѣль и писаній Новаго Завѣта Самъ Христосъ въ краткихъ и ясныхъ словахъ евангелія училъ людей тому, въ чемъ состоитъ справедливое, честное, полезное (*τὸ δίκαιον καὶ τὸ πρεπον καὶ τὸ συμφερρον*), училъ любви къ Богу, къ людямъ, вообще училъ всякой добродѣтели⁴⁾, Св. апостолы въ своихъ посланіяхъ также предлагаютъ намъ новый образъ жизни, иную свободу, иное рабство, иную жизнь и смерть⁵⁾. На всѣ основные вопросы о человѣкѣ, о мірѣ, порокахъ, добродѣтели въ боговдохновенныхъ писаніяхъ Новаго Завѣта даны необходимые отвѣты⁶⁾. Обо всемъ этомъ боговдохновенные писатели говорятъ съ точностью, никуда не совращаясь, какъ бы стоя на нѣкоемъ кампѣ⁷⁾. Предлагаемая ими начала и правила жизни столь возвышенны, что до нихъ не могли дойти лучшіе языческіе моралисты⁸⁾.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

1) См. М. ЛII, 472, 473.

2) Expos. in psalm III, (M. LV, 35).

3) In Isa. VII, 1 (M. LVI, 77); ср. in psalm. XLVIII, 6 (M. LV, 231).

4) In Matth. I, 5 (M. LVII, 20).

5) In Matth. I, 4 (M. LVII, 19).

6) In. Ioann. II, 1 (M. LIX, 30).

7) In Ioann. II, 2 (M. LIX, 31).

8) In Matth. I, 4, 5 (M. LVII, 19).

УЧЕНИЕ СВ. ЮАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВОДХНОВЕННОСТИ БИБЛИИ.

(Продолженіе).

III.

Будучи подлиннымъ источникомъ божественнаго Откровенія, Библия обладаетъ *такими свойствами*, которыя выдѣляютъ ее изъ ряда обыкновенныхъ произведеній общечеловѣческой литературы.

Боговдохновенныя произведенія св. писателей *превосходятъ книги* языческихъ поэтовъ и философовъ. Раскрывая много пошлостей, внушая слушателямъ много пустяковъ, языческая наука отпускаетъ ихъ какъ бы съ пустыми руками. Благодать Духа, напротивъ, немногими словами внушаетъ любомудріе всѣмъ, кто ей внимаетъ, и часто бываетъ достаточно взять отсюда одно только, изреченіе, чтобы имѣть руководство на весь жизненный путь ¹⁾. Въ Писаніи вообще—бездна вопросовъ, на которые оно даетъ разрѣшеніе ²⁾. Помимо неисчерпаемаго богатства содержанія, Библия превосходитъ человѣческія книги высотой правилъ жизни. Знаменитые философы древности, какъ Платонъ, составившій пресловутую „Политію“, Зенонъ, писавшій объ общественномъ устройствѣ, были врагами нравственной чистоты, извращали уставы человѣческой природы. Напротивъ, боговдохновенные учителя не только искореняютъ похоть, не только подвергаютъ наказанію преступное дѣйствіе, но осу-

¹⁾ См. ж. „Вѣра и Разумъ“. № 3 за 1912 годъ.

²⁾ De statuis ad popul. Antioch. Hom. I; n. I (M. XLIX, 18).

³⁾ In Acta apostol XXIII, 4 (LX, 183)

ждають даже безстыдный взглядъ, оскорбительныя слова, непристойный смѣхъ, одежду, поступь, крикъ, стирають строгость даже до самаго малѣйшаго¹⁾. Кромѣ безстыдства, ученіе философовъ представляетъ много темнаго и труднаго для разумѣнія. Тратя тысячи словъ, философы стараются въ длинной, крайне неясной рѣчи показать, что такое—справедливость. Но таковыя усилія въ практическомъ отношеніи являются довольно бесполезными. Вѣдь простой земледѣлецъ, ваятель, плотникъ, кормчій или кто-либо другой, питающійся трудами своихъ рукъ, долженъ потратить многіе годы на изученіе того, что такое—справедливость, и даже отстать отъ своего занятія, отъ своихъ честныхъ трудовъ. Но прежде чѣмъ узнать это, онъ, ради этой справедливости, изнурилъ бы себя постояннымъ голодомъ и погибъ бы, такъ и не научившись ничему полезному. Не такова—бог вдохновенная истина. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ евангеліе Христа научаетъ насъ добродѣтели, любви къ Богу и ближнему (ср. Матѳ. XXII, 40: VII, 12). Это ученіе—удобопонятно, легкопостижимо для всѣхъ: для земледѣльца, для раба для вдовицы, даже для отрока и самаго малосмысленнаго²⁾. Въ то время какъ ученіе философовъ напоминаетъ какъ бы дѣтскую забаву, ученіе бог вдохновенныхъ писателей—сама истина. Они начертали для насъ въ своихъ писаніяхъ несравненный идеалъ возвышенной жизни, мѣстомъ которой назначили небо, руководителемъ; законодателемъ признали Бога, наградами же—не лавровый вѣнокъ, не масличную вѣтвь, а безсмертіе, усыновленіе Богу, ликованіе съ ангелами, предстоаніе царскому престолу и постоянное пребываніе со Христомъ³⁾.

Божественнымъ вдохновеніемъ обусловливаются *внутреннее единство и гармонія* Библии. Библия—едина потому, что авторъ ея отдѣльныхъ частей и книгъ есть Самъ Господь. Между, обоими завѣтами господствуетъ полное согласіе⁴⁾, такъ какъ одинъ Богъ говоритъ въ нихъ⁵⁾. Слова въ бог вдохновенныхъ книгахъ,—часто различны, но мысли

1) In Matth I, 5 (M. LVII, 19).

2) In Matth. I, 5 (LVII, 20).

3) In Matth. I, 5 (M. LVII 20).

4) Contra Anom. XI 3 (M. XLVIII. 799).

5) Homilia de Legislatore: 1 (M. LVI 398).

обыкновенно согласны¹⁾. Въ этомъ отношеніи св. Писаніе есть одинъ стройный организмъ, одно цѣлое тѣло²⁾. Отдѣльныя св. книги обнаруживаютъ свое сродство съ цѣлымъ³⁾. Эту мысль Іоаннъ Златоустъ объясняетъ прекраснымъ сравненіемъ. „Если ты, говоритъ онъ, возьмешь часгь, напр., ребра, то найдешь въ этой части все, изъ чего состоитъ цѣлое животное: нервы, жилы, кости, артеріи, кровь, словомъ, всѣ существенныя части тѣлеснаго состава. Такъ точно и въ св. Писаніи можно видѣть то же самое. Здѣсь всякая часть написаннаго ясно показываетъ сродство съ цѣлымъ“⁴⁾. Боговдохновенность объединяла и отдѣльныхъ св. писателей, составлявшихъ св. книги. Если св. писатели обнаруживаютъ совершенное единомысліе въ своихъ повѣствованіяхъ, то причина этого въ томъ, что одинъ „Духъ двигалъ души всѣхъ ихъ“⁵⁾. Въ виду этого, Златоустъ называетъ иногда св. писанія „одной христіанской книгой“⁶⁾. Слушаніе же слова Божія сравниваетъ съ вниманіемъ стройной духовной гармоніи, сила которой плѣняетъ, овладѣваетъ и увлекаетъ человѣческую душу⁷⁾.

Боговдохновенность сообщаетъ св. Писанію *печатъ особенной красоты и чистоты*. Въ металлическихъ рудахъ бываетъ весьма трудно найти желаемое, потому что металлы—земля. Кромѣ того, зрѣніе обманывается общностью природы искомымъ веществъ. Въ св. Писаніи, напротивъ, предлагается не смѣшанное съ землею золото, но золото чистое. Слова Господни—слова чистыя, серебро, очищенное отъ земли въ горнилѣ (ср. Пс. XI, 7). Писанія—это не металлы, требующіе обработки. Они доставляютъ готовое сокровище тѣмъ, которые ищутъ заключающагося въ нихъ богатства. Достаточно только открыть ихъ, чтобы, увидѣть блескъ содержащихся въ нихъ дорогихъ камней⁸⁾. Драгоценныя камни получаютъ свою цѣну не отъ тяжести составнаго вещества, а

1) Interpretat. in Isaiam prophet II, 1 (M. LVI 32).

2) In Matth. V, 1 (M. LVII, 56).

3) In Matth I, 3 (M. LVII, 56).

4) In Matth. I, 3 (LVII, 18).

5) In Ioann IV, I (M. LIX, 47).

6) Ibidem. XXXII, 3 (M. IX 187. 188).

7) Ad Stelechium et de compunctione II, 1 (M. XLVII, 411).

8) Interpret. in Isaiam prophet II, 2 (M. LVI, 110).

оть красоты его. Такъ точно и чтеніе божественнаго Писанія¹⁾. Благочестивая душа находитъ для себя въ Библии духовный, божественный дугъ, рай сладости и восторгается прекрасными восторгами боговдохновенныхъ книгъ²⁾. Отмѣчая духовную красоту Писанія, Златоустъ совершенно опредѣленно указываетъ и причину ея. Обыкновенные писатели обращаютъ все свое стараніе на изложеніе словъ. Напротивъ, Писаніе имѣетъ въ виду не красоту или искусное сочетание словъ. Св. Писаніе имѣетъ въ себѣ самомъ божественную благодать, которая сообщаетъ блескъ и красоту его словамъ (ἐχει γὰρ ἄκοθεν τὴν θεῖαν χάριν ἐπανθούσαν καὶ τὸ κάλλος τὰ λεγόμενα)³⁾.

Въ божественномъ вдохновеніи имѣетъ свой корень *глубина содержанія* св. Писанія. Если не изслѣдовать глубины св. Писанія, то одно чтеніе его еще не покажетъ сокровища заключающихся въ немъ благъ. Напротивъ, когда изслѣдователь не останавливается на поверхности, но нисходитъ въ самую глубину, предъ нимъ откроется великое море мыслей. Также и всякое сокровище не показываетъ богатства, доколѣ по нему ходить. Надобно прежде раскопать его, спуститься внизъ и только тогда найти сокрытое богатство⁴⁾. Говоря о морѣ божественныхъ писаній⁵⁾, Златоустъ называетъ его безпредѣльнымъ⁶⁾. Въ самомъ краткомъ изреченіи св. Писанія можно найти великую силу и несказанное богатство мыслей⁷⁾. Въ этомъ отношеніи Златоустъ справедливо сравниваетъ слово Божіе съ источникомъ, производящимъ обильные потоки и имѣющимъ много воды. Всего содержанія слова Божія невозможно объять—именно потому, что богатство этого сокровища—велико, потоки этого духовнаго источника—обильны⁸⁾. Даже сравнительно ясныя изреченія Писаній, которыя кажутся многимъ маловажными, даютъ поводъ къ высочайшему любомудрію. Гораздо болѣе это должно ска-

¹⁾ De statuis ad popul. Antioch. I 1 (M. XLIX 18).

²⁾ De utilit. lectionis Scripturarum; I (M. LI, 87).

³⁾ In Senes. XXXVII, 1 (M. LIII, 341). cap. XV.

⁴⁾ In illud I Cor. I, 1 (M. LI, 148).

⁵⁾ Contr. Anom. VII, 1 (M. XLVIII; 757).

⁶⁾ De prophetar. obscuritate. 2. (M. LII, 166).

⁷⁾ In Genes XVI, 1; cap. II (M. LIII, 126).

⁸⁾ Ibidem hom III, 1 (M. LIII, 32); hom X, 3; cap. I (M. LIII, 85).

зять о такихъ изреченіяхъ, которыя и сами по себѣ показываютъ свое богатство и которыя наполняютъ безчисленными сокровищами внимающихъ имъ ¹⁾. Въ качествѣ примѣровъ глубины содержанія св. писаній Златоустъ указываетъ въ Ветхомъ Заветѣ на пророчества Исаи, въ Новомъ—на посланія ап. Павла. Обычно Златоустъ говоритъ объ этомъ свойствѣ св. писаній образною рѣчью. Когда неопытные мореплаватели покидаютъ землю и по обѣимъ сторонамъ корабля не видятъ ничего, кромѣ морской бездны и неба, они впадаютъ въ какое-то болѣзненное помраченіе. Имъ представляется, будто корабль кружится вмѣстѣ съ моремъ. Подобнымъ образомъ испытываютъ смущеніе и тревогу души читателей, неопытныхъ въ изъясненіи св. писаній, вступаая въ море мудрости, погружаясь въ глубину мыслей пророка Исаи ²⁾. Апостоль языкъ какъ самъ исполненъ великой мудрости ³⁾, такъ этою мудростью проникнуты и удивительныя посланія его ⁴⁾. Душевное состояніе читателей, вступающихъ въ глубину апостольскихъ мыслей, въ море павловыхъ изреченій, Златоустъ также сравниваетъ съ головокруженіемъ неопытныхъ пловцовъ ⁵⁾. Изъ одного изреченія ап. Павла рождаются рѣзки мыслей; изъ одного его слова извлекается неизреченное богатство любомудрія ⁶⁾.

Въ связи съ глубиною содержанія Библии стоитъ *неисчерпаемое богатство его*. Рядомъ прекрасныхъ сравненій Златоустъ обрисовываетъ и это свойство слова Божія. Когда виноградникъ бываетъ обобранъ, то онъ остается безъ плода, съ одними листьями. Напротивъ, въ духовномъ виноградникѣ божественныхъ писаній всегда остается больше, хотя бы мы взяли все, что видимъ. Таково именно—свойство этого богатаго виноградника. Чѣмъ болѣе проникаешь въ его глубину, тѣмъ болѣе будутъ истекать изъ него божественныя мысли: это—источникъ неиссякаемый ⁷⁾. Въ другомъ случаѣ

¹⁾ De statuis ad popul. Antioch. hom. I, 1 (M. XLIX, 17).

²⁾ De prophet. obscuritat. num. I (M. LVI, 163. 165).

³⁾ Contr. Anom. hom. II, 4 (M. XLVIII, 714); срав. de sacerdotio; IV, 6 (M. XLVII, 668).

⁴⁾ Ibidem: IV, 7 (M. XLVII, 670).

⁵⁾ De Melchised. hom. n. I (M. LVI, 257).

⁶⁾ In illud: 2 Cor. IV, 13 (M. LI, 290).

⁷⁾ De Laz. IV, 1 (M. XLVIII, 1006. 1007).

Златоустъ сравниваетъ богатое содержаніе слова Божія съ неисчерпаемымъ источникомъ. Чѣмъ болѣе черпаютъ изъ духовныхъ потоковъ слова Божія, тѣмъ болѣе умножается духовная ихъ благодать. По мѣрѣ силъ черпали изъ этихъ потоковъ наши предки; то же самое будутъ дѣлать наши потомки. Но воды будутъ прибывать снова, потоки будутъ умножаться ¹⁾. Соотвѣтственно этому, опять же посредствомъ сравненія, изображаетъ Златоустъ и дѣйствіе слова Божія на человѣческую душу. Въ боговдохновенномъ писаніи содержится какъ бы сладкій источникъ меда. Но медъ вещественный доставляетъ удовольствіе только языку и скоро портится. Медъ же ученія не производитъ пресыщенія, но проникаетъ въ совѣсть, доставляетъ постоянную радость, руководитъ къ безсмертію ²⁾. Изъ книгъ Поваго Завѣта Златоустъ отмѣчаетъ богатство содержанія особенно евангелій и посланій ап. Павла. Невозможно исчерпать смыслъ писаній: это—источникъ не имѣющій предѣла. Много разсуждали о евангеліяхъ и, однако, всё говорили нѣчто новое и особенное. Чѣмъ кто болѣе изучаетъ, Св. Писаніе, тѣмъ яснѣе видитъ, тѣмъ лучше созерцаетъ чистый свѣтъ ³⁾. Посланія ап. Павла, по ихъ неисчерпаемой глубинѣ, Златоустъ чрезъ сравненіе противопоставляетъ земнымъ рудникамъ. Тѣ, которые раскрываютъ золотые рудники, сколько бы ни извлекали богатства, не отступаютъ до тѣхъ поръ, пока не выберутъ всего золота. Мы же, изслѣдуя божественныя изреченія, также вырываемъ золото, но не чувственное, а духовное, потому что работаемъ не въ земныхъ рудникахъ, а въ рудникахъ Духа. Посланія ап. Павла суть какъ бы духовные рудники и источники: рудники, потому что доставляютъ намъ богатство драгоценнѣе всякаго золота; источники, потому что они никогда не изсякаютъ, но столько въ нихъ пребываетъ, сколько оттуда черпается. До пятисотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ жилъ ап. Павелъ. Множество писателей, учителей, толкователей много и часто черпали оттуда, но не истощили богатства, тамъ заключающагося. Такъ какъ это—не чувственное сокровище, то оно и не истощается отъ **многочи-**

¹⁾ In Genes. III, 1; cap. (M. LIII, 32).

²⁾ In illud Isa. XLV, 7 (M. LVI, 141).

³⁾ In Acta apostol. XIX, 5 (M. LV, 156).

сленности вырывающихъ его, по растеть и множится ¹⁾. Причина такой неоскудѣваемости духовной сокровищницы слова Божія—очевидна: ее обильно наполняетъ и изливаетъ источникъ Духа Святаго ²⁾.

На божественномъ вдохновеніи основывается *вѣчно-жизненное значеніе* Св. Писаній, какъ первоисточниковъ религіозныхъ истинъ для человѣчества. Въ этомъ смыслѣ св. Іоанпъ Златоустъ часто говоритъ о значеніи боговдохновенныхъ писаній Новаго Завѣта. Св. апостолы, напр., превзошли царей и властителей. Царскіе законы отмѣняются иногда еще при жизни царей. Законы же апостоловъ-рыбарей, несмотря на то, что безчисленныя силы враговъ старались ихъ уничтожить, пребываютъ твердыми, непоколебимыми доселѣ ³⁾. Изъ посланій ап. Павла обильно и часто черпали множество писателей, учителей и толкователей съ того времени, какъ жили составители ихъ. Однако, не истощили и не могли истощить всего содержащагося въ нихъ богатства. Сколь многіе послѣ насъ и послѣ этихъ послѣднихъ опять другіе будутъ говорить о павловыхъ посланіяхъ. Но не оскудѣетъ этотъ богатый источникъ. Будучи духовнымъ, онъ не для того возникъ, чтобы когда-либо истощиться ⁴⁾. Своими писаніями апостолъ языковъ принесъ пользу не только вѣрнымъ его вѣка, равно какъ и жившимъ донынѣ, но будетъ приносить пользу всѣмъ, имѣющимъ существовать до послѣдняго пришествія Христа. Подобно стѣнѣ изъ адаманта, писанія ап. Павла будутъ ограждать церкви вселенной въ будущіе вѣка ⁵⁾.

Какъ изліяніе безконечно совершеннаго Духа Божія, какъ слово Духа Святаго ⁶⁾, Св. Писаніе, по ученію Іоанна Златоуста, заключаетъ въ себѣ *безпредѣльное море мыслей, несказанно—богатое сокровище любомудрія*. А потому для своего уразумѣнія требуетъ большого труда, тщательнаго изслѣдованія. Говоря объ этомъ послѣднемъ свойствѣ слова Божія,

1) In illud 2 Cor. IV, 13 (M. LII, 290).

2) In Senes. XVI, 1; cap. II (M. LIII, 126).

3) Advers iudaeos et gentiles demonstratio 6 (M. XLVIII, 821).

4) Hom. in illud: 2 Cor VI, 13 (M. LI, 290).

5) De sacerdotio: IV, 7 (M. XLVI, 670); срав. M. LVI, 274.

6) In Genes, XVI, 1 (M. LIII, 126); cap. II; ham. XV, 1 (M. LIII, 119); cap. II.

Златоустъ, по своему обыкновенію, пользуется образами. Въ естественномъ и общедоступномъ пути есть мѣста ровныя и удобныя. Но есть трудныя, неудобныя. Въ божественныхъ Писаніяхъ также встрѣчаются мѣста, удобопонятныя сами по себѣ для всѣхъ. Но другія мѣста нуждаются въ прилежномъ, внимательномъ изученіи ¹⁾. Когда человѣкъ идетъ по пути ровному и удобному, тогда нѣтъ нужды въ большой осторожности. Но если дорога идетъ по мѣстности наклонной, узкой, простирающейся до самой вершины горы, ограниченной съ обѣихъ сторонъ пропастями, тогда нужна душа бодрая, осторожная ²⁾.

Въ качествѣ причинъ *неясности и темноты* Св. Писанія Златоустъ указываетъ *внутреннія и внѣшнія*. Въ особенности эти свойства—присущи св. книгамъ Ветхаго Завѣта.

✓ Возвышенность, неизбяснимость для ума человѣческаго, нѣкоторыхъ истинъ вѣры, неисчерпаемая глубина божественнаго Откровенія, грубость и неопытность слушателей, педагогическія цѣли домостроительства спасенія людей, свойства еврейской рѣчи и трудность переводовъ съ на другіе языки,—вотъ *главныя причины* нѣкоторой неудобовразумительности св. книгъ Ветхаго Завѣта ³⁾. Со всею рѣшительностью св. Іоаннъ Златоустъ отвергаетъ ученіе аномеевъ, будто въ настоящее время—возможно совершенное религиозное знаніе. Люди Ветхаго Завѣта, въ особенностяхъ пророки не могли собственными сужденіями опредѣлить существа и свойствъ Бога ⁴⁾. По этой причинѣ, снисходя къ немощи людей, св. пророки употребляли человѣкообразныя выраженія. Намъ нельзя было бы понять пророческихъ словъ, если бы пророки не удостоили насъ такого снисхожденія ⁵⁾. Однако, и до сихъ поръ намъ—непонятны многія таинственныя видѣнія пророковъ. Поэтому, говоря о видѣніи серафимовъ Исаіей (VI, 1—2), Златоустъ замѣчаетъ; „Пророкъ сказалъ, что онъ видѣлъ; но умолчалъ, какъ видѣлъ. Я

¹⁾ In proph. Ierem. 1 (M. LVI, 153).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Выясненію этихъ причинъ Златоустъ посвятилъ особый трактатъ подъ заглавіемъ: „Ἀπόδειξις τοῦ χρησίμου τὰς περὶ Χριστοῦ καὶ ἐθνῶν καὶ τῆς ἐκπύσεως Ἰουδαίου προφητείας ἀσπεῖς εἶναι; см. M. LVI. 168—175.

⁴⁾ Cont. Anom. I, 3, 4 (M XLVIII 704. 705).

⁵⁾ In Genes. hom. X, 7 (LIII, 88).

принимаю сказанное, но не любопытствую знать умолчанное; разумью открытое, но не изслѣдую сокрытаго. Для того оно и сокрыто. Объясненіе Писаній есть золотая ткань; основа ея—золото; нить ея—также золото. Не примѣшиваю паутинныхъ тканей. Знаю слабость силъ моихъ“¹⁾.

При столь великой возвышенности откровеннаго содержанія св. книгъ Ветхаго Завѣта, трудность пониманія ихъ осложняется *приспособленностью къ ограниченному кругозору современныхъ іудеевъ*. Петрудное само по себѣ дѣлалось труднымъ не отъ свойствъ слова, а отъ неопытности слушателей. Такъ ап. Павелъ, сказавъ, что Христосъ былъ первосвященникомъ по чину Мельхиседекову (Евр. V, 10), называетъ прообразъ этотъ труднымъ для уразумѣнія. Конечно, прообразъ былъ неудобо-разъяснимъ не для самого апостола языковъ, обладавшаго особымъ даромъ духовной мудрости, слышавшаго неизрѣченные глаголы и восхищеннаго до третьяго неба. Причина неудобоизъяснимости—именно въ немощи самихъ слушателей (VII, 11: *ἡ ἀπειρία τῶν ἀκούοντων*), которые оказывались не въ состояніи отнести данный прообразъ къ домірному бытію Христа²⁾.

Кромѣ того, многія пророческія изреченія—неудобоопытны потому, что *изложены въ формѣ притчъ*. Приточная форма пророческой рѣчи была безусловно необходимой, чтобы событія будущаго покрыть нѣкоторою темнотою и тѣмъ доставить безопасность говорившимъ. Въ самомъ дѣлѣ, іудеямъ предсказывался цѣлый рядъ бѣдствій: безвозвратное разрушеніе храма, паденіе Іерусалима, скитаніе и разсѣяніе по всему міру, прекращеніе гражданскаго устройства, пророчество, жертвъ, священства, царства и т. д. Если бы іудеи слышали обо всемъ этомъ ясныя предсказанія пророковъ, то они ихъ умертвили бы, истребили бы и книги, не пощадилъ бы божественныхъ писаній³⁾.

Прикровенность пророчествъ объ отмѣнѣ закона Моисея въ царствѣ благодати имѣла для себя полное оправданіе *въ педагогическихъ цѣляхъ*. Справедливо св. ап. Павелъ говорить о покрывалѣ на лицѣ пророка Моисея (2 Кор. III, 12—14). Извѣстно, что послѣ принятія на горѣ скрижалей отъ лица

¹⁾ In Gen. VI (M. LVI, 136).

²⁾ De prophet. obscur. n. 1 (M. LVI, 165).

³⁾ Ibidem: n. 3. (M. LVI, 168); n. 5 (M. LVI, 171).

Моисея возсіяла такая дивная слава, что никто изъ народа не могъ подходить къ нему для бесѣды. Тогда и явилось покрывало на лицѣ пророка, чтобы онъ не былъ совершенно недоступенъ для народа. Законодатель пріобрѣталъ чрезъ это довѣріе тѣхъ, для кого предназначался его законъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ предначертанъ и образъ домостроительства Христа, Который пришелъ къ людямъ не съ обнаженнымъ Божествомъ, а облекся плотію. Какъ іудеи не могли созерцать всей славы законодателя, чему препятствовала лежавшая на его лицѣ завѣса, такъ не было бы нужно и покрывало на Ветхомъ Завѣтѣ, если бы законъ не имѣлъ славы неприступной ¹⁾. Покрывало Моисея не могло служить ни укоризной законодателя, ни осужденіемъ закона. Оно только указывало на помощь слушателей, потому что Моисей носилъ его для тѣхъ, которые не выносили славы лица его. Онъ немедленно снималъ покрывало, когда обращался ко Господу. Точно такъ же и законъ имѣлъ покрывало, снисходя къ іудеямъ, вслѣдствіе невозможности преподавать имъ совершенное и полное любомудрія ученіе о Христѣ и Новомъ Завѣтѣ ²⁾.

Относясь къ отдаленному времени, пророчества Ветхаго Завѣта *по самому существу своему* не могли не быть *прикровенными*. Всякое пророчество, даже если оно относится къ ближайшему будущему, не ясно до своего исполненія. Въ качествѣ примѣра Златоустъ приводитъ предсказаніе Господа о Своемъ воскресеніи. Господь предрекъ „о разореніи церкви Своего тѣла и возсозданіи ея въ три дня“ (Іоан. II, 21). Пророчество это оставалось закрытымъ до воскресенія Христа изъ мертвыхъ (II, 22) не только для іудеевъ, но даже и для ближайшихъ учениковъ Христа ³⁾. Самъ Господь говорилъ іудеямъ, что они не имѣли бы грѣха, если бы Онъ не пришелъ и не говорилъ имъ (Іоан. XV, 22). Конечно, іудеи не имѣли бы грѣха, такъ какъ пророчества были не ясны и прикровенны. Если бы пророчества Ветхаго Завѣта были ясны и понятны для іудеевъ, то и до пришествія Господа они имѣли бы грѣхъ ⁴⁾.

¹⁾ De prophet. obscur. n. 6 (M. LVI, 173. 174): n. 7 (M. LVI, 174).

²⁾ De proph. obscur. n. 1 (M. LXI, 176).

³⁾ Ibidem: I, (M. LVI, 177).

⁴⁾ De proph. obscur. n. 2 (M. LVI, 177).

Неудобовразумительность св. книгъ Ветхаго Завѣта была *не безполезна для самихъ читателей ихъ*. Человѣколюбивый Богъ для того и не соблаговолилъ, чтобы въ св. Писаніи при простомъ его чтеніи все вдругъ было удобопонятно и ясно, чтобы самъ человѣкъ показалъ бдительность въ его изслѣдованіи и чрезъ это получилъ пользу. Обыкновенно глубже ввѣдряется въ сознаніе то, что пріобрѣтается путемъ труда и усилія мысли. Но скоро улетаетъ изъ него то, что усваивается съ легкостью ¹⁾. Составители псалмовъ нерѣдко употребляютъ рѣчь загадочную и весьма трудную для разумѣнія и говорятъ притчами. Причина въ томъ, что прикровенное слово предохраняетъ многихъ отъ невнимательности и возбуждаетъ къ работѣ мысли. По этой причинѣ и Христось о многомъ говорилъ въ притчахъ ²⁾. Иные псалмы представляютъ какъ бы закрытое сокровище именно потому, что слова ихъ поютъ или произносятъ устами, но не стараются вникнуть въ силу мыслей, въ нихъ заключенныхъ ³⁾. Поэтому, нужно точное, обдуманное испытаніе Писаній (ср. Іоан. V, 39), чтобы найти положенное въ глубинѣ ихъ сокровище ⁴⁾. Здѣсь необходимо требуется помощь божественной благодати. Пророческія писанія, напр., подобны безпредѣльной морской безднѣ, со множествомъ пучинъ. Только съ помощью дарованной свыше благодати мы смѣло можемъ плыть по этой безднѣ ⁵⁾. Тотъ читатель, который съ усердіемъ и усиліемъ занимается словомъ Божиимъ, не оставляется Богомъ. Самъ Духъ Святой руководитъ имъ въ разумѣніи написаннаго, проникаетъ въ сердце, просвѣщаетъ умъ, озаряетъ смыслъ, наставляетъ въ невѣдомыхъ предметахъ ⁶⁾. Такъ иноплеменикъ, евнухъ ефіопской царицы, именно за свое усердіе и вниманіе получилъ небеснаго руководителя, когда не понималъ содержанія Писанія ⁷⁾. Нужна именно постоянная молитва, чтобы прозрѣть въ святилище слова Божія ⁸⁾.

¹⁾ In Genes XXXII I, (M. LIII, 292. 293).

²⁾ In psalm. XLVIII, 3 (LV, 225. 226).

³⁾ In psalm. 140; 1 (M. LV, 427).

⁴⁾ In Ioann. XLI, 1 (M. LIX, 235).

⁵⁾ De proph. obscur. 1. 2. (M. LVI, 163. 164. 166).

⁶⁾ In. Genes. XXXV, I (M. LIII, 321), cap. XIV.

⁷⁾ Ibidem. (M. LIII, 322); ср. de Lazar. III, 3 (M. XLVIII, 925).

⁸⁾ In. Ioann. XXI, I (M. LIX, 127).

Изъ внѣшнихъ причинъ большой трудности въ пониманіи св. книгъ Вѣтхаго Завѣта Златоустъ, главнымъ образомъ, отмѣчаетъ то, что писанія этого Завѣта, написанныя на языкѣ еврейскаго народа, были *переведены на греческій языкъ*. Сдѣланный при египетскомъ царѣ Птолемеѣ, переводъ этотъ самъ по себѣ полезенъ и необходимъ. Благодаръ Божію чрезъ этотъ переводъ сдѣлала пророчества какъ бы нѣкоторыми входами и путями. Чрезъ эти входы и пути, открытые со всѣхъ сторонъ, не только іудеи, но и язычники съ большимъ удобствомъ могли придти къ Царю пророковъ и поклониться Единородному Сыну Божію. Но переводъ съ одного языка на другой всегда сопровождается большими трудностями. Да и не возможно со всею ясностью передать рѣчь оригинала на другую ¹⁾.

Впрочемъ, *не все* ветхозавѣтное Писаніе прикрито темнотою и неясностью сказаній. Покрывало таинственности собственно было положено для іудеевъ на событія отдаленнаго будущаго, каковы: призваніе Церкви, отверженіе синагоги, отмѣна закона и пр. Все же, что говорилось о современныхъ историческихъ событіяхъ, было въ большей или меньшей степени ясно. Въ противномъ случаѣ Писаніе было бы бесполезно ²⁾. Зато Новый Завѣтъ—яснѣе, удобопонятнѣе Вѣтхаго, хотя въ немъ и говорится о предметахъ болѣе важныхъ, которые—выше человѣческаго ума ³⁾.

Вообще же содержаніе Св. Писанія, при всей возвышенности излагаемыхъ въ немъ истинъ вѣры и правилъ жизни, въ достаточной мѣрѣ *вразумительно*. „Если мы“, по словамъ Златоуста, „захотимъ принимать съ разсужденіемъ то, что говорится въ божественномъ Писаніи, то ни одно слово не покажется намъ труднымъ“ ⁴⁾. Не только для людей образованныхъ, но и для простыхъ, даже для мало-смысленныхъ, для земледѣльцевъ, для рабовъ и отроковъ слово Божіе—удобовразумительно ⁵⁾. Устроеніемъ божественной благодати авторами св. книгъ оказались люди простые: пастыри, рыбаки, скинотворцы. Въ этомъ Іоаннъ Златоустъ

¹⁾ De proph. obscur.; n. 2. 3 (M. LVI, 178. 179).

²⁾ De prophet. obscurit. n. 6 (M. LVI, 173).

³⁾ Ibidem; n. 3 (M. LVI, 167).

⁴⁾ In Genes. cap. II; hom. XVI, 5 (M. LIII, 131).

⁵⁾ In Matth. I, 5 (M. LVII, 20).

видить особое выраженіе промыслительной любви Божіей къ человѣчеству ¹⁾. Въ разъясненіе даннаго факта св. Іоаннь напоминаетъ о конечной цѣли св. книгъ. Тѣ, которые удостоились благодати Духа, сложили свои писанія не для суетной славы, какъ мудрецы внѣшніе, а ради спасенія слушателей ²⁾. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ обращалъ вниманіе не на Свое достоинство, а на спасеніе людей. Не о томъ Онъ заботился, чтобы сказать что-либо великое, но о томъ, чтобы привлечь насъ. Поэтому, въ словахъ Христа —немного высокаго, немного великаго. Да и это немного облечено въ прикровенную форму. Зато много въ нихъ—уничженнаго, много обыкновеннаго ³⁾. То же самое въ сущности нужно сказать объ апостолахъ и пророкахъ. Будучи общими учителями вселенной, они преподавали ученіе ясное, понятное для всѣхъ. Каждый самъ собою, при одномъ чтеніи могъ понять ихъ слова. Въ этомъ отношеніи боговдохновенные писатели представляли полную противоположность языческимъ философамъ, риторамъ и писателямъ, которые имѣли въ виду только возбудить удивленіе къ самимъ себѣ, а слова свои прикрывали обычною неясностью, какъ бы какимъ мракомъ ⁴⁾. Все боговдохновенное Писаніе, напротивъ, полно „словъ снисхожденія“. А таковыя слова приближаютъ его содержаніе къ разумнью людей. Когда мы бесѣдуемъ съ варварами, то употребляемъ ихъ языкъ, когда говоримъ съ младенцемъ, лепечемъ, подобно ему, снисходя къ малолѣтству его, хотя бы сами были мудрецами. Также разсуждаетъ, выражается и слово Божіе, чтобы подѣйствовать на людей болѣе грубыхъ ⁵⁾.

Сообразно своей практической цѣли: служить спасенію людей, Св. Писаніе *избѣгаетъ лишнихъ подробностей*, постороннихъ сообщеній. Слово Божіе—кратко, точно, безпристрастно. Въ немъ не замѣтно обычая разсказывать обо всемъ подробно. Начиная обыкновенно съ того, что по содержанию наиболѣе важно, Св. Писаніе прочее предоставляетъ разсмотрѣнію тѣхъ, которые имѣютъ къ тому доброе

¹⁾ De Laz. III, 2 (M. XLVІІІ, 994).

²⁾ Ibidem (M. XLVІІІ, 994).

³⁾ In Ioann. LXIV, 1 (M. LIX, 353).

⁴⁾ De Laz. III, 3 (M. XLVІІІ, 994).

⁵⁾ Expos. in psalm VI, 2. 1. (M. LV, 71).

расположеніе ¹⁾. Въ качествѣ образца краткой и сжатой рѣчи, Златоустъ справедливо указываетъ повѣствованіе Моисея о міротвореніи. Пророкъ не говоритъ о каждомъ твореніи въ отдѣльности, не перечисляетъ всѣхъ твореній по порядку, но упоминаетъ только о главныхъ. Такъ, сказавъ о сотвореніи и происхожденіи неба и земли, Моисей представляетъ намъ доразумѣвать обо всемъ, что—на небѣ и на землѣ (I, 1). Упомянувъ о произрастеніи травы (Быт. II, 4—7), онъ разумѣлъ подъ этимъ понятіемъ воѣ сѣмена и пр. ²⁾. Все лишнее, не относящееся къ существу поставленной задачи, оставляется боговдохновеннымъ писателемъ ³⁾. Причина такой формы рѣчи пророка—очевидна. „Не отъ себя говоритъ Моисей: что внушила ему благодать Духа, то и произносить онъ своимъ языкомъ для наученія человѣческаго рода“ ⁴⁾. То же необходимо сказать и о всѣхъ прочихъ св. писаніяхъ. Именно боговдохновенность сообщаетъ силу и выраженіе каждому слову св. писателей. Даже въ писаніяхъ, составленныхъ людьми, важенъ иногда одинъ слогъ. Тѣмъ болѣе—въ божественныхъ писаніяхъ, составленныхъ Духомъ Святымъ, когда мы не поверхностно пробѣгаемъ ихъ, а тщательно разсматриваемъ, не уступая въ усердіи людямъ, изслѣдующимъ предметы чувственного міра ⁵⁾.

Въ связь, съ краткостью, исключаяющей все лишнее, Златоустъ ставитъ *точность рѣчи* въ боговдохновенныхъ книгахъ. Всюду въ св. книгахъ примѣтны точность выражений и яснѣйшее различеніе предметовъ ⁶⁾. Свой восторгъ по сему поводу Златоустъ нерѣдко выражаетъ въ видѣ вопроса: „кто можетъ достойно восхвалить точность божественнаго Писанія?“ ⁷⁾ Точность Писанія выражается и въ томъ, что оно ничего положительно не говоритъ безъ нужды ⁸⁾. Опять въ качествѣ примѣра точной рѣчи, Златоустъ приводитъ библейскія повѣствованія Моисея. Пророкъ точно обозначаетъ,

¹⁾ In Genes. cap. II: hom. XII, 1 (M. LIII, 99).

²⁾ Ibidem: XII, 2 (M. LIII, 99—100).

³⁾ Ibidem: III, 1 (M. LIII, 33).

⁴⁾ Ibidem: hom. IV, 2 (LIII, 41).

⁵⁾ In Gen. XXI, 1 (M. LIII, 175); cap. V—VI

⁶⁾ In psalm. XLVIII, I (M. LV, 531).

⁷⁾ In Gen X 6 (M. LIII, 87); cap.

⁸⁾ Ibidem. XLIX, I. (M. LIV 444).

напр., число лѣтъ жизни патріарха Ноя и не безъ цѣли. Этимъ показано величіе долготерпѣнія и снисхожденія Господа къ послѣпотопному человечеству ¹⁾. Такая же точность замѣтна и въ обозначеніи числа лѣтъ жизни Исаака (Быт. XXV, 19. 20). Причина—въ томъ, что далѣе рассказывается о неплодіи Ревекки и о прекращеніи такового исключительно по молитвѣ праведника ²⁾. Точень—и рассказъ Моисея о рожденіи отъ Адама Сива „по виду и образу отца“ (V 3). Здѣсь дается знать о добродѣтельныхъ свойствахъ послѣдняго сына, въ противоположность злымъ наклонностямъ Каина ³⁾. Точно указывается Моисеемъ и число душъ, пришедшихъ съ патріархомъ Іаковомъ въ Египетъ (Быт. XLVI, 26, 27). Этимъ доказывается исполненіе Божія предсказанія Аврааму о происхожденіи отъ него великаго народа ⁴⁾. Такую же точность выражений, свидѣтельствующую о боговдохновенной мудрости и проницательности составителей, находитъ Іоаннъ Златоустъ во псалмахъ ⁵⁾. Изъ писателей Новаго Завѣта точность изложенія особенно при изложеніи высокихъ догматическихъ истинъ, отмѣчается, Златоустомъ у ап. Павла (ср. Кол. I, 16), и св. Іоанпа (I, 3 и др.) ⁶⁾. Вслѣдствіе такого свойства, въ божественномъ Писаніи нельзя пропускать безъ вниманія ни одного краткаго изреченія ни даже одного слога ⁷⁾. Источникомъ, производящимъ и это свойство Библии, также служитъ боговдохновенность. Въ библии содержатся „не простыя слова, но слова Духа Святаго. Поэтому великое сокровище можно найти и въ одномъ слогѣ“ ⁸⁾,

Въ то же время, при своей точности, св. Писанія предлагаютъ читателямъ вполне *объективныя и безпристрастныя* свидѣтельства истины. Мужичи святой жизни, св. писатели въ своихъ книгахъ чужды зависти, тщеславія и другихъ чувствъ. Евангелистъ Матѳей, напр. совершенно безпристрастно го-

¹⁾ In Gen XXII, 1 (M. LIII, 187).

²⁾ In Gen. XLIX, 1 (M. LIV, 444).

³⁾ In Gen XXI 3, (M. LIII, 177, 178); сар. V°.

⁴⁾ Ibidem: XLV, 2 (M. LIV, 561).

⁵⁾ In psalm XLVI, 3 (M. LV, 212).

⁶⁾ In Ioann. V, 2 (M. LIX, 59—56) (Кол. I, 16), (Іоан. I, 3). Το γὰρ αὐτὸ Πνεῦμα ταύτην ἐκίνει τὴν ψυχὴν.

⁷⁾ In Genes. XV, 1. (M. LIII, 119); сар. II.

⁸⁾ In Genes. XV, 1. (M. LIII, 119).

ворить о тѣхъ апостолахъ, которые были предпочтены другимъ на горѣ Преображенія (XVII, 1). Евангелистъ Иоаннъ съ полною правдивостю описываетъ всѣ тѣ отмѣнныя похвалы, которыя были обращены Христомъ къ ап. Петру и т. п. ¹⁾

Благодаря происхожденію, чрезъ божественное вдохновеніе, печать особенной духовной красоты и *сверхъестественной чистоты* лежитъ на св. Библии. Для поясненія этого свойства св. отецъ Церкви по обыкновенію пользуется образами и сравненіями. Драгоценныя камни получаютъ цѣну не отъ тяжести составнаго вещества, а отъ красоты его. Такъ точно и св. Писаніе, написанное благодатію Духа Божія ²⁾. Впрочемъ, нерѣдко общность природы ископаемыхъ веществъ въ металлическихъ рудахъ легко обманываетъ зрѣніе. Нужна большая тщательность для золотопромышленниковъ, чтобы узнать, что—дѣйствительно земля и что—золото. Между тѣмъ въ св. Писаніяхъ предлагается не золото, смѣшанное съ землею, но золото чистое. Достаточно только открыть Писанія, чтобы тотчасъ увидѣть блескъ содержащихся въ нихъ дорогихъ камней ³⁾. Справедливо слова Божіи сравниваются съ серебромъ, очищеннымъ чрезъ огонь, освобожденнымъ отъ земли въ горнилѣ (Ис. XI, 7) ⁴⁾, Самъ Златоустъ называетъ поэтому, чтеніе Писаній раемъ сладости, превосходящимъ рай первобытный ⁵⁾.

Весьма опредѣленно учить Златоустъ *о безошибочности и непогрѣшимости* Библии. Св. отецъ Церкви безусловно исключаетъ возможность того, чтобы св. писатели гдѣ-либо могли допустить погрѣшность, сознательно или бессознательно могли поставить себя въ противорѣчіе съ истинною. Противорѣчіе или ошибка могли бы имѣть мѣсто въ св. книгахъ, если бы ихъ составители отступали отъ истины. Но съ точки зрѣнія боговдохновеннаго происхожденія св. книгъ это безусловно исключается. При этомъ, конечно, безразлично, засвидѣтельствована ли истина, съ которою будто бы приходитъ въ столкновеніе тотъ или другой писатель, въ самой Библии или внѣ ея.

¹⁾ In Matth LVI, 1 (M. VII, 549).

²⁾ De statuis ad popul. Antioch. I, 1 (M. XLIX, 18).

³⁾ In Isa. VI, I; hom. II, 2 (LVI, 110).

⁴⁾ Abver iudaeos: V, I (M. XLVIII, 883).

⁵⁾ De utilitat. lection, Script. Sacv. (M. LI, 87).

Обыкновенно Златоустъ утверждаетъ свойство непогрѣшимости слова Божія въ отрицательной формѣ, напр.: „Писаніе не говоритъ неправды“ или „Писаніе не ложно“ и т. п. Поскольку св. текстъ той или другой книги совпадаетъ съ оригиналомъ, ошибки въ немъ не возможны. Приводя, напр., слова псалма „о насыщеніи евреевъ медомъ изъ скалы“ (LXXX, 17), Златоустъ замѣчаетъ, что нигдѣ въ Библии не сообщается, что Моисей изводилъ медъ изъ камня. Вездѣ читаемъ только о потокахъ, о водахъ, о прохладныхъ источникахъ. Что же означаетъ цитата псалмопѣвца, если Писаніе не говоритъ неправды? Очевидно, псалмопѣвецъ говоритъ истолковательно: называетъ воду медомъ не въ отношеніи ея природы, а по причинѣ состоянія истомленныхъ жаждою людей, каковое состояніе содѣлало водный источникъ столь сладостнымъ ¹⁾. Въ томъ обстоятельстве, что составитель Дѣяній называетъ Корнилія сотникомъ (X, 1—4), Златоустъ видитъ особую цѣль. Это дѣлается для того, „чтобы кто-либо не сказалъ, будто историческое повѣствованіе Писаній говоритъ неправду“ ²⁾. Иногда слова того или другого боговдохновеннаго писателя представляются несообразными, вслѣдствіе того, что берутся отдѣльно, безъ ихъ взаимной связи, отрываются отъ всего тѣла Св. Писанія. Пророкъ Іеремія, напр., пишетъ, что „не въ волѣ человѣка путь его, не во власти идущаго давать направленіе стопамъ своимъ“ (X, 23). Если взять это выраженіе внѣ контекста рѣчи, то оно можетъ дать поводъ къ дурнымъ мнѣніямъ. У людей ревностныхъ оно ослабитъ руки и охладитъ усердіе; въ безпечныхъ, напротивъ, усилитъ малодушіе и увеличитъ нерадѣніе. Однако, мы отнюдь не можемъ допустить, что пророкъ сказалъ неправду. Этого не могло быть, такъ какъ онъ изрекалъ слово Божіе ³⁾. Для устраненія затрудненія въ пониманіи словъ пророка, Златоустъ, во-первыхъ, ставитъ ихъ въ связь съ современной исторіей, во-вторыхъ, разсматриваетъ въ отношеніи къ человѣческой природѣ. Въ первомъ случаѣ св. писатель хотеть показать, что историческій путь, который привелъ вавилонскаго царя къ побѣдѣ надъ Іудеей, былъ предначертанъ Промысломъ Божіимъ, а не зависѣлъ

¹⁾ De statutis ad popul. Antioch. II, 7 (M. XLIX, 44).

²⁾ In Acta apostolorum: XXII, 1 (M. LX, 171).

³⁾ In Ierem. X, 23; п. 2 (M. LVI, 156).

только отъ него одного. Во второмъ случаѣ пророкъ желалъ, очевидно, пояснить, что Богъ раздѣляетъ съ человѣкомъ трудъ добродѣтели, что отъ нашей воли зависятъ выборъ лучшаго, желаніе, стараніе, но высшая благодать доводитъ желаніе человѣка до конца, даетъ ему успѣхъ въ дѣлахъ ¹⁾. Недостатокъ въ надлежащемъ изслѣдованіи Св. Писанія есть другая причина, побуждающая дѣлать возраженія противъ достовѣрности его. Извѣстно, что само по себѣ Писаніе—не ложно: но тѣ, которые не изслѣдуютъ всего написаннаго съ надлежащимъ тщаніемъ, нерѣдко заблуждаются ²⁾.

Божественное вдохновеніе безусловно *исключаетъ въ Св. Писаніи возможность какихъ-либо противорѣчій*. Чѣмъ чаще даже въ тотъ вѣкъ раздавались возраженія противъ Св. Писанія со стороны естественнаго человѣческаго разума, тѣмъ съ большею настойчивостью утверждалъ Златоустъ совершенное отсутствіе въ немъ противорѣчій. Это дѣлается св. отцомъ Церкви по различнымъ поводамъ и въ разнообразной формѣ. Такъ по поводу нѣкотораго различія между пророкомъ Моисеемъ и псалмопѣвцемъ (Быт. I, 1. 8 срав. пс. CXLVIII, 4) въ повѣствованіи о созданіи небесъ Златоустъ рѣшительно предупреждаетъ отъ мысли, будто Св. Писаніе въ чемъ-либо противорѣчитъ себѣ. Познавъ истинность сказаннаго, необходимо тщательно сохранять его ученіе и ограждать слухъ отъ говорящихъ противное ³⁾. Обычно путемъ искуснаго истолкованія, по методу антиохійской школы, Златоустъ устраняетъ мнимыя самопротиворѣчія св. Писанія. Извѣстно, что Моисей, на примѣръ, рассказываетъ, что Авраама, Нахора, Лота и Сарру вывелъ изъ земли халдейской собственно Фарра, который вскорѣ умеръ въ Харранѣ (ср. Быт. XI, 31. 32). Между тѣмъ первомученикъ Стефанъ (ср. Дѣян. VII, 2. 4) представляетъ событіе въ такомъ видѣ, что переселеніе совершается по рѣшенію именно Авраама, согласно божественнаго откровенія, полученнаго имъ въ Месопотаміи до прибытія въ Харранъ. „Что же“, спрашиваетъ Златоустъ, „Божественное Писаніе, противорѣчитъ самому себѣ? Да не будетъ“ ⁴⁾. Первомученикъ Стефанъ—

¹⁾ In Jer. X, 23; num. 4 (M. LVI, 159. 160).

²⁾ In epist. I. ad Corinthios, XXXIV, 6 (M. LXI, 294).

³⁾ In Genes. IV, 3 (M. LIII, 42).

⁴⁾ In Gen. XXXI, 3 (M. LIII, 286).

правѣ, поскольку богоявленіе Аврааму имѣло рѣшающее въ данномъ случаѣ значеніе. Но справедливо пишетъ и Моисей, поскольку Фарра, очевидно, по любви къ сыну рѣшился пойти въ Харранъ вмѣстѣ съ Авраамомъ¹⁾. Такимъ же путемъ примѣряются Златоустомъ и другія мѣста Св. Писанія. Пророкъ Моисей говоритъ, что Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ въ день седьмой (II, 3). Христосъ же свидѣтельствуеъ: „Отець Мой донынѣ дѣлаеъ, и Я дѣлаю“ (Іоан. V, 17). Никакого противорѣчія, при снесеніи этихъ изреченій, по Златоусту, не представляется. Въ содержаніи божественнаго Писанія нѣтъ ничего противорѣчающаго. Пророкъ говоритъ о прекращеніи творческой дѣятельности Бога, т. е. произведенія какого-либо бытія изъ небытія. Христосъ же — о непрерывности божественнаго Промышленія на сохраненіе, продолженіе существующаго и управленіе имъ²⁾.

Въ *положительной формѣ* о непогрѣшимости слова Божія Златоустъ учитъ тогда, когда говоритъ о *безусловной достовѣрности* его, о высшемъ авторитетѣ, доказательной силѣ и пр. Ничего не можетъ быть сильнѣе по доказательному значенію Св. Писанія³⁾. Это — совершенно естественно. Въдь св. Библия предлагаетъ намъ не умствованія челоувѣческія, а изреченія Божіи. А гдѣ говоритъ Богъ, тамъ никто противорѣчить не можетъ⁴⁾. Никто не долженъ говорить противное, словамъ Божіимъ, хотя бы кто преисполненъ былъ безумнаго самомнѣнія⁵⁾. Никто не долженъ задаваться праздными и излишними вопросами⁶⁾. Должно устраниваться, какъ отъ безумнаго, отъ такого челоувѣка, который, увлекаясь собственными соображеніями, пожелаетъ противорѣчить божественному Писанію, а лучше просто сожалѣть о невѣжествѣ его⁷⁾. Великой опасности подвергаются люди, отваживающіеся не только не вѣрить тому, что содержится въ божественномъ Писаніи, но и вводить другое отъ ума своего (ἐξ αἰσῆς διανοίας)⁸⁾. Кто не желаетъ слѣдовать правилу (τὸ κανόνι)

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem: X, 7 (M. LIII, 89); ср. in psalm. CIX, 2 (LV, 265).

³⁾ In psalm. III (M. LV, 36).

⁴⁾ Ibidem (M. LV, 36).

⁵⁾ In Genes II, 3 (LIII, 29); cap. I.

⁶⁾ Ibidem: VII, 4 (M. LIII, 66).

⁷⁾ Ibidem: X, 6 (LIII, 88).

⁸⁾ In Gen. XIII, 3 (LIII, 109); cap. II.

божественнаго Писанія, а напротивъ даетъ мѣсто собственнымъ умозаключеніямъ, тотъ не только возмущаетъ свой собственный умъ, но и въ здравое ученіе о православныхъ догматахъ вноситъ безконечные споры и словопренія ¹⁾. Напротивъ, тотъ, кто убѣждаетъ отъ писаній, не подвергается сомнѣнію ²⁾. Такой авторитетъ св. писаній обусловливается именно ихъ божественнымъ происхожденіемъ. Такъ какъ Писаніе—божественно, то и все сказанное въ немъ о Богѣ истинно ³⁾. Между тѣмъ, какъ обыкновеннымъ чувствамъ человѣка—свойственно обманываться, благодать Духа сообщаетъ истины непреложныя ⁴⁾. На этой почвѣ опредѣляется и отношеніе человѣка къ слову Божьему: съ великою благодарностью нужно принимать наставленія бож. Писанія ⁵⁾.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Ibidem: XIV, 2 (M. LIII, 113).

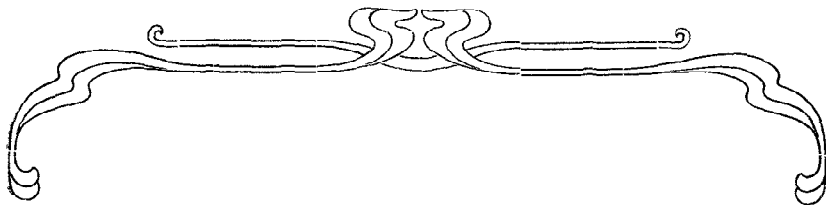
²⁾ In Act. apostol. XXXVII, 1 (M. LX, 264).

³⁾ In psalm. IV, 1 (M. LV, 57).

⁴⁾ In Isa, VII, 5 (LVI, 84).

⁵⁾ In Gen. III, 3 (LIII, 35).

УЧЕНИЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ БИБЛІИ.

(Продолженіе).

Собственно непогрѣшимость св. текста богословская наука усваиваетъ *автографамъ* боговдохновенныхъ писателей. Несмотря на большую тщательность, на стараніе переписчиковъ, въ отдѣльные экземпляры и даже полное собраніе св. книгъ могли вкрасться нѣкоторыя погрѣшности чрезъ посредство списковъ, копій и переводовъ. Особенно это было возможно при передачѣ или перепискѣ названій мѣстъ, лицъ, обозначеній чиселъ и т. п. Св. Златоустъ вполне *сознаетъ здѣсь важность различія между автографами и копіями, оригиналами и переводами* Св. Писаній. Это доказывается двумя примѣрами изъ комментаріевъ св. отца Церкви на евангеліе отъ Іоанна и на книгу пророка Даніила. Въ существовавшемъ въ то время текстѣ четвертаго евангелія мѣстомъ Іоаннова крещенія указано было Виванія (Іоан. 1, 28). Св. Златоустъ справедливо замѣчаетъ, что Виванія была не по ту сторону Іордана и не въ пустынь, а близъ Іерусалима. Поэтому, ссылаясь на списки болѣе исправные, Златоустъ утверждаетъ, что мѣстомъ крещенія была Вивавара ¹⁾, какъ доказывалъ и Оригенъ. Въ комментаріи на книгу пророка Даніила подобное замѣчаніе дѣлается о хронологической датѣ сновидѣній царя Навуходоносора. Въ спискахъ книги, употреблявшихся въ вѣкъ Златоуста, говорилось о второмъ

¹⁾ См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 4 за 1912 годъ.

²⁾ In Ioann. XVII, 1 (M. LIX, 107).

годѣ царствованія Навуходоносора (II, 1). Самъ Златоустъ доказываетъ, что сны видѣлись вавилонскому царю не во второй, а въ двѣнадцатый годъ. Если Іерусалимъ былъ взятъ въ девятомъ году правленія Навуходоносора и послѣ этого прошло три года, то годъ сновидѣнія, очевидно, былъ двѣнадцатымъ. Въ виду того, что у евреевъ однимъ и тѣмъ же знакомъ обозначаются числа: два и двѣнадцать, возможна была ошибка переписчика. Но, можетъ быть, пророкъ разумѣлъ второй годъ послѣ того, какъ отроки были представлены ко двору царя ¹⁾. При истолкованіи св. писаній, особенно псалмовъ, Златоустъ, слѣдуя традиціямъ антиохійской школы, изслѣдуетъ и сравниваетъ различные переводы. Въ этомъ обнаруживается его горячее стремленіе приблизиться къ первоначальному состоянію боговдохновеннаго подлинника ²⁾. Однако, Златоустъ сравнительно рѣдко отмѣчаетъ разногласія между оригиналомъ и наличнымъ текстуальнымъ преданіемъ. Слѣдовательно, его истолкованія опираются на предположеніи полной или по крайней мѣрѣ, весьма существенной гармоніи между ними.

Разсматривая Библию въ ея отношеніи къ читателямъ, Златоустъ учитъ, что по своей формѣ она обязана своимъ происхожденіемъ снисхожденію Божію къ людямъ. Въ этомъ смыслѣ Златоустъ говоритъ „о снисхожденіи словъ, по причинѣ немощи человѣческой“. Это снисхожденіе есть нѣчто большее, чѣмъ простая аккомодация. Богъ говоритъ съ людьми черезъ людей. Слѣдовательно, говоритъ ихъ же словами, ихъ же языкомъ. Грубость стиля нѣкоторыхъ изъ боговдохновенныхъ писаній объясняется грубостью (*παύτης*) читателей ихъ—иудеевъ. Именно божественная благодать, или человѣколюбіе служатъ источникомъ божественнаго снисхожденія. Великое начало, выраженное Златоустомъ въ ученіи о „снисхожденіи“, имѣетъ весьма широкое приложеніе. Какъ въ историческомъ воплощеніи вѣчное Слово содѣлалось плотію, такъ въ боговдохновенной Библии Божія слава облеклась плотскою одеждою человѣческой мысли, человѣческаго языка. Библия одновременно есть книга и сущность, лѣто-

¹⁾ In Dan. II, 1 (M. LVI, 199).

²⁾ Срав. in psalm. VIII (LV, 106. 116); IX, 3 (LV, 125); X, 1 (M. LV, 140); XI, 2 (LV, 145); XLIII, 6 (LV, 177); CXXXI, 3 (LV, 382), CXXXV, 1 (LV, 400); CXXXVII, 1 (M. LV, 408. 409) и др.

пись и содержаніе историческаго Откровенія. Въ Библии Господь научаетъ человѣчскій родъ такъ же, какъ отецъ наставляетъ сына своего въ дѣтствѣ, отрочествѣ, юности. Уроки боговдохновенной Библии соотвѣтствуютъ различнымъ періодамъ и переломамъ жизни, оговѣчаютъ все возрастающимъ потребностямъ человѣческихъ способностей.

По ученію Златоуста, Библия есть именно книга, написанная Духомъ Божиимъ чрезъ людей и для людей. Какъ таковая, она отпечатлѣваетъ на себѣ постепенное развитіе божественнаго Откровенія, соотвѣтственно различнымъ періодамъ человѣческой исторіи. Божественное снисхожденіе къ людямъ выразилось какъ *въ формѣ*, такъ и *въ существѣ* изложеннаго въ боговдохновенныхъ писаніяхъ Откровенія.

Св. писатели излагаютъ возвышенныя истины Откровенія *по-человѣчески* (*ἄνθρωπινως*), *въ человѣкообразныхъ формахъ*, выраженіяхъ, приспособительно къ людямъ. Св. отецъ Церкви выражаетъ эти мысли весьма часто по различнымъ поводамъ и въ различныхъ формахъ. Божественное Писаніе обо всемъ говоритъ по снисхожденію къ намъ 1). „Божественное Писаніе повѣствуетъ обо всемъ приспособительно къ нашей немощи“ 2). Все излагается Писаніемъ по человѣческому обычаю, такъ какъ оно принимаетъ протонародную рѣчь людей 3).

Иногда это снисхожденіе къ людямъ представляется у Златоуста какъ преднамѣренное исполнѣ *сознательное дѣло* самихъ св. писателей. „Говорящій Духомъ все рассказывалъ, сообразно, приспособительно къ слушателямъ“ 4),—такъ характеризуетъ св. отецъ Церкви повѣствованіе Моисея о происхожденіи міра и человѣка. Точно также о пророкѣ Исаіи сказано, что онъ приспособлялся къ человѣческому обычаю въ виду того, что и рѣчь его обращена къ людямъ 5). Составители псалмовъ употребляли весьма чувственныя выраженія (ср. пс. VII, 13; CIII, 32; XCIV, 4; CXLVII и др.). Это они дѣлали съ тою цѣлью, чтобы люди самые неразумные видѣли, что не на словахъ должно останавливаться, а вы-

1) In Genes. cap. I, hom. X, 7 (M. LII, 88).

2) Ibidem. XXII, cap. V (M. LII, 191).

3) In Isa. XIII, 19—20; издание меккитаристовъ. Венеція 1887; col. 165.

4) In Gen. IV, 3 (LII, 29).

5) In Isa. VI, (M. LVI, 69).

водить изъ нихъ богоприличныя мысли 1). Иногда составители псалмовъ начинаютъ свою рѣчь съ изображеній чувственныхъ, а слушателей руководятъ къ предметамъ духовнымъ 2). Но бываютъ и обратные случаи, когда они, подобно искуснымъ художникамъ, идутъ обратнымъ путемъ, а именно: отъ высокихъ выраженій къ чувственнымъ (ср. пс. XLIV и другіе) 3).

Такъ какъ приспособленіе св. писаній къ людямъ органически связано съ самымъ божественнымъ ихъ вдохновеніемъ, то и снисхожденіе (*συνκατάβασις*) усвоится Златоустомъ Духу Святому или вообще Богу. Такъ вся библейская исторія міротворенія, по ученію св. отца Церкви, носить печать такого снисхожденія. Въ вѣкъ Моисея родъ человѣческій былъ еще слабъ и не могъ понять совершеннѣйшаго ученія. Поэтому Духъ Святой, двигавшій устами пророка Моисея, говоритъ намъ обо всемъ приспособительно къ слабости слушающихъ 4). Богъ допускаетъ о Себѣ слова недостойныя, чтобы, по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ люди могли открыть глаза и попитъ великія и высокія истины вѣры 5), Богъ употребляетъ слова снисхожденія, выраженія грубыя, чтобы приблизить предметъ къ разумѣнію людей болѣе грубымъ, чтобы подѣйствовать на нихъ 6).

Происхожденіе божественнаго снисхожденія (*συνκατάβασις*) объясняется Златоустомъ также изъ самаго существа божественнаго Откровенія. Какъ всесовершенный и безконечный Духъ, Богъ непостижимъ для людей вполнѣ: не только въ Своемъ Существовѣ, но и въ Своихъ свойствахъ. Это должно сказать не только о людяхъ обыкновенныхъ, но также о пророкахъ и апостолахъ 7). Если бы Откровеніе не удостоило насъ снисхожденія, не говорило съ нами по человѣческому обычаю, то намъ не понять бы изъ него ни одного слова 8). Самъ Христосъ много и часто говорилъ о Себѣ по-человѣ-

1) In psalm. VII, 11 (M. LV, 97).

2) In psalm. XLVI, 1 (M. LV, 208).

3) In psalm XLIV, 7 (M. LV, 193).

4) In Gen. III, 3 (M. LIII, 34—35), cap. 1.

5) In Ioann. XL, 2 (M. LIX, 100).

6) In psalm. VI, 1 (M. LV, 71).

7) Contr. Anom. I, 4 (M. XLVIII, 704—706).

8) In Gen X, 7 (M. LIII, 88).

чески, но благоприлично и достойно Своего высокаго происхожденія, одновременно снисходя къ немощи слушателей и соблюдая вѣрность догматамъ. Если бы Христосъ не приспособлялся къ людямъ, то преподаваніе людямъ высокихъ догматовъ Его ученія было бы излишне, такъ какъ люди ихъ не поняли бы ¹⁾.

Божественное снисхожденіе вполне *согласуется съ ходомъ домостроительства* спасенія человѣческаго рода. Богъ воспитываетъ человѣчскій родъ по образу и подобию Своему. Но въ воспитаніи этомъ нѣтъ и не могло быть внезапныхъ переходовъ, разобщенныхъ скачковъ. Съ этой точки зрѣнія Библия представляетъ изъ себя полную лѣтопись религиозно-нравственнаго возрастанія чедовѣчества. Свою мысль Златоустъ поясняетъ прекрасными сравненіями. Учители, принимающіе дѣтей непосредственно отъ родителей, преподають имъ первые начатки ученія. Принимающіе же дѣтей отъ этихъ учителей должны сообщать имъ уже болѣе совершенныя познанія. Также поступаютъ и боговдохновенные писатели. Моисей, напр., когда обращалъ рѣчь свою къ грубымъ іудеямъ, то говорилъ преимущественно о предметахъ чувственныхъ, чтобы чрезъ нихъ возвести своихъ читателей къ Создателю вселенной. Между тѣмъ писатели Новаго Завѣта, какъ жившіе уже во времена благодати, наприм., ап. Павелъ въ посланіи къ колоссянамъ (I, 16 и др.), Іоаннъ, сынъ громовъ въ евангеліи (ср. I, 3 и др.) идутъ уже другимъ путемъ ²⁾.

Соразмѣряясь съ постепеннымъ развитіемъ людей, св. Библия *отображаетъ*, слѣдовательно, *на себѣ различныя ступени ея*. Эту мысль Златоустъ доказываетъ чрезъ указаніе различія двухъ отдѣловъ св. письменности: Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Руководство Ветхаго Завѣта—подобно кормленію молокомъ, любомудріе Новаго Завѣта это какъ бы твердая пицца. Не вскормивши молокомъ, никто не подаетъ твердой пицци ³⁾. По причинѣ нравственнаго усовершенствованія наученныхъ, нѣкоторыя изъ религиозно-нравственныхъ правилъ, изложенныхъ въ св. книгахъ Ветхаго Завѣта, стали менѣе совершенными не по существу, а относительно. Луки

¹⁾ Contr. Anom. VII, 4 (M. XLVIII, 761).

²⁾ In Gen. II, 3 (M. LIII, 29).

³⁾ Hom. in 2 epist. ad Corinth. IV, 13 (M. LXI, 284).

и стрѣлы, сдѣланные для упражненія малолѣтнему царскому сыну, становятся бесполезными, когда сынъ этотъ выростеть и научится отличатся въ сраженіяхъ. Такъ точно и Господь—Богъ одно Откровеніе низшее замѣнилъ высшимъ и совершеннѣйшимъ, когда люди возрасли въ нравственномъ отношеніи 1).

Какъ слѣдствіе изъ вышеизложенныхъ свойствъ боговдохновеннаго Писанія является ученіе Іоанна Златоуста о пользѣ *Св. Писанія* для читателей его. Глаголы Господа для того и преданы письмени дѣйствіемъ благодати Духа, чтобы люди получали предохранительныя врачевства противъ страстей своихъ 2). Человѣкъ, бесѣдующій съ Богомъ, слушающій бесѣду Божію, необходимо получаетъ пользу для своего духа. Мы поправляемъ на себѣ одежду, мы умываемъ руки, какъ только хотимъ взять Библию. Уже эта внѣшность является провозвѣстникомъ великой пользы отъ чтенія слова Божія 3). Особенно полезно чтеніе евангелія. Какъ только откроемъ эту книгу, тотчасъ видимъ предъ глазами имя Христово, видимъ Дѣву, сподобившуюся Духа, видимъ ангела, бесѣдующаго съ Нею (ср. Матѳ. 1, 18 и др.). Читая евангеліе, отвергнешь все земное. Когда услышишь, что обрученная плотнику Дѣва, происшедшая изъ смиреннаго дома, содѣлалась Матерью Владыки, то за ничтожество почтешь богатство, будучи богатъ. Зная, далѣе, что Творецъ міра не устыдился бѣднѣйшаго дома, не будешь стыдиться бѣдности своей, если ты, дѣйствительно, бѣденъ. Видя Владыку лежащимъ въ ясляхъ, не будешь прилагать стараніе къ тому, чтобы украсить золотомъ дитя свое, чтобы устроить серебряное ложе для жены своей. Наконецъ, когда сдѣлаешься любителемъ бѣдности и презрителемъ богатства, то перестанешь лихоимствовать и похищать чужое 4). Также полезно чтеніе апостольскихъ посланій, особенно павловыхъ. Златоустъ сравниваетъ посланія апостола языковъ съ прекраснымъ благоуханнымъ лугомъ. На лугу глазъ видитъ множество разнообразныхъ цвѣтковъ, обиліе розъ, фіалокъ, лилій; такъ и въ писаніяхъ ап. Павла всюду разсѣяны

1) Contr. Anom. X, 5 (M. XLVIII, 790).

2) De Lazaro: VII, 2 (M. XLVIII, 1048).

3) In. Ioann. LIII, 3 (M. LIX, 295).

4) In. Ioann. LIII, 3 (M. LIX, 296).

разнообразный плодъ духа, разлито обильное и великое благоуханіе ¹⁾).

Вообще, польза отъ божественныхъ писаній—*значительна*. Справедливо ап. Павелъ говорить, что все, написанное прежде, написано намъ въ наставленіе, чтобы мы терпѣніемъ и утѣшеніемъ изъ Писаній сохраняли надежду (Рим. XV. 4) ²⁾. Справедливо и великій пророкъ Давидъ, зная пользу отъ Писаній, уподобляетъ человѣка, постоянно внимающаго Писаніямъ, наслаждающагося бесѣдою съ пимъ, — стоящему при потокахъ водъ и всегда цвѣтущему растенію, называетъ блаженнымъ мужа, воля котораго въ законѣ Господнемъ, который день и ночь поучается въ семь законѣ (ср. Пс. I, 1—3) ³⁾. Ничто, дѣйствительно, не можетъ такъ способствовать праведности поведенія и чистотѣ жизни, какъ усердное слушаніе божественныхъ Писаній. Что—пища для тѣла, то—изученіе божественныхъ вѣщаній для души: не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ (Матѣ. IV, 4). По этой причинѣ обыкновенно испытываютъ голодъ тѣ, которые въ этой трапезѣ не участвуютъ. Но безумно дѣлать все и принимать всѣ мѣры для избѣжанія тѣлеснаго голода, а духовный голодъ на себя навлекать. Насколько духовныя блага выше вещественныхъ, настолько велика бываетъ потеря для человѣка, оставляющаго чтеніе божественныхъ Писаній, хотя бы, взамѣнъ этого, было найдено цѣлое сокровище золота. Вещественныя блага не будутъ сопровождать насъ въ будущую жизнь, не переселятся съ нами на небо, не предстанутъ предъ страшнымъ престоломъ, но часто, напротивъ, оставляютъ насъ еще прежде смерти. Духовное же сокровище есть приобрѣтеніе неотъемлемое. Оно повсюду слѣдуетъ за нами и на пути, и при нашемъ отшествіи, доставляя намъ великое дерзновеніе предъ Божіимъ престоломъ ⁴⁾. Поэтому всѣмъ, привязаннымъ къ этой жизни, Златоустъ настойчиво совѣтуетъ приобрѣтать боговдохновенныя книги св. Писанія, какъ лучшее врачевство для души. Если кто не пожелаетъ приобрѣсти чего-либо другого, то пусть, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ De stat. ad popul. Antioch. I, 1 (M. XLIX, 17).

²⁾ In Ioann. XXXVII, 1 (M. LIX, 207).

³⁾ De utilit. Iection Scriptur. 2 (M. LI, 89).

⁴⁾ Contr. Anom. XI, 3 (M. XLVIII 800. 801).

приобрѣтеть Новый Завѣтъ, Дѣянія св. апостоловъ, Евангеліе—постоянныхъ наставниковъ нашихъ. Если постигнетъ кого скорбь, пусть приникаетъ къ нимъ, какъ сосуду, наполненному дѣлебнымъ веществомъ. Случится ли утрата, смерть, потеря ближнихъ—оттуда нужно почерпнуть утѣшеніе въ своемъ несчастіи. Впрочемъ, не прикипать только къ нимъ должно, но принимать всецѣло и хранить въ своемъ умѣ. Отъ незнанія Писанія происходитъ всякое зло 1). Обязательное чтеніе слова Божія, соединенное съ глубокимъ истолкованіемъ его смысла, Златоустъ сравниваетъ по приносимой ими пользѣ съ дождемъ, который медленно нисходитъ на лице земли, подобно елею, проникаетъ въ ея глубину ходами, какъ нѣкоторыми жилами, и дѣлаетъ ее способною къ произведенію плодовъ. Писанія въ этомъ отношеніи подобны духовнымъ облакамъ, а слова и мысли ихъ дождю²). По этой причинѣ великъ—вредъ отъ небреженія чтеніемъ слова Божія. Отъ незнанія Писанія произошли безчисленные бѣдствія. Отсюда произрасла великая зараза ересей, отсюда—перадивая жизнь, бесполезные труды. Какъ лишенные свѣта не могутъ идти прямо, такъ не взирающіе на лучъ божественнаго Писанія вынуждаются много и часто грѣшить, потому что, дѣйствительно, ходятъ въ самой глубокой тьмѣ³).

Высокое возрождающее дѣйствіе слова Божія на духовную жизнь людей побуждало Златоуста горячо призывать всѣхъ къ усердному чтенію и внимательному изслѣдованію его. Ничто, по ученію св. отца Церкви, не свидѣтельствуетъ такъ о человѣческой душѣ, какъ любовь къ слову Божію. Напротивъ, ничто не обличаетъ столько души неразумной, какъ пренебреженіе къ нему. Тѣ, которые небрегутъ о слышаніи слова Божія, теряютъ чрезъ это свое человѣческое достоинство⁴). Постоянное чтеніе боговдохновеннаго Писанія должно происходить не только въ Церкви, но и дома. Оно должно быть занятіемъ не только отшельниковъ, но и мірянъ. Въ этомъ отношеніи никто пусть не дѣлаетъ холодныхъ, достойныхъ всякаго осужденія отговорокъ: я привязанъ къ

1) In epist. ad Colossenses; IX, I (M. LXII, 361—362).

2) De utilit. lection, Scriptur. 2 (M. LI, 90).

3) In epist. ad Romanos; praefac. 391—392 (M. LX, 391. 392)

4) De mutat. nominum I (M. LI, 114).

судилищу, я занимаюсь общественными дѣлами, я упражняюсь въ ремеслѣ, имѣю жену, воспитываю дѣтей, управляю домомъ, я—человѣкъ мірской; не мое дѣло—читать Писанія, а тѣхъ, которые отказались отъ міра и поселились на вершинахъ горъ. Напротивъ, именно обращающіеся среди множества дѣлъ имѣютъ больше всего нужду въ помощи божественныхъ Писаній. Отшельники, устроивъ келіи въ пустынѣ, безпрепятственно любознательствуютъ въ своей мирной тишинѣ, какъ бы сидя въ пристани. Мы же, міряне, волнуемся какъ бы среди моря, впадаемъ во множество грѣховъ, а потому и нуждаемся въ непрерывномъ утѣшеніи отъ Писаній ¹⁾. Глубокой вредъ происходитъ именно отъ мысли, будто чтеніе божественнаго Писанія подобаешь однимъ только монахамъ. Наоборотъ, для того, кто живетъ въ мірѣ и каждый день получаетъ новыя раны, особенно и нужно врачевство. Считать излишнимъ чтеніе Писанія—гораздо хуже, чѣмъ не читать его. Такая мысль—сатанинское внушеніе ²⁾. Для болѣе нагляднаго изображенія пользы отъ чтенія Библии Златоустъ прибѣгаетъ къ сравненію. Царскія орудія доставляютъ великую защиту жителямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они хранятся. Точно также оттуда, гдѣ находятся духовныя книги, прогоняется всякая злая сила и живущимъ подается великое назиданіе въ добродѣтели ³⁾. Въ виду этого Златоустъ убѣждаетъ внимательно читать и изучать каждое изреченіе, каждое слово св. Писанія. Желаящіе получить какой-либо плодъ отъ того, что прочитывается, не должны оставлять безъ вниманія ни одного слова. Многое, что съ перваго взгляда представляется простымъ, заключаетъ въ себѣ глубокой сокровенный смыслъ ⁴⁾. По прекрасному сравненію Златоуста, человѣкъ опытный не оставитъ безъ вниманія въ золотыхъ рудникахъ ни малѣйшей жилы; потому что и она можетъ доставить великое богатство. Точно также и въ божественныхъ Писаніяхъ не безвредно опускать даже одну черту или іоту. Надобно въ нихъ все изслѣдовать, потому что все въ нихъ сказано Духомъ Святымъ и нѣтъ ни

¹⁾ De Laz. III, 1 (XLVІІІ, 992).

²⁾ In Matth II, 5 (M. LVІІ, 30).

³⁾ De Laz. III, 2 (M. XLVІІІ, 994).

⁴⁾ In Ioann. LVІІ, 1 (M. LIX, 311).

чего излишняго ¹⁾. Когда при очисткѣ руды, бросаютъ ее въ плавильную печь, то вынимаютъ не только одни цѣльные куски золота, продолжаетъ далѣе свое сравненіе Златоустъ, но собираютъ съ большой тщательностью и маленькія крупинки. Также и при очисткѣ золота, извлеченнаго изъ рудниковъ св. Писанія, нужно собирать тщательно и маленькія крупинки, или краткія изреченія, имѣющія, однако, великое значеніе ²⁾.

Убѣждая всѣхъ читать Библию, св. отецъ Церкви, какъ это—вполнѣ естественно, преподаетъ касательно этого чтенія рядъ *руководственныхъ наставленій*. Слово Божіе необходимо читать съ благоговѣніемъ и вѣрою. Чтеніе Писаній безъ вѣры не можетъ принести пользы читающимъ ³⁾. Слова Писанія не только должно прочитывать, но и понимать. Иначе никакой пользы отъ чтенія не будетъ. Какъ необходимо спускаться внизъ для раскопки и отысканія сокрытаго въ землѣ сокровища, такъ необходимо внимательно изслѣдовать глубины Писаній, потому что одно чтеніе не показываетъ сокровищъ заключенныхъ въ нихъ благъ ⁴⁾. Кромѣ того, Писаніе не приноситъ намъ пользы, если мы не видимъ цѣли его ⁵⁾. Необходимы тщательное чтеніе, внимательное слушаніе Писаній: чтеніе Писаній есть откровеніе неба ⁶⁾. Подобно искателямъ золота, раскапывающимъ рудники до тѣхъ поръ, пока не выберутъ всего золота, читатели должны оказывать усердіе и стараніе въ изслѣдованіи божественныхъ изреченій ⁷⁾. Если со тщаніемъ будемъ изслѣдовать Писанія, то окажемся въ состояніи достигнуть своего спасенія. Если постоянно станемъ упражняться въ Писаніяхъ, то узнаемъ правые догматы и добродѣтельную жизнь ⁸⁾. Не просто, какъ случилось, но съ большою осмотрительностью необходимо приступать къ словамъ Писанія. Кто станетъ слушать, что читается въ немъ безъ разсужде-

¹⁾ Ibidem. XXXVI, 1. (M. LIX 203).

²⁾ De statuis ad popul. Antioch. I, 1 (M. XLIX, 17. 18).

³⁾ Contr iudaeos I, 5 (M. XLVІІІ, 851).

⁴⁾ Hom. de. mutat. nom IV, 3 (in illud: 1 Cor I, 1). (M. LI, 148).

⁵⁾ In psalm. III, 1 (M. LV, 35).

⁶⁾ In Isa. II, 2 (M. LVІ, 109).

⁷⁾ De verbis. apostoli 2 Cor. IV, 13 (M. LI, 291).

⁸⁾ In Ioann. LIII, 3 (M. LIX, 295).

нiя и все принимать буквально такъ, какъ сказано, тотъ можетъ предполагать много недѣлаго о Богѣ. Пожалуй въ такомъ случаѣ онъ допуститъ, что Богъ есть и человѣкъ, что онъ—гнѣвливъ, яростенъ и много другихъ еще болѣе худыхъ мыслей. Если же кто будетъ вникать въ глубину смысла, то всякой такой недѣлости избѣжить 1). Если далѣе мы будемъ смѣшивать порядокъ его изреченiй, то такое чтенiе никакой пользы намъ не принесетъ 2). Не знающiе порядка мыслей, не вникающiе въ особенности и законы Писанiя, пробѣгающiе его невнимательно и безразлично не найдутъ сокровища, скрытаго въ немъ 3). Тѣ, которые ссылаются на неясность или непониманiе св. Писанiя, обыкновенно только дѣлаютъ изъ этого предлогъ, отговорку, прикрытие своей лѣности предъ изслѣдованiемъ его 4). Между тѣмъ боговдохновенныя книги потому и составлены людьми простыми и неучеными, чтобы быть всемъ удобопонятными 5). Если же читатель той или другой боговдохновенной книги не пойметъ того, о чемъ въ ней говорится, то онъ долженъ обратиться къ мудрѣйшему или же идти къ церковному учителю. Если, несмотря на это, читатель не изъяснитъ искомаго, то Самъ Богъ, видя старанiе и усердiе его, несомнѣнно откроетъ ему смыслъ даннаго мѣста 6).

IV.

Св. Златоустъ учить о боговдохновенности Библии *въ ея обоихъ отдѣлахъ*, т. е. о боговдохновенности книгъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ.

Касательно ветхозавѣтныхъ книгъ въ вѣкъ Златоуста существовали *двѣ крайности*. Вопреки волѣ Божiей, *иудеи и иудействующiе* такъ почитали писанiя Ветхаго Завѣта, что признавали необходимымъ соблюдать все ихъ постановленiя, хотя время для этого уже прошло 7). Но одновременно существовало направленiе противоположное. Рядъ еретиковъ

1) In Joann. XV, 1 (M. LIX, 97.) Ср. *ibid.* LVIII, I (M. LIX, 315).

2) In Ioh. XXX, 3 (LIX, 174).

3) In Ioh. XL, 1 (M. LIX, 229).

4) De Laz. III, 3 (M. XLVIII, 995).

5) *Ibidem*: III, 2 (M. XLVIII, 994).

6) *Ibidem*: III, 3 (XLVIII, 995).

7) De sacerdotio IV, 4 (M. XLVIII 667).

исключать ветхозавѣтную письменность и, главнымъ образомъ, писанія Моисея изъ состава книгъ боговдохновенныхъ¹⁾ Главное мѣсто среди послѣднихъ направленій занимать *гностицизмъ*. Постоянныя упоминанія о гностикахъ въ рѣчахъ и проповѣдяхъ, произнесенныхъ Златоустомъ въ Антиохіи и Константинополѣ, достаточно доказываютъ, что жизненность секты этой еще не была истощена. Однако, ея мантия въ это время уже попала въ руки другой секты, начавшей проявлять значительную энергію. Уже сдѣлавшійся архіепископомъ Царя-града, Златоустъ неоднократно начинаеть упоминать о *манихеяхъ*, какъ сектантахъ еще новыхъ и юныхъ. По отношенію къ св. книгамъ Ветхаго Завѣта эти сравнительно еще юные лжеучители повторили заблужденія болѣе древнихъ предшественниковъ.

Среди вышеуказанныхъ двухъ крайнихъ направленій св. Церковь занимала положеніе *совершенно определенное и твердое*. Вся древнехристіанская литература представляетъ намъ св. Церковь съ Ветхимъ Завѣтомъ въ рукахъ, изъясняющую и доказывающую, что Іисусъ есть Христосъ. Библия Ветхаго Завѣта является авторитетнымъ боговдохновеннымъ первоисточникомъ для наставленія, проповѣди, оглашенія, споровъ съ ересями и язычествомъ. „Избѣгая крайностей послѣдователей лжеученія Валентина, Маркіона и іудеевъ, замѣчаетъ по этому поводу Златоустъ, Церковь идетъ среднимъ путемъ. Она не соглашается подчиниться игу закона и не допускаеть хулить его, но хвалить и по прекращеніи за то, что онъ былъ въ свое время полезенъ. Поэтому, кто намѣревается бороться съ тѣми и другими, долженъ сохрानять это равновѣсіе. Если, желая научить іудеевъ, что они неблагоприятно держатся древняго законодательства, онъ начнетъ порицать его безъ пощады, то подастъ этимъ желающимъ изъ еретиковъ немалый поводъ его хулить. Когда же стараясь заградить уста этимъ еретикамъ, намѣренно станеть превозносить и восхвалять законъ, какъ необходимый въ настоящее время, то откроеть уста іудеямъ“²⁾.

Гностики и особенно Маркіонъ усвоили происхожденіе Ветхаго Завѣта правосудному, лишешному благодати Богу³⁾.

1) Ibidem.

2) De sacerdotio IV, 4 (M. XLVIII. 667).

3) In 2 epist. ad Corinth VIII, 2 (M. LXI, 455).

По ученію гностиковъ, „не одинъ и тотъ же Богъ ветхаго и новаго завѣта“¹⁾. Манихеи производили ветхозавѣтную письменность отъ злого Начала²⁾, обвиняли ветхозавѣтный законъ въ погрѣшностяхъ³⁾. Вопреки своимъ противникамъ, Златоустъ рѣшительно утверждаетъ единство происхожденія и божественнаго авторитета обоихъ завѣтовъ. Свою точку зрѣнія св. отецъ Церкви выражаетъ въ разной формѣ. Оба завѣта другъ отъ друга нераздѣльны⁴⁾; оба завѣта имѣютъ одного Законодателя⁵⁾. Таковымъ Законодателемъ былъ Самъ Единородный Сынъ Божій⁶⁾. Самъ Богъ говорилъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ завѣтѣ⁷⁾. Слѣдовательно, слова ветхаго и новаго завѣтовъ принадлежатъ однимъ устами одному Владыкѣ⁸⁾. Выражаясь болѣе точно, Златоустъ учитъ, что одинъ и тотъ же Духъ дѣйствовалъ въ обоихъ завѣтахъ⁹⁾, что ветхій и новый завѣты происходятъ отъ одного и того же Духа, что одинъ и тотъ же Духъ, говорившій въ первомъ, говорилъ и въ послѣднемъ¹⁰⁾. Какъ одинъ и тотъ же хозяинъ можетъ выносить новое и старое, такъ точно возможно, чтобы одному и тому же Богу принадлежали новый и ветхій завѣты. Въ томъ, что Богъ не только создаетъ новое, но и въ ветхомъ обнаруживаетъ изобиліе, Онъ показываетъ Свое богатство и изобиліе¹¹⁾. Между обоими завѣтами нѣтъ противорѣчія и противоположности, а только различіе—въ названіяхъ. Ветхое бываетъ ветхимъ, при новомъ, но въ этомъ противорѣчія нѣтъ¹²⁾.

Единство происхожденія двухъ завѣтовъ доказывается *существеннымъ сродствомъ* ихъ. Ветхій Завѣтъ имѣетъ сродство съ Новымъ¹³⁾. Сродство ихъ Златоустъ доказываетъ на-

¹⁾ In illud I Cor. XI 3 (M. I LI, 245).

²⁾ In 2 epist ad Corinth VIII, 2 (LXI, 455).

³⁾ In ep ad Roman. XII, 4 (M. LX, 500).

⁴⁾ Hom. de Legislatore I, (M. LVI, 398).

⁵⁾ De poenitent 5 (M. XLIX 320).

⁶⁾ In Isa II, 4 (LVI, 31).

⁷⁾ Hom de Legislatore: I, (M. LVI, 398).

⁸⁾ Hom. De Legislatore I, (M. LVI 398).

⁹⁾ In 2 epist. ad Cor. IX, 2 (LXI, 416).

¹⁰⁾ In psalm IXV. 2 (LV 321).

¹¹⁾ In illud: 2 Cor. IV, 13 (LI 282).

¹²⁾ Ibidem. col 283.

¹³⁾ In illud: I Cor X, 1 (M. LI. 247).

глядно сходствомъ добрыхъ дѣлъ двухъ вдовицъ: сарентской въ Ветхомъ Заѣтѣ, удостоившейся принять пророка и—въ Новомъ Заѣтѣ положившей двѣ лепты¹⁾. Два заѣта—это какъ бы двѣ сестры, рожденныя отъ одного отца. По этой причинѣ оба заѣта говорятъ согласно: у нихъ почти одинъ и тотъ же видъ и полное сходство. Какъ между сестрами, рожденными отъ одного отца, существуютъ черты сходства, такъ имѣютъ большое между собою сходство и два заѣта, какъ рожденные отъ одного Отца. Если въ ветхомъ заѣтѣ первое мѣсто занимаетъ законъ, а за нимъ слѣдуютъ пророки, то въ Новомъ, благодатномъ заѣтѣ предшествуетъ евангеліе, а за нимъ слѣдуютъ апостолы. Тамъ двѣнадцать пророковъ: Осія и другіе, и кромѣ того еще четыре: Исаія, Іеремія, Іезекииль и Данииль, здѣсь—двѣнадцать апостоловъ и четыре евангелиста²⁾. Всѣ части обоихъ заѣтовъ соединены между собою неразрывнымъ единствомъ цѣли; цѣль эта—исправленіе людей³⁾.

Такъ какъ Ветхій Заѣтъ соединилъ съ новымъ Сынь Божій⁴⁾, то знаніе и ученіе о Христѣ и служили связью между боговдохновенными писателями этихъ заѣтовъ. Пророки Ветхаго Заѣта не писали бы о Христѣ, если бы не знали Его⁵⁾. Одинъ и тотъ же духъ вѣры двигалъ устами Давида и дѣйствовалъ на душу Павла (ср. пс. СХV, 1 и 2 Кор. IV, 13). Отсюда—очевидно, что между пророками и апостолами есть великое сродство, что между Ветхимъ и Новымъ Заѣтомъ—великое согласіе⁶⁾. Благодаря такой идейной гармоніи, писатели Новаго Заѣта могли въ совершенствѣ понимать рѣчь писателей Ветхаго Заѣта, объяснять образъ ихъ мыслей, какъ напр. ап. Павелъ—прор. Исаи (ср. Ис. LXV, 1 и Рим. X, 20⁷⁾).

При единствѣ Ветхаго Заѣта съ Новымъ⁸⁾, первый уступаетъ второму въ славу. Двѣ великія метафоры ап.

¹⁾ Hom. de Iia, I (M. LI, 338, 339).

²⁾ De creat mundi I, 3 (M. LVI, 433).

³⁾ Synopsis Scripturae Sacrae (M. LVI, 313).

⁴⁾ In Matth. II, 2 (M. LVII, 26).

⁵⁾ In Ioann. XLI, 2 (LIX, 237).

⁶⁾ In illud: 2 Cor. IV, 13; num. 2 (LI, 291).

⁷⁾ In Isa. praef. (M. LVI, 11).

⁸⁾ Spal. in Matth. XXXV, I, (M. LVII, 406).

Павла обыкновенно предносятся мысли Златоуста, когда онъ опредѣляетъ значеніе ветхозавѣтнаго Откровенія въ общей исторіи спасенія человѣчества. Первая—состоитъ въ параллели между Ветхимъ Завѣтомъ и покрываломъ на лицѣ законодателя (ср. 2 Кор. III, 12—16). Не на буквахъ закона собственно лежало покрывало, а на чтеніи этихъ буквъ, на сердцахъ читателей. Пророкъ покрывалъ лицо свое не ради самого себя, а по причинѣ грубаго, плотскаго разумѣнія іудеевъ¹⁾. Не для того положено было покрывало, чтобы сокрыть славу Моисея, но для того, чтобы іудеи на эту славу не смотрѣли: къ этому іудеи не были достаточно способны²⁾. Слѣдовательно, законъ имѣлъ свойственную ему славу. Но іудеи не могли, по причинѣ плотскаго своего разумѣнія, созерцать ее вполнѣ. Слава закона приводила ветхозавѣтное человѣчество ко Христу³⁾. Другая метафора имѣетъ для себя основаніемъ понятіе о Ветхомъ Завѣтѣ, какъ пѣстунѣ воспитателѣ человѣчества. Двойную пользу приносили Ветхій Завѣтъ человѣчеству: онъ руководилъ людей къ сильной добродѣтели и въ то же время возбуждалъ въ нихъ сознаніе грѣховности. Какъ бы въ какихъ стѣнахъ, въ страхъ и жизни по закону содержалъ людей законъ Ветхаго Завѣта. А чрезъ это онъ соблюдалъ ихъ для вѣры, располагалъ искать Сына Божія и Спасителя. Пѣстунъ не противодѣйствуетъ, а напротивъ, содѣйствуетъ учителю (ср. Гал III, 24). Пѣстунъ удерживаетъ юнаго питомца отъ всякаго порока, со всякимъ тщаніемъ приготовляетъ его къ принятію учительскихъ уроковъ. Но пѣстунъ оставляетъ питомца, когда онъ приобрѣтетъ навыкъ въ жизни (Гал. III, 25—26). Такъ какъ древнее человѣчество было заключено подъ стрѣжею Ветхаго Завѣта, какъ пѣсутна своего, то ветхозавѣтный законъ былъ, очевидно, сотрудникомъ, а не противникомъ благодати. Посему, по пришествіи благодати, законъ не могъ болѣе удерживать людей подъ игомъ своимъ. Эту мысль съ отецъ Церкви поясняетъ сравненіемъ. Свѣтильникъ даетъ свѣтъ ночью, но съ наступленіемъ дня дѣлается излишнимъ, да и препятствуетъ видѣть солнце. Такова же была бы и роль ветхозавѣтнаго откровенія при яркомъ сіяніи солнца правды.

1) In 2 epist. ad Corinth. III, 7. 8, hom. VII, 3 (M. LXI, 446).

2) Ibidem (M. LXI, 447).

3) Ibidem: VII, 2 (M. LXI, 445).

Также и пѣстунъ поставилъ бы себя въ смѣшное положеніе въ томъ случаѣ, если бы удерживалъ при себѣ своего питомца, когда время требуетъ оставленія его ¹⁾.

Говоря объ относительномъ несовершенствѣ Ветхаго Завѣта, Златоустъ, подобно апостолу языковъ, учитъ, что Завѣтъ этотъ написанъ буквами и чернилами, между тѣмъ какъ Новый—начертанъ Духомъ ²⁾. Разъясняя свой образъ, Златоустъ продолжаетъ: скрижали Ветхаго Завѣта начертаны буквами на камняхъ; Новозавѣтныя же написаны Духомъ на сердцахъ апостоловъ ³⁾. Совершенно естественно, что древнія скрижали и начертанія *приносили смерть* тѣмъ, которые преступали письмена ⁴⁾. Между тѣмъ Новый Завѣтъ не только сообщалъ жизнь, но даровалъ и Духа, дающаго жизнь, что—важнѣе самой жизни ⁵⁾. Безъ ветхозавѣтнаго закона грѣхъ былъ слабъ; грѣхъ былъ совершаемъ, но не могъ такъ подвергаться осужденію, потому что зло, хотя и существовало до закона, но не обнаруживалось съ такою ясностію. Законъ, слѣдовательно, содѣйствовалъ какъ большому познанію грѣха, такъ и увеличенію наказанія. Если, имѣя цѣлью ограничить грѣхъ, законъ сдѣлалъ его болѣе тяжкимъ, то вина не во врачѣ, а на томъ, кто худо пользовался врачевствомъ ⁶⁾. Дѣйствіе закона, поэтому, Златоустъ противопоставляетъ дѣйствію благодати (срав. 2 Кор. III, 6). Законъ обличаетъ преступленіе, а благодать освобождаетъ отъ него. Какъ законъ, обличая, обнаруживаетъ грѣхъ, такъ благодать, прощая, не позволяетъ оставаться подъ грѣхомъ ⁷⁾. Если законъ и былъ духовенъ (ср. Рим. VII, 14), то не могъ подавать Духа, потому что Моисей принесъ не Духа, а только письмена ⁸⁾. Если же въ Ветхѣмъ Завѣтѣ и могли давать жизнь, напр. пророки, то это была жизнь низшая, но и этой жизни пророки безъ Духа Божія не могли сообщить ⁹⁾.

¹⁾ In Gal. cap. III (M. LXI, 655. 656).

²⁾ In 2 epist. ab Corinth VI, 3 (M. LXI, 438).

³⁾ Ibidem: VII, 1 (M. LXI, 441).

⁴⁾ Ibidem: VII, 1 (M. LXI, 442).

⁵⁾ Ibidem. VII, 1 (col. 443);

⁶⁾ In 1 epist. ad Corinth. XLII, 2 (M. LXI, 365).

⁷⁾ In epist. ad Rom. XI, 3 (LX, 488).

⁸⁾ In 2 epist. ad Corinth. VI, 2 (LXI, 438).

⁹⁾ In epist. 2 ad Corinth. VI, 3 (M. LXI, 439).

Самый способ сообщенія откровеній обоихъ завѣтовъ, по мысли Іоанна Златоуста, показываетъ различіе между ними по степени. Законъ древній данъ былъ въ пустынѣ, на горѣ Синаѣ, въ огнѣ и дымѣ, при звукѣ трубы, среди грома и молніи, по вступленіи Моисея въ самый мракъ. Новый Завѣтъ даруется не въ пустынѣ, не на горѣ, не среди дыма и мрака, тьмы и бури, а при наступленіи дня въ домѣ, когда всѣ сидѣли вмѣстѣ, когда все происходило въ глубокой тишинѣ. Для людей грубыхъ, необузданныхъ, очевидно, нужны были явленія чувственныя, поразительныя, какъ пустыня, гора, дымъ, звукъ трубъ. Между тѣмъ для болѣе возвышенныхъ, болѣе покорныхъ, ставшихъ выше чувственныхъ понятій людей ни въ чемъ подобномъ не было необходимости ¹⁾.

Опредѣляя взаимоотношеніе между собою двухъ откровеній, Златоустъ, подобно другимъ отцамъ и учителямъ Церкви, часто указываетъ и опредѣляетъ *прообразовательное, типическое значеніе* Ветхаго Завѣта въ отношеніи Новаго. Образы Ветхаго Завѣта, какъ прообразованія, предварительно предначертали домостроительство, имѣвшее совершиться въ Новомъ, съ пришествіемъ Христа ²⁾. Ветхій Завѣтъ содержалъ въ себѣ только прообразы будущихъ благъ: прощеніе грѣховъ, крещеніе, таинственная трапеза евхаристіи и др. были преднаписаны и прообразованы въ св. книгахъ Ветхаго Завѣта ³⁾. Такъ какъ іудеи были несмысленны и дѣтски маломыслны, то Богъ бесѣдовалъ съ ними прикровенно. Напротивъ, въ Новомъ Завѣтѣ, когда люди были удостоены великой свободой и стали способны къ участию въ совѣтѣ, Богъ сталъ бесѣдовать съ ними ясно и открыто, какъ съ друзьями (1 Кор. X, 14—16) ⁴⁾. Покрывало неясности на св. письменности Ветхаго Завѣта обличало немощь читателей и слушателей, по причинѣ которой не возможно было преподавать ученія совершеннаго и исполненнаго любомудрія, ученія о Христѣ и Новомъ Завѣтѣ ⁵⁾. Въ качествѣ примѣра, св.

¹⁾ In Matth. I, 1 (LVII, 15).

²⁾ In Ioann XIV, 3 (M., LIX 95).

³⁾ In. 1 epist. ad Corinth, IX, 24; hom. XXIII, 3 (M. LXI, 192); ep. hom. XXIV, 2 (LXI, 200).

⁴⁾ In 1 epist. ad Corinth; XXIV, 1 (M. LXI, 199).

⁵⁾ De proph. obscur. II, 1 (M. LVI, 176. 177).

Златоустъ указываетъ на повѣствованіе Моисея о происхожденіи міра, въ сравненіи съ началомъ евангелія отъ Іоанна. Моисей приспособляется къ слабости, къ несовершенству ума своихъ современниковъ, а потому и повѣствованіе свое начинаетъ съ міра видимаго: „въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю“ (Быт. I, 1). Въ Новомъ Завѣтѣ родъ человѣческій сдѣлалъ успѣхи въ совершенствованіи. Поэтому, сынъ громовъ ведетъ слушателей своихъ къ высшему ученію уже другимъ путемъ, когда говоритъ: „въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ“ (Іоанн. I, 1⁴). Объясняя существо взаимнаго отношенія ветхозавѣтнаго типа къ новозавѣтной дѣйствительности, Златоустъ говоритъ: „образъ—не противоположенъ истинѣ, но сроденъ ей“²⁾. Для нагляднаго объясненія своей мысли Златоустъ указываетъ на работу живописцевъ въ ея постепенномъ развитіи. Желая сдѣлать царское изображеніе, живописецъ проводитъ по темному фону бѣлыя полосы и какъ бы тѣнями начертываетъ царя, царскій престолъ, коней, копье-носцевъ, враговъ связанныхъ или поверженныхъ. Смотря на всѣ эти первоначальныя тѣни, зритель не все узнаетъ, не все понимаетъ, но только неясно различаетъ, что изображается человѣкъ или конь. Пока не будутъ наложены настоящія краски, не изобразятъ лицъ, не сдѣлаютъ ихъ яснѣйшими, зритель отчетливо не можетъ увидѣть, какой царь или какой врагъ изображены на картинѣ. Какъ прежде наложенія настоящихъ красокъ нельзя требовать отъ картины полного совершенства и совершенно достаточно получить нѣкоторое неясное представленіе о предметѣ, такъ и отъ ветхозавѣтныхъ книгъ нельзя требовать всей точности въ представленіи истины посредствомъ образа, а достаточно только оттѣнковъ этой истины. Отсюда открывается, какъ сходство образа съ истиною, такъ и превосходство истины предъ образомъ. Образъ не долженъ быть вполнѣ чуждъ истины: иначе онъ не будетъ образомъ. Но, съ другой стороны, онъ не долженъ быть равенъ истинѣ: тогда онъ былъ бы самою истиною. Образъ долженъ оставаться въ своихъ предѣлахъ: не имѣть всего и не быть лишеннымъ всего, что имѣетъ истина. Если бы образъ имѣлъ все, то былъ бы

¹⁾ In Genes. Hom. III, 2 (M. LIII, 34)

²⁾ In illud: 2 Cor. IV, 13 (M. LI 285); num. 5

самою истинною; а если былъ бы лишень всего, то не могъ быть образомъ. Образъ долженъ имѣть одно, а другое—оставить истинѣ ¹⁾. Прообразъ называется такъ до тѣхъ поръ, пока не явилась истина. Когда же пришла истина, онъ уже теряетъ свое названіе. Когда живописецъ набросалъ эскизъ царя, то его не называютъ еще изображеніемъ царя, пока не наложены еще краски. Когда же краски наложатся, прообразъ закрывается истинною, дѣлается невиднымъ, и мы говоримъ тогда: вотъ—царь ²⁾.

Такъ какъ Ветхій Заветъ былъ несовершенъ, то онъ и былъ затмѣненъ Новымъ. Отмѣна эта, впрочемъ, совершена была не потому, что древній законъ былъ несовершенъ по самому своему существу, а потому, что его сдѣлало несовершеннымъ теченіе времени. Для того времени, когда законъ былъ данъ, онъ былъ достаточно совершенъ и пригоденъ. Но, вслѣдствіе того, что руководимый закономъ родъ человѣческій сдѣлался правственпо совершеннѣе, законъ сталъ менѣе совершеннымъ. Когда мы были менѣе совершенны и занимались упражненіями, Богъ далъ намъ и соотвѣтственное оружіе, которое мы легко могли носить. Затѣмъ мы возросли въ нравственномъ отношеніи, и отъ этого самое оружіе стало несовершеннымъ ³⁾. Кромѣ того отмѣна древней религіи должна была произойти вслѣдствіе развращенія и отверженія іудейства ⁴⁾. Самъ по себѣ древній законъ Христу не противорѣчить. Этого не могло быть, потому что законъ данъ Христомъ и къ Нему насъ руководить ⁵⁾. Между Моисеемъ и Христомъ противорѣчія нѣтъ (ср. Матѣ. V, 32; XIX, 4—19 и Втор. XXIV, 1—4) ⁶⁾. Если бы древній законъ произошелъ отъ злой силы, то Христосъ разрушилъ бы власть ея. Между тѣмъ Господь не нарушалъ закона, не противился ему, но исполнялъ, одобрялъ (ср. Мѣ. V, 17; Рим. X, 4; III, 31) ⁷⁾, превозносилъ, называя сокровищемъ (Мѣ. XIII, 52) ⁸⁾. Съ другой стороны, если бы законъ былъ

¹⁾ In illud: 1 Cor. XI, 1; num. 4 (M. LI, 247. 248).

²⁾ In epist. ad Phillipp. X, 2 (M. LXII, 257).

³⁾ Adver. anom. X, 5 (M. XLVIII, 790).

⁴⁾ Adv. iud. VII, 3. 4 (M. XLVIII, 920—921).

⁵⁾ Ibidem: II, 2 (XLVIII, 859); ср. I, 5 (M. XLVIII, 852).

⁶⁾ De libello repudii II (M. LI, 219—221).

⁷⁾ In Matth. XVI, 2 (M. LVII, 241).

⁸⁾ Ibidem: XLVII, 3 (M. LVIII, 484).

худъ, то не слѣдовало бы снимать съ него покрывала. Закону надлежало бы оставаться прикровеннымъ и послѣ благодати. Но благодать дѣлаетъ приступающихъ къ ней болѣе проникательными въ дѣлѣ разумѣнія закона. Христосъ открываетъ очи людямъ, приступающимъ къ Нему, чтобы они могли видѣть руководство закона, а, сдѣлавшись яснымъ, законъ съ легкостью можетъ руководить разумѣющихъ дѣла Христовы. Это составляетъ лучшее доказательство сродства закона съ благодатию. Ни Христосъ, слѣдовательно, не враждуетъ противъ закона, ни законъ—противъ Иисуса. Напротивъ, законъ приготовляетъ людей къ великому любомудрію, а Христосъ принималъ ихъ оттуда и возводилъ на верхъ совершенства ¹⁾. Законъ заслуживаетъ похвалы именно за то, что сдѣлалъ людей способными подняться надъ мелочностью написаннаго въ немъ и возвыситься до высочайшихъ догматовъ Христовыхъ ²⁾.

Новый Завѣтъ, слѣдовательно, есть *высшая ступень божественнаго Откровенія*, по отношенію къ которой Ветхій Завѣтъ имѣетъ значеніе подготовительное. Въ этомъ именно смыслѣ Златоустъ излагаетъ свое ученіе о превосходствѣ новозавѣтнаго Откровенія. Новый Завѣтъ названъ таковымъ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ всякая вещь называется новою тогда, когда она содержитъ въ себѣ что-либо болѣе, въ сравненіи со старою. Такъ старый, готовый разрушиться домъ называется новымъ, послѣ того какъ разбирается его основаніе, вынимается одно, вставляется другое: уничтожается одно, остается другое; небо называется новымъ, когда ниспосылаетъ дождь; земля,—когда не остается безплодною, но измѣняется въ плодоносную (ср. Ис. LXV, 17) и т. п. ³⁾. Не разноглася и не противорѣча Ветхому Завѣту, Новый превосходитъ его. Ветхій—это письма, камень, служеніе смерти и имѣетъ конецъ. Новый есть духъ, правда и пребываетъ вѣчно ⁴⁾. Христовы заповѣди, какъ заповѣди любви, во всемъ совершеннѣе повеленій закона ⁵⁾. Если бы высокія и великія заповѣди Новаго Завѣта Законодатель предложилъ

¹⁾ De proph. obscur. I, 7 (M. LVI, 175).

²⁾ Adv. iud. II, 2 (XLVIII, 860).

³⁾ In epist. ad Hebr. XIV, 3 (M. LXIII, 114).

⁴⁾ In 2 epist. ad Corinth. VII, 4 (M. LXI, 447).

⁵⁾ De poenitent. 2 (M. XLVIII, 947).

людямъ съ самаго начала, то они не приняли бы ихъ. Поэтому мудрость Законодателя въ Ветхомъ Завѣтѣ соображается съ обстоятельствами времени, съ расположеніемъ духа людей. Законъ о мщеніи и законъ о незлобіи (ср. Исх. XXI, 24 и Мат. V, 39) даны однимъ и тѣмъ же Законодателемъ, но оба предписаны вполнѣ своевременно и съ величайшею пользою, благодаря чему могла быть исправлена вся вселенная ¹⁾. Ветхозавѣтная правда не потому не вводила въ царство, что была худа, но потому, что настало время высшихъ заповѣдей. Несовершенство этой правды вовсе не доказываетъ ея безусловную непригодность. Иначе и о правдѣ Новаго Завѣта можно было бы сказать то же самое. Вѣдь и ея знаніе, въ сравненіи съ знаніемъ будущимъ, есть знаніе несовершенное и, какъ таковое, подлежитъ уничтоженію (ср. 1 Кор. XIII, 10). Хотя настоящая правда и уступить мѣсто новой, когда мы достигнемъ царствія Божія, все же мы называемъ ее великой. Не земля, текущая молокомъ и медомъ, не маститая старость, не многочадіе, не хлѣбъ и вино, не стада овецъ и воловъ обѣщаетъ намъ правда Новаго Завѣта, а небо, блага небесныя: усыновленіе и братство съ Единороднымъ, соучастіе въ наследіи, въ славѣ въ царствованіи и пр. Въ этомъ различіи—превосходство—очевидно ²⁾. Въ сравненіи съ ветхозавѣтнымъ закономъ, законъ Христовъ исполненъ кротостью, попечительностью, и великое человѣколюбіе оказывается въ самой мнимой строгости его ³⁾.

Кромѣ высоты ученія, Златоустъ указываетъ рядъ *другихъ преимуществъ* Новаго Завѣта надъ Ветхимъ. Древній законъ былъ данъ собственно одному народу. Въ то время, какъ другіе народы имѣли внутри законъ естественный: законъ совѣсти, для іудеевъ Богъ сдѣлалъ нѣчто особенное, а именно: изложилъ имъ требованія закона письменно ⁴⁾. Слѣдовательно, законъ Моисея научалъ народъ въ одномъ углу вселенной. Между тѣмъ слово евангельской проповѣди возвѣщено по всей землѣ, распространилось по всемъ стра-

¹⁾ In Matth XVIII, I (M. LVII, 265).

²⁾ Ibidem: XVI, 5 (M. LVII, 244. 245).

³⁾ In Ioann XIV, 3 (M. LIX, 95).

⁴⁾ In psal. CXLVII, 3 (M. LV, 482).

намъ, какія только освѣщаетъ солнце 1). Ветхій Завѣтъ—темнѣе Новаго, по причинѣ грубости слушателей 2). Въ Ветхомъ Завѣтѣ—много труднаго, и книги ветхозавѣтныя неудобопонятны. Новый Завѣтъ, напротивъ, яснѣе и удобопонятнѣе, хотя въ немъ говорится о предметахъ болѣе важныхъ: о царствѣ небеспомъ, о воскресеніи тѣль и неизъяснимыхъ благахъ, которыя даже выше ума человѣческаго 3). Новый Завѣтъ превосходитъ Ветхій и по силѣ значенія своего для человѣка. Новозавѣтный человѣкъ получаетъ великую славу и честь. Имѣя своею главою Христа, онъ дѣлается тѣломъ Его, становится братомъ, сонаслѣдникомъ, образомъ тѣла Его. Такая слава—блистательнѣе всякой порфиры и діадемы. Она превосходитъ славу Моисея, который полагалъ покрывало на лицо свое, ради сыновъ израилевыхъ (2 Кор. III, 13; XIII, 18) 4). Вѣра Новаго Завѣта утвердила волю закона, привела къ концу то, для чего законъ все дѣлалъ и, такимъ образомъ, усовершила законъ 5). Самое разбитіе скрижалей пророкомъ Моисеемъ указывало на конецъ закона. Этимъ предначертанъ былъ типъ того, что законъ нѣкогда долженъ совершенно прекратиться 6).

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

1) In ps. XLVIII, 1 (M. LV, 222).

2) De obscurit. Veter. Testam. I (LVI, 176).

3) De obscurit. proph. 3 (M. LVI, 167).

4) In psal. VIII, n. 7 (M. LV, 117).

5) In epist. ad Roman. VII, 4 (M. LX, 447);

6) In Ierem. cap. XXXI, 32 (M. LXIII, 983).

УЧЕНИЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВОДХОВЕННОСТИ БИБЛИИ.

(Продолженіе ⁊).

V.

Исходя изъ того, что Ветхій и Новый Завѣты происходятъ отъ одного и того же Духа, что одинъ и тотъ же Духъ, говорившій въ первомъ, говорилъ и въ послѣднемъ¹⁾, Іоаннъ Златоустъ учитъ о боговдохновенности св. книгъ обоихъ каноновъ.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ существенною частью Златоустъ признаетъ, конечно, законъ (νόμος). Въ Писаніи закономъ называется весь ветхій завѣтъ. Но въ тѣсномъ смыслѣ подъ закономъ разумѣются собственно „заповѣди, которыя Богъ открылъ въ законѣ чрезъ Моисея“²⁾.

Фактъ божественнаго происхожденія изложеннаго въ пятикнигахъ Моисея закона, утверждается св. отцомъ Церкви, въ противоположность *дуалистическимъ ученіямъ* гностиковъ и манихеевъ. Гностикъ *Маркіонъ* признавалъ двухъ различныхъ виновниковъ для законовъ ветхаго и новаго завѣтовъ³⁾. *Манихей* же рѣшительно утверждалъ, что древній законъ произошелъ отъ діавола⁴⁾ и потому почиталъ законъ грѣховнымъ⁵⁾.

⁊) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 5 за 1912 годъ.

1) In psalm. CXV, 2 (M. LI, 321).

2) In Matth. LXXII, 1 (M. LVIII, 667).

3) In illud: 1 Cor. X, 1; n. 3 (M. LI, 245).

4) In Matth. XVI, 1 (M. LVII, 241).

5) In epist. ad Roman. XII, 4 (LX, 500).

Златоустъ, напротивъ, учитъ, что Самъ Богъ вдохновилъ блаженнаго Моисея, изваяль скрижали, держаль его сорокъ дней на горѣ и еще столько же другихъ, чтобы дать законъ ¹⁾. Устами пророка человѣколюбивый Богъ научалъ родъ человѣческій ²⁾. Своё ученіе Моисей преподавалъ, руководимый Духомъ ³⁾, излагалъ все по внушенію Духа ⁴⁾. Не отъ себя говорилъ пророкъ, но то, что внушила ему благодать Духа ⁵⁾. Поэтому и слова Моисея Златоустъ называетъ благодатію Духа Святаго ⁶⁾. Откровеніямъ отъ Духа Святаго Моисей былъ наученъ какъ сынъ отъ отца ⁷⁾.

Въ связи съ такимъ ученіемъ о боговдохновенности Моисея стоитъ и *характеристика его*, какъ пророка и человѣка. Во всей древней исторіи не было никого, равнаго Моисею ⁸⁾. Глава и столпъ ветхозавѣтныхъ пророковъ ⁹⁾, мужъ святой, рабъ Божій, другъ, близкій и вѣрный Богу ¹⁰⁾. Моисей былъ обогащенъ мірскою мудростію и въ то же время исполненъ духовнаго знанія, былъ одновременно силенъ въ словѣ и во всякой добродѣтели ¹¹⁾. Дивный въ священной исторіи, пророкъ былъ самымъ краткимъ изъ всѣхъ людей ¹²⁾.

Происшедшій отъ столь великаго пророка законъ, какъ произведеніе божественнаго вдохновенія, поэтому, *не могъ быть противоположенъ откровенію Бога во Христвѣ*. Между Моисеемъ и Христомъ нѣтъ и не могло быть противорѣчія ¹³⁾. Напротивъ, законъ и евангеліе органически связаны между собою единствомъ происхожденія. Оба имѣютъ одного Законодателя. Если повый законъ введенъ Христомъ, то и древній данъ Имъ же: Христовъ говорилъ и чрезъ Моисея.

¹⁾ In epist. ad Hebr. VIII, 4 (M. LXIII, 74).

²⁾ In Gen. III, 2 (M. LIII, 34); cap. I.

³⁾ Ibidem. II, 3 (M. LIII, 29); cap. I.

⁴⁾ II, 3; cap. I (col. 29).

⁵⁾ Ibidem: IV, 2. (M. LIII, 41); cap. I.

⁶⁾ De sancto hieromartyre Babylae: 1, 2 (M. L, 532).

⁷⁾ In Isa. XL, 25—26 (M. LVI, 274)

⁸⁾ De mutatione nominum. III, 3 (M. LI, 134).

⁹⁾ См. epist. ad Olymph. II, 7 (LII, 563); de poenit. V, 2 (M. XLIX, 307).

¹⁰⁾ In Ioann. I, 15; XIII. 1 (M. LIX, 86); in Matth. LXXVIII, 4 (LVIII. 717).

¹¹⁾ De mutatione nominum III, 3 (M. LI, 134).

¹²⁾ Ibidem; enfv. in Gen XXIII, 3 (M. LIII, 200); (LXI, 1 (LIV, 291).

¹³⁾ De libelle repudii: II; in illud: 1 Cor. VII, 39, 40 (M. LI, 219—222).

Съ точки зрѣнія постепеннаго развитія божественнаго Откровенія Іоаннъ Златоустъ видитъ въ законѣ Моисея одну изъ необходимыхъ его ступеней, которая обусловливалась свойствами органовъ, чрезъ которыхъ оно сообщалось, равно какъ приспособлялась къ способностямъ и потребностямъ людей. Въ трехъ видахъ примѣняетъ Златоустъ по отношенію къ закону моисееву свое ученіе о божественномъ спусхожденіи къ челоуѣческой немощи. Во-первыхъ, побужденіями для дѣятельности указываются въ Ветхомъ Завѣтѣ чувственные предметы, потому что самые законы предназначались для людей несовершенныхъ, какъ бы для малыхъ дѣтей. Христіане же теперь подвизаются не для благъ настоящихъ, а для угожденія Богу, для неба, для благъ небесныхъ, въ надеждѣ на будущее¹). Во-вторыхъ, нѣкоторыя изъ заповѣдей Божіихъ, данныхъ чрезъ Моисея, имѣютъ безусловное, другія—только относительное значеніе. Познавать Бога, не убивать, не прелюбодѣйствовать, и пр.,—это заповѣди съ непреходящимъ значеніемъ. Приносить жертвы, воскурять ѳиміамъ, соблюдать субботу и пр., это заповѣдано не для того, чтобы само по себѣ было совершаемо, но для предохраненія отъ идолослуженія²). Особеннаго, нарочитаго божественнаго намѣренія устанавливать законы о жертвахъ не было. Но вслѣдствіе духовной немощи іудеевъ произошло то, что цѣлая книга Левитъ состоитъ изъ такихъ законовъ. Много ихъ встрѣчается и во Второзаконіи³). Въ третѣихъ, Самъ Господь за моисеевымъ закопомъ признаетъ временное педагогическое значеніе. Это предполагается уже въ словахъ Господа: „сказано древнимъ“ (ср. Мѡ. V 21, 27, 31, 33, 38, 43 и др.). Христосъ говоритъ такъ, чтобы пристыдить слушателей, отказывавшихся отъ исполненія высшихъ заповѣдей, подобно тому, какъ иногда учитель говоритъ лѣнивому ребенку; ты развѣ не знаешь, сколько времени ты потерялъ, учась складамъ?⁴). Заповѣди моисеева закона, по ученію Господа, не составляютъ окончательнаго, совершеннѣйшаго выраженія воли Божіей. Если въ Новомъ Завѣтѣ запрещается, напр., гнѣвъ (Мѡ. V 22), то этимъ только усовершенствуется

¹) In psalm. CXXVII, n. 34. (M. LV 369, 370).

²) In Isa. cap. I, n. 5 (M. LVI, 19).

³) Ibidem: cap. I; n. 4 (col 19).

⁴) In Matth. XVI, 5 (M. LXII, 245).

ветхозавѣтная заповѣдь объ убійствѣ (Исх. XX, 13). Такое запрещеніе исторгаетъ самый корень убійства: гнѣвъ¹⁾. Слова закона „око за око“ могутъ, конечно, казаться жестокими (ср. Исх. XI, 24). Но они получаютъ иной смыслъ, если принять во вниманіе эпоху и характеръ еврейскаго народа. Если бы Законодатель не постановилъ правила о мщеніи, то Онъ вооружилъ бы злодѣевъ безстрашіемъ, безнаказанностью и сталъ бы подобенъ человѣку, раздавшему преступникамъ мечи²⁾. Для современной эпохи правило моисеева закона даже служило выраженіемъ доступной для людей высшей степени человѣколюбія. Желая умѣрить справедливость благостью, Законодатель присуждаетъ виновника большаго проступка къ наказанію меньшему, сравнительно съ тѣмъ, какого онъ заслуживаетъ³⁾.

Говоря о св. писаніяхъ Моисея, Златоустъ называетъ ихъ *изображеніями души пророка*. Поэтому, читая эти писанія, мы наслаждаемся какъ бы присутствіемъ самого святого⁴⁾. Будучи первыми по времени происхожденія боговдохновенными писаніями, книги Моисея обновили въ сознаніи людей естественный законъ, вѣдренный въ человѣка самой природой⁵⁾. Моисей составлялъ свои книги не для славы, не по способу языческихъ писателей, но для добраго наставленія потомковъ⁶⁾. Существо содержанія писаній пророка св. Златоустъ опредѣляетъ при обзорѣни книгъ Вѣтхаго Завѣта. Книга Бытія повѣствуетъ о сотвореніи міра и о жизни людей, угодившихъ Богу. Исходъ говоритъ о чудесномъ освобожденіи іудеевъ изъ Египта, о пребываніи ихъ въ пустынѣ и дарованіи закона. Книга Левитъ о жертвахъ и священно-служеніи. Книга Числъ названа такъ потому, что по исходѣ изъ Египта Богъ повелѣлъ сосчитать народъ іудейскій. Во Второзаконіи Моисей вторично объяснилъ евреямъ законъ⁷⁾.

Какъ великій пророкъ, въ которомъ пребывалъ Духъ Святой⁸⁾, Моисей раскрылъ намъ въ книгѣ *Бытія* тайну тво-

¹⁾ Ibidem: XVI, 5 (LVII, 245, 246).

²⁾ In Matth. XVI, 6 (LVII, 246 247).

³⁾ Ibidem. XVI, 7 (col 247).

⁴⁾ Homilia in illud: psal. CXLV, I, (M. LVI, 520).

⁵⁾ In psalm. CXLII, (M. LV 455).

⁶⁾ Synopsis Script. Sacrae; (M. LVI, 313, 314).

⁷⁾ Ibidem: col. 314.

⁸⁾ In Isa. LXIII 1—2 (M. LVI, 457).

ренія. Моисей не былъ съ Богомъ, когда Онъ творилъ, но по откровенію былъ наученъ Духомъ, какъ сынъ отъ отца¹⁾. Сжатость и краткость суть особенности стила книги Бытія²⁾. Книгу Исходъ Моисей также писалъ по наученію отъ Бога³⁾. Опреждленія изъ книги Левитъ приводятся Златоустомъ, какъ слова Божіи чрезъ пророка Моисея⁴⁾, какъ изреченія божественнаго Писанія⁵⁾, повелѣнія Самого Бога⁶⁾. Книга Числь называется Писаніемъ [*κατ' ἐξουσίαν*“⁷⁾], а Второзаконіе приводится къ подлинное слово Божіе⁸⁾, съ предвареніемъ: „говоритъ Богъ“⁹⁾.

Канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ Златоустъ раздѣляетъ на три класса: *историческія, нраво-учительскія и пророческія*.

Къ *первому классу* Златоустъ причисляетъ, кромѣ пяти книгъ Моисея, книгу Исуса Навина, Судей, четыре книги Царствъ, книги Ездры и др.¹⁰⁾. Вышеназванная классификація признается, впрочемъ, св. отцомъ Церкви не вполне точной. Справедливо онъ оговаривается, что различные виды Писаній—между собою смѣшаны. Въ историческихъ сказаніяхъ можно найти пророчество; отъ пророковъ можно услышать много рассказовъ историческихъ. Нравоученія и увѣщанія встрѣчаются въ тѣхъ и другихъ книгахъ¹¹⁾, Божественное происхожденіе священно-историческихъ частей св. Библии налагаетъ на нихъ особую печать превосходства надъ обыкновенными историческими памятниками. Въ то время, какъ языческіе писатели изображаютъ войны и сраженія для полученія себѣ писательской славы, Моисей излагаетъ исторію великихъ праведниковъ въ видахъ добраго наставленія потомковъ. Онъ повѣствуетъ не о праведникахъ только, но и о грѣшникахъ, чтобы мы однимъ подражали, а примѣра другихъ избѣгали и чрезъ то и другое преуспѣ-

1) In Isa. XL, 25—26 (M. LVI, 274).

2) Ad Stag. II, 6 (M. XLVII, 457).

3) Contr. anom: IV, 3 (M. XLVIII, 731).

4) Hom. in illud; Matth. XXI, 23: n. 2 (M. LVI 414).

5) Hom. in diem natal. 4 (M. XLVIII, 356).

6) De sacerdot. VI, 11 (M. XLVIII, 686, 687).

7) In psalm. CXXXI, I. (M. LV, 379).

8) Ad Theod. lapsum: 15 (M. XLVII, 301).

9) Adver. in daeos. et gentiles demonstratio: VIII, 5 (M. XLVIII, 935).

10) Synopsis Scripturae Sacrae: (M. LVI, 314, 315).

11) Ibidem (M. LVI, 316).

вали въ добродѣтели и усердіи ¹⁾. Но этого мало. Божественное Писаніе нерѣдко показываетъ, какъ праведники падали, а грѣшники являли великое исправленіе. Черезъ то и другое читатели библейской исторіи получали достаточное вразумленіе. Стоящій въ добрѣ не могъ предаться безпечности, видя паденіе праведниковъ. Пребывающій во грѣхахъ не впадалъ въ отчаяніе, зная, что многіе раскаявшіеся грѣшники успѣли достигнуть самой высокой степени добродѣтели ²⁾. Боговдохновенно-историческія части Библии, слѣдовательно, излагаютъ подлинную, безпристрастную историческую истину ³⁾. Въ нихъ нѣтъ красивыхъ вымысловъ или фантастическихъ картинъ, которыми изобилуютъ произведенія свѣтской литературы и искусства ⁴⁾.

Обращаясь къ *существованию боговдохновенности* [библейскихъ историковъ], Златоустъ отмѣчаетъ, что въ Библии развиваются обыкновенно два принципа: нравоучительный и духовный ⁵⁾. Но, въ противоположность александрійцамъ вообще и Оригену въ особенности, Златоустъ мало вдается въ глубины мистическаго пониманія боговдохновенныхъ разсказовъ библейской исторіи. Для столь типичнаго антиохійца, какимъ былъ Златоустъ, главнѣйшее значеніе имѣетъ нравоучительная сторона буквального пониманія св. подлинника. Изъ многихъ примѣровъ ограничиваемся нижеслѣдующими. Въ библейскомъ историческомъ разсказѣ о происхожденіи Евы (ср. Быт. II, 24) содержится глубокой мистическій смыслъ. Здѣсь предначертана великая тайна объ отношеніи Христа къ Церкви (ср. Ефес. V, 28—32). Для Златоуста важна преимущественно нравственная сторона. Сотвореніемъ жены изъ ребра Адама предуказуется образъ взаимоотношенія мужа и жены ⁶⁾. Жизнь первыхъ людей до преслушанія, дѣйствительно, доказываетъ преизбыточествующую любовь Бога, даровавшаго первымъ людямъ ангельское бытіе ⁷⁾. Ап. Варнава даже въ числѣ рабовъ (318), съ помощью которыхъ Авраамъ пора-

¹⁾ Ibidem. (MLV, 313, 314).

²⁾ In Genes. XIX, I (M. LIII, 260); сар. IX: ср. XLV, I (M. LIV 414), сар. XV.

³⁾ Ibidem: XXXVII, I (M. LIII, 341, 342); сар. XV.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ In Genes. XV, 3 (M. LIII, 122, 123); сар. II.

⁷⁾ Ibidem: XV, 4 (M. LIII, 123, 125); сар. II.

зиль царя вѣламскаго, находилъ предызображеніе тайны искупленія¹⁾. По истолкованію Златоуста, событіе представляется проще и естественнѣе. Авраамъ взялъ не всѣхъ своихъ слугъ, а только домочадцевъ, воспитывавшихся вмѣстѣ съ Лотомъ. Благодаря этому, сражаясь, какъ бы за своего господина, они могли совершить мщеніе съ гораздо большимъ рвеніемъ²⁾. Для объясненія того, почему для обрѣзанія былъ назначенъ именно восьмой день, Іустинъ-Мученикъ напоминалъ, что это—день воскресенія³⁾. Златоустъ усматриваетъ здѣсь двѣ болѣе опредѣленныя цѣли. Человѣколюбивый Богъ назначилъ время обрѣзанія, во первыхъ, для того, чтобы легче можно было въ столь незрѣломъ возрастѣ переносить болѣзнь; во-вторыхъ, чтобы показать, что обрѣзъ, совершаемый надъ дитятей, еще не имѣющимъ смысла, самъ по себѣ пользы не приприситъ, а предназначенъ быть только знаменіемъ⁴⁾. Извѣстно, далѣе, что бракъ патріарха Іакова съ двумя женами (ср. Быт. XXIX), для отцовъ Церкви (Іустинъ-Мученикъ, Ириной ліонскій и др.) былъ обычнымъ мѣстомъ аллегорическаго истолкованія⁵⁾. Златоустъ, какъ антиохіецъ—реалистъ, смотритъ на такое двоеженство, какъ на типичное явленіе первобытной, патріархальной эпохи, весьма отличной отъ позднѣйшихъ эпохъ⁶⁾.

Ко второму классу ветхозавѣтныхъ книгъ Златоустъ относитъ книги учительныя, содержащія въ себѣ нравственное ученіе и увѣщаніе, какъ-то Притчи, Екклесіастъ, Пѣснь Пѣсней и др.⁷⁾.

Царь Соломонъ, составитель трехъ учительныхъ книгъ, характеризуется Златоустомъ, конечно, со стороны *его мудрости*. Уже будучи двѣнадцати лѣтъ, Соломонъ бесѣдовалъ съ Богомъ, имѣлъ предъ нимъ великое дерзновеніе⁸⁾. Принявъ царство отца своего Давида, Соломонъ просилъ Бога

¹⁾ Срав. его epist. cap. IX: Быт. XIV, 14.

²⁾ In Genes. XXXV, 4. (M. LIII, 327).

³⁾ См. его dialog. cum Tryph 260; такое мнѣніе высказывалъ и одинъ африканскій соборъ: Reliquae Sacrae. Routh. Edit. Oxon. 1846 III; pag. 100.

⁴⁾ In Genes. XXXIX, 5; cap. IX (M. LIII, 367).

⁵⁾ Срав. Iust. Dialog. cum. Tryph 364: Iren IV. XXXV. 3.

⁶⁾ In Genes. LVI, 3 (M. LIV, 489); cap. XXIX.

⁷⁾ Symporsis Scripturae Sacrae. (M. LVI, 316).

⁸⁾ In Isa. III, 3 (M. LVI, 43).

даровать ему болѣе мудрости, нежели богатствъ и побѣдъ надъ врагами. Получивъ ее и сдѣлавшись мудрымъ больше всѣхъ людей, жившихъ прежде него и послѣ него, ставъ предметомъ удивленія во всемъ, что дѣлалъ и говорилъ, Соломонъ изрекъ три тысячи притчей, пять тысячъ пѣсней, разсуждалъ о всемъ, произрастающемъ изъ земли и о всѣхъ животныхъ ¹⁾.

На основаніи древне-еврейскаго преданія Златоустъ усволяетъ авторству Соломона *собственно три* вышеназванныхъ правоучительныхъ книги. Однако, ему извѣстно и другое мнѣніе, приписывавшее Соломону книгу „*Премудрость*“, какъ его подлинное произведеніе ²⁾.

Происхожденіе названія *первой книги* Соломона Златоустъ ставитъ въ связь съ обычаемъ древности писать притчи, или мудрыя изреченія, на всякомъ пути для вразумленія и назиданія проходящихъ по пути. Цѣль подобнаго обычая состояла въ томъ, чтобы люди, по крайней мѣрѣ, проходя и замѣчая написанное, вникали въ это и такимъ способомъ поучались. Въ собственномъ смыслѣ притча, слѣдовательно, означаетъ придорожное изреченіе, переносящее мысли наши отъ чего либо одного ко многому. По болѣе же точному опредѣленію существа писательскаго вдохновенія, притчи—это мудрыя изреченія, какъ бы загадки, которыя сами по себѣ представляютъ одно, но въ нихъ подразумѣвается нѣчто другое ³⁾. Цѣль книги Притчей есть наученіе людей истинной мудрости и знанію, чтобы кто-либо, увлекшись сходнымъ названіемъ мудрости, не впалъ въ мудрованія язычниковъ и еретиковъ. Язычники, „называя себя мудрыми, обезумѣли“, (Рим. I, 22). Еретики, считая себя знающими, совратились, погрѣшили, осудили самихъ себя. Напротивъ, читатель, слыша и усвоивъ божественныя изреченія подлинно боговдохновеннаго мудреца, не увлекаясь обольщеніемъ, становится сыномъ мудрымъ и скоро получаетъ познаніе о единомъ истинномъ Богѣ ⁴⁾.

Фактъ боговдохновенности книги Притчей утверждается у Златоуста уже самымъ способомъ приведенія изъ нея от-

¹⁾ Synopsis Scripturae Sacrae (M. LVI, 370).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Synopsis Scripturae (M. LVI, 370).

⁴⁾ Ibidem. (370. 371).

дѣльныхъ изреченій. Обыкновенно Златоустъ цитуетъ ихъ, какъ непосредственныя слова Самого Бога, съ предвареніями: „Самъ Богъ сказалъ“, „Богъ повелѣваетъ по написанному“, или „сказано Святымъ Духомъ въ Притчахъ“ (ср. XIX, 17; III, 3; 1, 3) ¹⁾ и т. п.

Книга Екклезіастъ, какъ очевидно изъ способа ея цитациі, также принималась Златоустомъ за подлинно-боговдохновенное Писаніе ²⁾. Изреченія Соломона въ этой книгѣ называются у него чудными, исполненными мудрости ³⁾.

Книга Пѣнь Пѣней для Златоуста есть Писаніе по преимуществу ⁴⁾. Какъ и другіе, Златоустъ представляетъ ее книгой мистическаго содержанія. Въ ней собраны таинственнѣйшія пѣсни, въ коихъ изображены отношенія Господа къ преданной Ему душѣ ⁵⁾.

Изъ класса учительныхъ книгъ о книгѣ *Іова* Златоустъ сообщаетъ: „говорятъ, что книгу эту составилъ Соломонъ, если только она не есть произведеніе Моисея“ ⁶⁾. Книга получила наименованіе отъ Іова, который жилъ прежде Моисея, такъ какъ былъ пятымъ послѣ Авраама потомкомъ Исава ⁷⁾. Книга имѣетъ своею задачею научить терпѣнію тѣхъ, которые впадаютъ въ искушенія, хотя благочестіе ихъ всѣмъ извѣстно, чтобы они не соблазнялись, но восклицали: „Господь далъ, Господь и взялъ: какъ угодно было Господу, такъ и сдѣлалось“ (1, 21) ⁸⁾. Книга эта—полезна при всякомъ родѣ жизни и обстоятельствъ. Мужъ и жена, старецъ и молодой, частное лицо и начальникъ, богатый и бѣдный, пользующійся счастьемъ и удручаемый несчастьемъ,—все могутъ получать изъ нея назиданіе ⁹⁾. Для внимательныхъ многострадальный Іовъ служить примѣромъ не только терпѣнія и выносливости, но и другихъ добродѣтелей: мужества и постоянства при искушеніяхъ, удаленія отъ надменности,—

¹⁾ In Matth. XV, 9 (M. LVII, 236); in Isa. LVIII, 8—10 (M. LVI, 429); fragm. in Proverb. cap. 1, 3. 6 (M. LXIII, 660. 661).

²⁾ Fragm. in Iob. III, 21—22 (M. LXIII, 583) и др.

³⁾ De statuis ad popul. Antioch. XV, 2 (M. XLIX, 155).

⁴⁾ In I epist. ad Corinth. XXXIII, 6 (M. LXI, 286).

⁵⁾ In I epist. ad Thessal. VI, 4 (M. LXII, 434).

⁶⁾ Synops. Scripturae Sacrae (M. LVI, 362).

⁷⁾ Ibidem.

⁸⁾ Ibidem.

⁹⁾ Fragm. in Iob. praefac. (M. LXIII, 507).

кротости, умѣренности, общительности, вмѣстѣ съ свѣтлымъ настроеніемъ, при богатствѣ и силѣ, воздержности при удовольствіяхъ, справедливости въ судахъ и договорахъ, во всемъ—согласія и главной изъ добродѣтелей—любви¹⁾. Не было несчастья, случающагося съ людьми, котораго не испыталъ бы этотъ мужъ, твердѣйшій всякаго адаманта. Одно временно онъ перенесъ голодъ, бѣдность, болѣзнь, потерю дѣтей, утрату богатства. Послѣ же того подвергся со стороны жены козпямъ, друзьями оскорбленъ, а слугами оплеванъ. Во всемъ этомъ Іовъ оказался твердѣйшимъ камня. Это—прежде закона и благодати²⁾. Въ виду необычайной борьбы и терпѣнія близко предположеніе, что боговдохновенный писатель изображаетъ идеальный сверхчеловѣческій типъ. Но самыми начальными словами своего повѣствованія (I, 1) онъ даетъ понять, что это былъ, дѣйствительно, человѣкъ по природѣ одинъ изъ многихъ, а по добродѣтели высшій многихъ³⁾.

Библическое достоинство и боговдохновенность столь назидательной и полезной книги выражаются у Златоуста *наименованіями* ея „божественнымъ Писаніемъ“ (τῆ θεῖα Γραφῆ⁴⁾), „закономъ божественнаго Духа“⁵⁾ и пр.

Къ *третьему классу* ветхозавѣтныхъ писаній Златоустъ относитъ книги пророческія. Въ этотъ классъ онъ включаетъ не только книгу шестнадцати пророковъ, но и псалмы Давида, вѣроятно, вслѣдствіе обилія въ нихъ пророческаго элемента⁶⁾. Замѣчательно, что сюда въ обзорѣни отнесена св. отцомъ Церкви и книга Руѣб. Основаніемъ для этого могло быть прообразовательное значеніе Руѣб. Существуетъ и другая гипотеза, что это сдѣлано по ошибкѣ писца⁷⁾.

Составителемъ псалмовъ Златоустъ почитаетъ *одного Давида*. Тѣ, которые утверждаютъ, будто не всѣ псалмы принадлежать Давиду, но принадлежать и тѣмъ лицамъ, имена которыхъ ясно обозначены, достаточно не вникають въ по-

1) Fragm. in Iob. (LXIII, 508).

2) Ibidem (M. LXIII, 508. 509).

3) In Iob. cap. 1, 1 (M. LXIII, 510).

4) In Iob. I, 1: cap. 1 (LXIII, 511), ср. cap. XXXVІІІ; 36 (LXIII, 649).

5) In Iob. I, 1 (M. LXIII, 519).

6) Synopsis Scripturae Sacrae (M. LVI, 316).

7) Ibidem.

рядокъ и сущность дѣла. Ни Господь, ни апостолы нигдѣ не упоминають о другомъ какомъ-либо писателѣ псалмовъ, кромѣ Давида ¹⁾. Въ лицѣ Давида Богъ, послѣ Моисея, Иисуса Навина, судей израильскихъ, воздвигъ для евреевъ царя добродѣтельнаго, праведнаго и пророка. Онъ и составилъ, по вдохновенію Духа Святого, книгу изъ ста пятидесяти псалмовъ. Эти псалмы были написаны рѣчью мѣрною, свойственною еврейскому языку. Они были пѣты благозвучно, съ разнообразіемъ въ голосѣ, съ различными музыкальными орудіями, съ ликованіемъ и припѣвами. Самъ пользуясь псалтирюю, Давидъ имѣлъ подъ своимъ управленіемъ разные хоры меньшихъ пророковъ. Послѣдніе употребляли различныя музыкальныя орудія: кимвалы, флейты, тимпаны, трубы, псалтири, гусли, такъ называемыя пастушескія свирѣли. Каждый хоръ имѣлъ начальниковъ, изъ которыхъ одинъ назывался Асафомъ, другой—Идиѹмомъ, иные—сынами кореевыми, иной—Евѹмомъ израильтяниномъ, иной—именемъ Моисея челоуѣка Божія. Когда самъ Давидъ возбуждался Духомъ провѣщевать или о плѣненіи народа, или о возвращеніи его, или о нравственномъ ученіи, или о Промыслѣ Божіемъ, или о Владыкѣ—Христѣ, то онъ и составлялъ мѣрною рѣчью псаломъ, а потомъ отдавалъ его какому-либо хору. Играя на различныхъ музыкальныхъ орудіяхъ, находившіеся подъ управленіемъ Давида хоры пророковъ и воспѣвали съ ликованіемъ во славу Божію псалмы, внушенныя Духомъ Святымъ ²⁾. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія св. Іоанна Златоуста истиннымъ творцомъ вдохновенной лирики псалмовъ былъ царь Давидъ; прочія же лица, имена которыхъ стоятъ въ надписаніяхъ псалмовъ, были только проводниками вдохновенія Давида въ область религіозной музыки.

Утверждая единство происхожденія псалмовъ отъ Давида, а именно, что всѣ они написаны Давидомъ, хотя не всѣ о немъ ³⁾, Златоустъ дѣлаеть *характеристику* его. Великій, дивный, благородный пророкъ ⁴⁾, Давидъ былъ украшеніемъ челоуѣческихъ нравовъ ⁵⁾. Пѣвецъ и учитель цѣ-

¹⁾ Homil. in psalmos; praef. (LV, 532).

²⁾ In psalm. praef. (M. LV, 532. 533).

³⁾ In psalm. L, 1 (M. LI, 566).

⁴⁾ Homil. in illud: 2 Cor. IV. 13 (M. LI, 297); п. 8.

⁵⁾ De poenitentia (in psalm. L) (M. LXIII, 13).

ломудрiя ¹⁾, онъ былъ въ то же время общимъ учителемъ вселенной, предлагалъ всѣмъ сокровище своего любомудрiя ²⁾. Живя въ городѣ, управляя царствомъ, обремененный безчисленными заботами, Давидъ объять былъ любовью Христовою сильнѣе жившихъ въ пустыняхъ ³⁾. Благоговѣнная, пламенная любовь къ Богу ⁴⁾, величайшая кротость ⁵⁾, крѣпкое терпѣнiе ⁶⁾, великодушия ⁷⁾, дѣлами Давидъ былъ славнымъ предъ Богомъ и предъ людьми ⁸⁾.

Ученiе о боговдохновенности пр. Давида изложено Златоустомъ въ весьма точныхъ выраженiяхъ. Черезъ Давида пророчествовалъ ⁹⁾, говорилъ Духъ Святой ¹⁰⁾. Своей духовной лирой Давидъ возвѣщалъ то, что впушалъ Духъ Святой ¹¹⁾. Сподобившись Св. Духа, пророкъ съ великимъ восторгомъ обозрѣвалъ дѣла творенiя и выражалъ къ нимъ удивленiе (ср. Пс. СШ, 24) ¹²⁾.

Отсюда и писательское слово Давида не было произведенiемъ человѣческой только мысли, а главнымъ образомъ божественной благодати. То, что изрекалъ Давидъ, происходило не отъ человѣческаго усилiя, но отъ божественнаго вдохновенiя, которое возбуждало его. Очищенное отъ грѣховъ, принявъ благодать Духа, сердце пророка „отрыгало слово благое“ (Пс. XLIV, 1) ¹³⁾. То же самое выражаетъ Златоустъ и въ другомъ мѣстѣ. Изрекаемое Давидомъ не было произведенiемъ человѣческаго ума, размысленiя или сочиненiя, но божественной благодати. Самъ Давидъ служилъ однимъ только языкомъ, какъ грифель въ рукахъ быстрописца. Грифель же пишетъ то, что велитъ рука, которая его держитъ ¹⁴⁾. Хотя и говорятъ, что тѣ или другiя слова при-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ In psalm. 1X: 5 (M. LV, 129).

³⁾ Ad Stelechium; II, 3 (M. XLVII, 414).

⁴⁾ In psalm. XLI 6, (M. LV, 164).

⁵⁾ In psalm. XLIV, 6 (M. LV, 191. 192).

⁶⁾ In psalm. VII, 14, (M. LV, 103).

⁷⁾ In psalm, III, (M LV, 39).

⁸⁾ In Matth. II, 3 (M. LVII, 27).

⁹⁾ In psalm. CVIII, 2 (M. LV, 261).

¹⁰⁾ M. LVI, 512.

¹¹⁾ Ibidem: 513.

¹²⁾ M. LI, 494.

¹³⁾ In psalm. XLIV, 1 (M. LV, 183).

¹⁴⁾ In psalm. XLIV, 2 (M. LV, 184).

надлежать Давиду, но лучше было бы сказать: принадлежать не Давиду, а благодати Духа. Произносилъ ихъ пророкъ, но языкомъ его двигалъ Утѣшитель. Какъ трость шлетъ не сама собою, но по распоряженію движущей ее руки, такъ точно и языкъ пророковъ говорилъ не самъ собою, а по благодати Божіей ¹⁾. Такъ какъ произносимыя пророками слова были изреченіями божественными, письменами, писанными съ неба, то не трости нужно приписывать письмена, но держащей ее рукъ, т. е. не языку Давида, но движущей его благодати ²⁾.

Какъ произведенія вдохновеннаго пророка ³⁾, Златоустъ называетъ псалмы Давида божественными внушеніями ⁴⁾, увѣщаніями божественнаго Духа (τοῦ ἁγίου Πνεύματος παραίνεσις) ⁵⁾, написанными по вдохновенію Духа Святаго, внушенными отъ Духа Святаго ⁶⁾ и пр. Самая продолжительность псалмовъ или ихъ краткость, размѣръ ихъ, сообщающій разнообразіе самой книгѣ, суть дѣло мудрости Духа ⁷⁾. Мысли и чувствованія, выраженные во псалмахъ, какъ-то: сильнѣйшая любовь, чрезвычайная радость, являются выраженіями вдохновенной души, исполнѣ объятаго Духомъ Божіимъ ⁸⁾.

Самая форма псалмовъ, по своему происхожденію, связывается св. отцомъ Церкви съ особыми намѣреніями божественнаго Провидѣнія. Многіе изъ людей нерадивы, тяготятся чтеніемъ божественныхъ писаній, неохотно принимаютъ на себя такой трудъ. Желая сдѣлать этотъ трудъ привлекательнымъ, уничтожить чувство утомленія, Богъ и соединилъ съ пророчествами мелодію, чтобы всѣ, услаждаясь стройностью напѣва, съ великимъ усердіемъ возносили Ему священныя пѣснопѣнія. Ничто, дѣйствительно, такъ не возвышаетъ, не окрыляетъ душу, не отрѣшаетъ ее отъ земли, не избавляетъ отъ узъ тѣла, не располагаетъ любомудрствовать и презирать все житейское, какъ согласное пѣніе и

¹⁾ Homil. in illud. psalm. CXLV, 1; п. 2 (LV, 520)

²⁾ In Isa.; cap. I, 1 (M. LVI, 13).

³⁾ In psalm. CXXXVIII, 4 (M. LV, 416).

⁴⁾ In dictum illud prophetae David: psal. XLVIII, 17 (M. LV, 499).

⁵⁾ In psalm. XLVI, 1 (M. LV, 208).

⁶⁾ Pvaef. in psalm. (M. LV, 532, 534)

⁷⁾ In psalm. IX, 1 (M. LV, 121).

⁸⁾ In psalm. CIX, 8 (M. LV, 277).

стройно составленная божественная пѣснь. Самая человѣческая природа услаждается пѣснями и стройными напѣвами, имѣеть къ нимъ склонность. Поэтому, грудныя дѣти, когда плачутъ и бываютъ неспокойны, усыпаются ими. Нося дѣтей на рукахъ, ходя взадъ и впередъ, кормилицы напѣваютъ имъ какия-либо дѣтскія пѣсни и чрезъ это погружаютъ глаза ихъ въ сонъ. Часто и путешественники съ пѣніемъ совершаютъ свой путь и этими пѣснями облегчаютъ тягость своего путешествія. Также и земледѣльцы, когда выжимаютъ виноградный сокъ, собираютъ или очищаютъ виноградъ, часто поютъ. Работая веслами, мореплаватели дѣлаютъ то же. Женщины, когда прядутъ и расправляютъ гребнемъ спутавшуюся пряжу, поютъ какую-либо пѣсню, иногда каждая порознь, а иногда всѣ вмѣстѣ. Всѣ же дѣлаютъ это для того, чтобы пѣніемъ облегчить трудность работы, такъ какъ душа легче можетъ переносить скуку и трудъ, при звукахъ стройной пѣсни. Вслѣдствіе того, что душа человѣческая имѣеть склонность къ этому роду наслажденія, то, дабы злые духи введеніемъ развратныхъ пѣсень не испортили всего, Богъ для огражденія отъ нихъ установилъ псалмы, отъ которыхъ бываетъ вмѣстѣ удовольствіе и польза. Отъ пѣсень мірскихъ можетъ произойти вредъ, погибель и много другихъ золъ. Все, что есть въ нихъ дурного и безнравственнаго, расслабляетъ и развращаетъ душу, когда проникаетъ въ нее. Напротивъ, духовныя пѣсни доставляютъ великую пользу, великое назиданіе, великое освященіе и служатъ руководствомъ ко всякому любомудрію. Слова ихъ очищаютъ душу, и Духъ Святой скоро нисходитъ въ душу, поющую эти пѣсни. Гдѣ пѣсни духовныя, туда нисходитъ благодать Духа, освящающая уста и душу ¹⁾.

Велико, поэтому, *значеніе Давида, какъ псалмопѣвца*. Давидъ, безъ сравненія, болѣе знаменитъ и извѣстенъ какъ пророкъ, чѣмъ какъ царь. Царство его простиралось на Палестину, а пророчество до предѣловъ вселенной. Царство Давида разрушилось въ короткое время, а пророчество приносить вѣчныя глаголы. Лучше пусть солнце померкнетъ, чѣмъ слова Давида предадутся забвенію ²⁾.

¹⁾ In psalm. XLI, 1. 2 (M. LV, 156, 157).

²⁾ De poenitentia; II, 2 (XLIX, 286).

Собственно пророкамъ Златоустъ усваиваетъ высшую степень боговдохновенности. Самое пророчество онъ понимаетъ какъ равнозначущее съ божественнымъ вдохновеніемъ. Пророчествомъ называется провозглашеніе сокровенныхъ истинъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Въ этомъ смыслѣ Златоустъ называетъ пророкомъ какъ Моисея, который достоверно описалъ, подъ руководствомъ вышней Десницы, порядокъ творенія и происхожденіе каждой вещи, такъ и ап. Петра, который чрезъ сверхъестественное просвѣщеніе раскрылъ корыстолюбіе и алчность Ананіи и Сапфиры ¹⁾.

Кромѣ широкаго понятія о пророческомъ вдохновеніи, Златоустъ опредѣляетъ и *частныя, отличительныя его черты*. Пророкъ (*προφήτης*) не есть прорицатель (*μάντις*). Слова, напр., Валаама зависѣли отъ Силы, дѣйствовавшей въ немъ ²⁾. Однако, онъ былъ только прорицателемъ (*μάντις*), волхвомъ (Ис. Нав. XIII, 22 по LXX-ти), хотя съ нимъ былъ Духъ Святой ³⁾. Также языческіе прорицатели и гадатели говорили много, но нисколько не понимали того, что говорили ⁴⁾. Вдохновеніе у языческихъ прорицателей является вліяніемъ непреодолимымъ, почти враждебнымъ. Оно помрачаетъ мыслительную способность человѣка, дѣлаетъ его страдательною жертвою ⁵⁾. Напротивъ, Духъ Святой вдохновляетъ пророка (*προφήτην*), такъ что разумѣніе и сознаніе у него сохраняются ⁶⁾.

Пророческое вдохновеніе—*отлично и отъ обыкновеннаго предугадыванія* (*σπουδαίως*). На основаніи прежде бывшаго и усиліями собственнаго благоразумія предугадыватель предвидитъ многое изъ будущаго, какъ свойственно предвидѣть благоразумному человѣку. Пророкъ же говоритъ Духомъ Божіимъ, не привнося ничего отъ себя самого. Соломонъ и Елисей оба возвѣщали неизвѣстное, открывали сокровенное, но оба—не одною и тою же Силою. О женахъ прелюбодѣй-

¹⁾ In Genes. II, 2 (LIII, 27); cap. I; hom. III, 34; cap. I (M. LIII, 33); hom. IV, 2; cap. I (M. LIII, 41); hom. III, 34; cap. I (M. LIII, 34); срав. in Act. apost. XII, 1 (M. LX, 99 и др.).

²⁾ Ad Stagir. III, 4 (M. XLVII, 478).

³⁾ Synops. Scripturae Sacrae (M. LVI, 333).

⁴⁾ Златоустъ цитуетъ, несомнѣнно, Apol. Socr. 22; Tim. 71. 72. Платона.

⁵⁾ In psalm. XLIV, 1 (M. LV, 184).

⁶⁾ Ibidem: (M. LV, 184).

ныхъ Соломонъ говорилъ по человѣческому благоразумію и на основаніи собственнаго опыта (ср. Притч. V). Но Елисей открылъ проступокъ Гезія не по какому-либо соображенію, а по благодати божественной (ср. 4 Цар. V) ¹⁾.

Пророческое вдохновеніе *отлично также и отъ вдохновенія евангелиста*. Конечно, нѣкоторые изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, особенно Исаія, описали будущую жизнь Господа на землѣ, страданія, смерть и воскресеніе Его съ необыкновенною ясностью и точностью. При всемъ томъ между писателями-пророками и писателями-евангелистами—разница большая. Евангелистамъ—свойственно говорить обо всемъ по порядку. Пророкамъ же свойственно брать только нѣкоторыя черты, упоминать о немногихъ обстоятельствахъ событія и притомъ прикровенно ²⁾.

Какъ органъ божественнаго вдохновенія, пророкъ есть истолкователь Божіей воли ³⁾. Самое тѣсное единеніе существуетъ между Духомъ Божіимъ и духомъ пророка. Уста, чрезъ которыя вѣщаетъ Богъ, суть уста Божіи. Какъ наши уста служатъ какъ бы устами нашей души, такъ и уста пророковъ служатъ устами Бога ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ Златоустъ пользуется еще болѣе удачнымъ образомъ. Чистая вода, принявъ въ себя солнечные лучи, просвѣщается солнечнымъ свѣтомъ. Такъ точно и души пророковъ, напередъ очистившись собственной добродѣтелью, принимаютъ даръ Духа. Проникнувшись этимъ свѣтомъ, онѣ и получаютъ вѣдѣніе будущаго ⁵⁾.

Пророки созерцаютъ все *времена: прошедшія, настоящія и будущія* ⁶⁾. Въ отношеніи къ *настоящему* пророки изрекали пророчества, говорили угрозы, давали обѣщанія благъ и пр. Чрезъ это они хотѣли сдѣлать людей лучшими, болѣе благоразумными, болѣе усердными къ исполненію добродѣтели. Пророки утверждали въ людяхъ вѣру въ то, что все происходитъ по мановенію свыше, по опредѣленію Божію ⁷⁾.

¹⁾ In Isa. III, 2 (M. LVI, 42).

²⁾ In psalm. XLIV, 3 (M. LV, 187).

³⁾ In 1 Cor. XIV, 20; hom. XXXVI, 4 (LXI, 311).

⁴⁾ In Act. apostol. XIX, 5 (M. LX, 156).

⁵⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14, 15).

⁶⁾ In psalm. XLIII, 1 (M. LV, 167).

⁷⁾ In Isa. VII, 1 (M. LVI, 77).

Въ пророческихъ рѣчахъ и книгахъ, впрочемъ, обычно указывались *будущія событія*. Описанныя у пророковъ событія обычно исполнялись не тотчасъ по ихъ предсказаніи, а спустя долгое время. Поэтому, боговдохновенные созерцатели соединяли въ своихъ книгахъ одно предсказаніе съ другими, ближайшее событіе съ отдаленнѣйшими. То, что происходило во время поколѣній, современныхъ пророкамъ, они представляли какъ доказательство того, что должно было совершиться, спустя долгое время ¹⁾. Здѣсь точки соприкосновенія пророковъ съ евангелистами. Евангелисты соединяли съ пророчествами Христа рассказы о Его чудесахъ, въ подтвержденіе первыхъ (ср. Матѣ. VIII, 11, 12, 13). Такъ точно и пророки соединяютъ знаменія съ пророчествами, какъ величайшій залогъ истинности ихъ (Иса. VII, 5—9; 10—14) ²⁾. Главный предметъ боговдохновенныхъ созерцаній пророковъ, конечно, было *будущее царство Мессіи*. Здѣсь пророки поражаютъ читателей необычайною точностью и опредѣленностью своихъ описаній ³⁾. Самъ Господь призывалъ іудеевъ къ точному и обдуманному испытанію писаній (ср. Іоан. V, 39, 40) ⁴⁾. Дѣйствительно, въ пророческихъ писаніяхъ начертанъ подлинный, дивный образъ Сына Божія, воплотившагося, страдающаго, испускающаго духъ, воскресающаго и царствующаго ⁵⁾. По этой причинѣ, отверженіе пророчествъ о Христѣ іудеями ведетъ къ извращенію большей части ветхозавѣтныхъ писаній ⁶⁾.

Третьимъ предметомъ боговдохновенныхъ созерцаній пророковъ служитъ также событіе отдаленнаго будущаго. Это событіе представляется ими въ неясныхъ, неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Это бремя, бѣдствіе, причиняющее имъ невыразимыя скорби, есть *великое отверженіе* іудейскаго народа. Присутствіе такого элемента въ пророчествахъ налагаетъ на нихъ особый отпечатокъ. Пророческія книги—гораздо темнѣе писаній Новаго Завѣта. Причина именно—въ

¹⁾ In Isa. VII, 1 (M. LVI, 77).

²⁾ Ibidem: VII, 2, 3, 4 (M. LVI, 78, 81).

³⁾ In epist. ad Rom. I, 2 (M. LX, 396, 397 и др.).

⁴⁾ In Ioann. XLI, 1 (M. LIX, 234, 235).

⁵⁾ Advers. iud. V (M. XLVIII, 883—903).

⁶⁾ In psalm. CIX, 2 (M. LV, 267).

томъ, что на пророковъ было возложено великое бремя предсказанія бѣдствій, угрожающихъ іудейскому народу. Исторія пророка Іереміи показываетъ, что іудеи умертвили бы пророковъ, истребили бы и самыя писанія ихъ, если бы поняли ясно, о какихъ именно бѣдствіяхъ они предсказываютъ. Даже самый законъ іудейскій, можетъ быть, перестали бы исполнять, если бы точно и опредѣленно, безъ покрывала неясности, узнали, что онъ будетъ отмѣненъ. Поэтому, Господь и сдѣлалъ неясными тѣ части писаній св. пророковъ, гдѣ предсказываются событія, которыя до времени не должны были быть поняты іудеями. По этой же причинѣ наложено было покрывало и на самый законъ ¹⁾.

Соотвѣтственно вышеизложеннымъ возвышеннымъ представленіямъ о пророчествѣ по его существу и задачамъ, Златоустъ излагаетъ и *ученіе о боговдохновенности пророческихъ писаній*. Пророчество есть дѣло Воже по преимуществу. Съ точностью предсказывать будущее свойственно только одному вѣчному Существо ²⁾. Что ни говорили пророки, они говорили, по внушенію Духа ³⁾, говорили, будучи объемлемы Духомъ ⁴⁾. Они сами прежде всего снѣшили объявить всѣмъ, что сердца ихъ вдохновлены благодатію Св. Духа ⁵⁾. Относительно пророковъ всѣми было признано, что они имѣли дарованіе Святаго Духа ⁶⁾. Противъ невѣрія въ боговдохновенность пророческихъ писаній Златоустъ справедливо указываетъ на очевидные ея признаки: „Если ты не вѣришь пророкамъ, то мы можемъ представить ясныя и очевидныя признаки, которые совершенно доказываютъ, что пророки были боговдохновенны, что ничего они не говорили отъ самихъ себя, но по вдохновенію отъ божественной и пренебесной благодати. Въ самомъ дѣлѣ все, сказанное ими, исполняется и оправдывается событіями, посмотришь ли на ветхозавѣтныя или новозавѣтныя предсказанія. Такъ исполнилось все, сказанное пророками объ іудеяхъ. Это исполненіе—очевидно для всѣхъ. Равнымъ обра-

¹⁾ De proph. obscurif. I, 4, 5, 6 (M. LVI, 169—175).

²⁾ In Ioann. XIX, 2 (M. LIX, 122).

³⁾ In Matth. XLI, 3 (M. LVIII, 449).

⁴⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14).

⁵⁾ Ibid XVI, 11 (LVI, 181).

⁶⁾ In Ioann. LI, 2 (LIX, 284).

зомъ исполнилось и сказанное о Христѣ въ Новомъ За-
вѣтѣ. Это и доказываетъ, что Писаніе того и другого За-
вѣта—божественно ¹⁾.

Касательно *образа боговдохновенности* пророковъ Зла-
тоустъ учитъ, что не всѣ пророчества они изрекали вдругъ.
Получая вдохновеніе въ различныя времена, они возвѣщали
пророчества свои по частямъ. Впослѣдствіи же, будучи со-
браны вмѣстѣ, пророчества ихъ составили цѣлую книгу ²⁾.
Обычно свои предсказанія пророки называли видѣніями.
Этимъ пророки какъ бы хотѣли показать, что воспринимае-
мое отъ Бога было для нихъ не менѣе достоверно, чѣмъ
то, что они видѣли зрѣніемъ въ дѣлахъ житейскихъ ³⁾. Если
Богъ есть свѣтъ, то и пророки видѣли будущее, какъ оза-
ряемые ⁴⁾. Поэтому у пророковъ было въ обычаѣ говорить о
событіяхъ будущихъ, какъ бы уже о совершившихся. Въ
качествѣ примѣровъ Златоустъ указываетъ на Исаію и Да-
вида. Говоря объ умерщвленіи Христа, Исаія не сказалъ,
что Онъ какъ овча на заколеніе веденъ будетъ, въ будущемъ
времени—, „но какъ овча веденъ былъ Онъ на закланіе“ (Иса.
LIII, 7). Въ то время Сынь Божій еще не воплотился, а про-
рокъ говоритъ о будущемъ событіи, какъ уже сбывшемся.
Также и Давидъ, предзнаменуя крестъ, не сказалъ: про-
заяють руки Мои и ноги Мои, но: „пропзили руки Мои и
ноги Мои“ (пс. XXI, 17). Говоря о предателѣ, который еще
не родился, Давидъ выражается такъ: „человѣкъ, который
ѣлъ хлѣбъ мой, подыалъ на меня пята“ (пс. LX, 10). Подоби-
нымъ образомъ пророкъ говоритъ и о томъ, что произошло
на крестѣ: „дали мнѣ въ пищу жезлъ и въ жаждѣ моей
напоили меня уксусомъ“ (пс. LXXIII, 22 ⁵⁾). Иногда же свои
пророчества пророки называютъ „бременемъ“ (*λῆμμα*) (ср.
Наум. I, 1). Такъ какъ пророки говорили, будучи объемлемы
Духомъ (*λαμπρόμενοι*), то, поэтому, они и обозначали полученіе
Духа „бременемъ“ ⁶⁾.

¹⁾ In psalm. 4; n. 11 (M. LV, 57).

²⁾ In Isa II, 1. M. LVI, 27).

³⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

⁴⁾ In Proverb. c. XVI, 23 (M. LXIII, 703).

⁵⁾ In Ioann. XIII, 3 (LIX, 89. 90).

⁶⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14).

Опредѣляя *божественный моментъ* въ понятіи о пророческомъ вдохновеніи, Златоустъ сравниваетъ пророческій даръ съ даромъ учительскимъ. Пророчествующій говорить все отъ Духа; учащій—иногда отъ собственнаго разума (*ὅπου καὶ ἐξ οἰκείας διανοίας*). Кто говоритъ все отъ Духа, дѣло того всецѣло есть даръ. Учащій же говоритъ многое и отъ себя, хотя, конечно, согласно съ божественными писаніями. Слѣдовательно, дѣло учащаго требуетъ труда человѣческаго ¹⁾.

На боговдохновенности основываются и *высшія свойства пророческихъ писаній*. Слово пророговъ не можетъ погрѣшить ²⁾. Какъ призывающему имя Божіе, пророку не возможно лгать ³⁾. Такъ какъ блаженные пророки говорили по внушенію божественнаго Духа (*Πνεύματι θεῷ ἐνηχοῦμενοι*), то и книги ихъ, какъ написанныя Духомъ, содержать въ себѣ неисчерпаемое богатство мыслей ⁴⁾. Благодаря пророческимъ писаніямъ, до предѣловъ вселенной пронесены были вѣчные глаголы. Лучше пусть померкнетъ солнце, чѣмъ предадутся забвенію слова боговдохновенныхъ пророковъ ⁵⁾.

Не всѣ книги Ветхаго Завѣта изъ класса пророческихъ, по мнѣнію Златоуста, *дошли до насъ*. Ссылаясь на исторію Паралипоменонъ, онъ утверждаетъ, что много пророческихъ книгъ пропало. Будучи нерадцы, часто впадая въ нечестіе, іудеи допустили однѣмъ книгамъ затеряться, другія сожгли и изорвали сами. Объ одномъ говоритъ Іеремія. О другомъ сообщаетъ писатель четвертой книги Царствъ, рассказывая, какъ послѣ долгаго времени едва нашли закопанное гдѣ-то и затерянное Второзаконіе. Если іудеи такъ нерадѣли о священныхъ книгахъ, когда не было еще враговъ, то тѣмъ болѣе—при нашествіи непріятелей (XXIII, 24) ⁶⁾. Ап. Петръ, далѣе, свидѣтельствуетъ, что всѣ пророки отъ Самуила и послѣ него предвозвѣщали о дняхъ искупленія (Дѣян. III, 24). Можно думать, что книги, гдѣ эти предсказанія были записаны, въ послѣдствіи были утеряны ⁷⁾. Во время же про-

¹⁾ In I. epist. ad Corinth. XXXII, 2 (M. LXI, 265).

²⁾ In Jer. XLIII, 18 (LXIII, 923).

³⁾ Ibid. XV, 15, ILXIII, 909.

⁴⁾ In Gen. XXI, 1 (M. LIII, 175); cap. V^o и V¹.

⁵⁾ De poenit. II, 2; M. XLIX, 286.

⁶⁾ In Matth. IX, 4 (LVII, 180. 181).

⁷⁾ In I epist. ad Corinth. VII, 3 (LXI, 58).

должительнаго плѣна, по нерадѣнію народа, также были потеряны св. книги ¹⁾. Число каноническихъ книгъ пророковъ Златоустъ опредѣляетъ въ шестнадцать ²⁾.

Пророкъ Исаія характеризуется св. отцомъ Церкви, какъ громогласнѣйшій проповѣдникъ Откровенія, созерцатель чудныхъ видѣній ³⁾, краснорѣчивый пророкъ ⁴⁾, великій и возвышенный писатель ⁵⁾. Превосходство пророка Исаи ясно можно видѣть изъ самой его книги. Но совершеннѣе показываетъ это апостоль Павелъ. Онъ лучше всѣхъ могъ знать всѣ добродѣтели пророка, какъ говорившій Св. Духомъ. Апостоль отмѣчаетъ смѣлую рѣчь пророка, нераболѣпный образъ мыслей, высокій умъ и большую ясность его пророчества о Христѣ (ср. Рим. X, 20). Велика была и сострадательность Исаи. Пророкъ не только возсталъ противъ народнаго безумія и съ большою смѣлостью, свободою рѣчью и высокими мыслями возвѣщалъ *евреямъ объ угрожавшихъ имъ скорбныхъ обстоятельствахъ, но и самъ скорбѣлъ и сокрушался среди этихъ обстоятельствъ не менѣе подвергшихся имъ, самъ горче плакалъ, чѣмъ угнетенные ими ⁶⁾.

Самъ Богъ говорилъ чрезъ Исаію ⁷⁾, такъ что слова его пророчествъ принадлежали Богу всяческихъ ⁸⁾. Поэтому, называя Исаію, мы приводимъ изреченія Духа, такъ какъ пророкъ все вѣщаетъ по внушенію Духа ⁹⁾. Уста были Исаи, но пророчества его были даны свыше ¹⁰⁾. Не отъ себя говорилъ пророкъ ¹¹⁾, но Духъ Святой его устами ¹²⁾ сообщалъ свои непреложныя рѣшенія ¹³⁾.

1) Synops. Script. Sacrae (M. LVI, 358).

2) Ibidem: (M. LVI, 316).

3) In Illud dictum: Actapost. XI. I, 1 (M. LI, 114).

4) In I ep. ad Corinth. XL, 3 (LXI, 351).

5) In Isa. I, 1 (M. LVI, 23).

6) In Isa. praef. (M. LVI, 11).

7) In psalm. CXLII. 5 (M. LV, 454).

8) In Matth. V, 2 (M. LVII, 56).

9) Contr. anom. III, 3 (M. XLVIII, 722).

10) In Matth. V, 2 (M. LVII, 56).

11) In Isa. L, 2—5 (M. LVI, 355).

12) Ibidem: LIII, 6—8 (M. LVI, 396).

13) In Isa. VII, 5 (LVI, 84).

Пророкъ Іеремія называется Златоустомъ великимъ и славнымъ мужемъ ¹⁾. Пророчества его были видѣніями, такъ какъ самымъ яснымъ образомъ описывали будущее, какъ будто оно представлялось глазамъ ²⁾. Вдохновенный Богомъ, пророкъ очами пророческими какъ бы въ дѣйствительности видитъ войны, ряды войскъ, сраженія, звукъ трубъ, топотъ коней, насажденіе враговъ, всѣ бѣдствія іудеевъ (ср. IV, 19 и др.) ³⁾. Какъ огонь было слово Господне въ устахъ его, пылая въ костяхъ его (V, 14) ⁴⁾. Пророкъ предсказывалъ именно устами Божиими ⁵⁾. А потому и изреченія его не были человѣческими, а Божиими ⁶⁾. Книга Плача Іереміи приводится Златоустомъ, какъ извѣщеніе Самого Бога ⁷⁾.

Пророкъ Іезекіиль, подобно Исаи, былъ созерцателемъ дивныхъ видѣній ⁸⁾. Устами его Самъ Богъ говорилъ къ евреямъ, укорялъ ихъ за непослушаніе ⁹⁾.

Пр. Даниїла Златоустъ называетъ человѣколюбивымъ и кроткимъ пророкомъ ¹⁰⁾. Это былъ мудрецъ, но его мудрость не была искусствомъ халдеевъ. Не отъ науки или отъ природы Даниїль получилъ мудрость ¹¹⁾. Не собственною силою онъ изрекалъ пророчества и откровенія, но какъ боговдохновенный и движимый силою божественною ¹²⁾.

Весьма нерѣдки—въ твореніяхъ Златоуста—свидѣтельства, удостовѣряющія боговдохновенность книгъ малыхъ пророковъ. Такъ книга пророка *Осѣи* приводится, какъ свидѣтельство Самого Бога—Отца чрезъ одного пророка ¹³⁾. Богъ говорилъ и устами пророка *Іоїля* ¹⁴⁾. Дивный пророкъ *Амосъ* ¹⁵⁾

¹⁾ Epist. ad Olimpiad. IV, 2 (LI, 591).

²⁾ In Ierem. I, 1 (M. LXIII, 745).

³⁾ Ibid.: IV, 19 (M. LXIII, 804).

⁴⁾ In Isa. XVI, 1 (M. LVI, 182).

⁵⁾ In Ier. XLIII, 6 (M. LXIII, 1012).

⁶⁾ Ibidem: II, 19 (M. LVIII, 767).

⁷⁾ In dictum apost.: Rom. V, 3; n. 2 (LI, 159).

⁸⁾ Advers. oppugnatores eorum, qui ad monasticam vitam inductum; I, 1 (M. XLVII, 320).

⁹⁾ In psal. XLIII, 4 (M. LV, 172).

¹⁰⁾ In Dan. cap. II (LVI, 203).

¹¹⁾ Ibidem: II (M. LVI, 202).

¹²⁾ Ibidem: IV (M. LVI, 214. 215).

¹³⁾ In Ioann. XV, 1 (LIX, 98).

¹⁴⁾ M. LI, 785.

¹⁵⁾ Epist. ad Olimpiad. III, 2 (M. LI, 574).

намѣренно называетъ себя пастухомъ и собирателемъ сикоморъ (VII, 14), чтобы кто-нибудь не приписалъ сказаннаго имъ чловѣческой мудрости ¹⁾. Пророкъ *Михей* получилъ не только Духа премудрости, но и силы (ср. III, 8) ²⁾. Извлеченія изъ книги этого пророка приводятся у Златоуста съ предвареніями: „Отець говорить ³⁾, Богъ сказалъ“ ⁴⁾ и пр. Пророкъ *Наумъ* въ самомъ началѣ книги своей говоритъ о полученіи Духа и дѣйствіи Его благодати ⁵⁾. *Аггей* свое пророчество изрекалъ отъ лица Божія ⁶⁾. Устами пророка *Захаріи* говорилъ Богъ ⁷⁾. Одно изреченіе изъ книги пророка *Малахіи* предваряется у Златоуста такъ: „предсказываетъ Малахія или лучше Богъ чрезъ него“ ⁸⁾.

Съ глубокимъ уваженіемъ относится Златоустъ и къ нѣкоторымъ изъ *неканоническихъ книгъ* Ветхаго Заветъа. *Премудрость Сирахову* онъ даже причисляетъ къ классу нравоучительныхъ книгъ на одной линіи съ тремя каноническими книгами Соломона ⁹⁾. Съ этимъ вполне согласуется то обстоятельство, что книга Сираха очень часто называется божественнымъ Писаніемъ ¹⁰⁾, святымъ Писаніемъ ¹¹⁾, а составитель ея—пророкомъ ¹²⁾. Изъ этого справедливо можно заключить, что во время Златоуста въ антиохійской школѣ авторитетъ Премудрости Сираховой былъ очень близокъ къ каноническому. Въ то же время среди антиохійскихъ экзегетовъ были колебанія на счетъ автора этой книги. Отголоскомъ такихъ колебаній является то, что Златоустъ иногда усвояетъ книгу Соломону ¹³⁾, но чаще называетъ составителя

¹⁾ In Isa. I, 1 (LVI, 13).

²⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14); ср. in 2 ep. ad Corinth. CXXIV, 4 (M. LVI, 562).

³⁾ M. LI, 351.

⁴⁾ In psalm. CIII, 3 (M. LV, 283).

⁵⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14).

⁶⁾ In illud dictum: Ier. X, 23 (M. LVI, 158).

⁷⁾ In 2 epist. ad Corinth. XXIII, 5 (M. LXI, 562).

⁸⁾ De obscurit. prophet. 5. (LVI, 183).

⁹⁾ Synops. Scriptur. Sacr. (LVI, 316).

¹⁰⁾ In psal. III, 1 (M. LV, 37).

¹¹⁾ LXIII, 537.

¹²⁾ In Act. apostol. XXVI, 4. (M. LX, 203) и др.

¹³⁾ In illud: 2 Paral. XXVI, 16; h. III, 1 (M. LVI, 113); ср. de statuis: XV, 2 (XLIX, 156).

неопредѣленнымъ именемъ: „нѣкто“ ¹⁾, „нѣкотораго мудраго мужа“ ²⁾, одного премудраго ³⁾ и пр.

Мнѣніе о *другой Премудрости*, какъ подлинномъ произведеніи Соломона, представляется у Златоуста только какъ гипотеза ⁴⁾. Тѣмъ же мѣѣ Златоустъ пользуется книгою съ авторитетными предвареніями: „говорить божественное Писаніе“ ⁵⁾, „божественное слово“ ⁶⁾.

Книга Товитъ въ отдѣльныхъ нравоучительныхъ извлеченіяхъ представляется откровеніемъ Бога (IV, 15) ⁷⁾ и приводится въ параллель евангелію (ср. Матѣ. VII, 12) ⁸⁾. Все это доказываетъ, какъ высоко ставила антиохійская школа авторитетъ неканоническихъ книгъ, вошедшихъ въ составъ ветхозавѣтной Библии.

Въ виду потери и порчи по вышеуказаннымъ причинамъ библейскаго подлинника *возстановителемъ его Златоустъ представляетъ Ездру*. Это былъ любовпательный и свѣдущій чтець. Онъ сохранилъ все книги, потомъ принесъ ихъ съ собою и снова издалъ ⁹⁾. Подобно бл. Теодориту, который называетъ Ездру не простымъ переписчикомъ (*ἀντίγραφος*), но *вдохновеннымъ тѣмъ божественнаго Духа* ¹⁰⁾ и Златоустъ говоритъ: „Духъ Святъ и *вдохновилъ* чуднаго мужа Ездру, чтобы онъ изложилъ книги, составивъ изъ отрывковъ“ ¹¹⁾.

Исторія происхожденія *перевода LXX* излагается у Златоуста въ нѣсколько *смягченной редакціи*, съ умолчаніемъ о чудесномъ элементѣ сказанія. Его редакція въ этомъ отношеніи нѣсколько отличается отъ той, какую приняла болѣе древніе отцы и учителя Церкви, какъ Иустинъ Философъ, Иринеи мѣонскій и др., и позднѣйшіе, какъ Елифаній изъ восточныхъ и бл. Августинъ изъ западныхъ. Переводъ боговдохновенныхъ книгъ на греческій языкъ былъ проявле-

1) In 2 ep. ad. Corinth XXIII, 5 (LXI, 560).

2) In epist. ad Ephes. XX, 1 (M. LXII, 135).

3) In psalm. CXL, 7 (M. LV, 438).

4) Срав. Synops. Script. Sacrae. (M. LVI, 368. 370).

5) M. LVI, 288.

6) In illud.: Matth. XXI, 23 (M. LVI, 428).

7) In psalm. V, 1 (M. LV, 62).

8) De statuis: III, 3 (XLIX, 140).

9) Synops. Script. Sacr. (M. LVI, 358).

10) Ср. praefac. in Cant.

11) In ep. ad. Hebr. VIII, 4 (LXIII, 74).

ніемъ провиденціального попеченія, бодствовавшаго надъ Библіей. Этотъ переводъ предуготовила благодать Божія ¹⁾. Птолемей—Филадельфъ, любитель книгъ, когда узналъ, что Писанія іудеевъ преподають ученіе о Богѣ и наилучшемъ устройствѣ жизни, счелъ нужнымъ приобрѣсти эти книги и перевести на греческій языкъ. Это дѣло было исполнено чрезъ іудеевъ, приглашенныхъ для сей цѣли изъ Іерусалима. Домостроительство Божіе обнаруживается въ томъ, что книгами этими послѣ сего получили возможность пользоваться всѣ обитатели вселенной. Кромѣ сего, примѣчательно, что не кто-либо изъ послѣдователей іудейской религій, но чело-вѣкъ, враждебный истинному богопочтенію, показалъ такое усердіе ²⁾.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ De obscurit. proph. II, 3 (M. LVI, 179).

²⁾ In Gen. IV, 4, (LIII, 42. 43); adv. iud. I, 5 (XLVIII, 851).

УЧЕНИЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ БИБЛІИ.

(Продолженіе) *).

VI.

Новый Завѣтъ разсматривается Златоустомъ какъ *высшее выраженіе божественнаго Откровенія на землѣ*.

Во Христѣ и чрезъ Христа человѣчество достигло высшей доступной для себя *полноты богопознанія*. Други Божіи и всѣ дивные мужи познавали Христа еще прежде явленія Его во плоти. Они знали Сына Божія, знали что Онъ придетъ. Они пламенно хотѣли видѣть и слышать Его (Лук. X, 24). Очами вѣры они Его созерцали, слышали Его гласъ. Однако—не во плоти, не въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ обращался съ людьми и открыто съ ними бесѣдовалъ ¹⁾. Отсюда неизмѣримо разстояніе между дарами Христа и дарами ветхозавѣтными. Высшій изъ пророковъ, Моисей, какъ рабъ, былъ служителемъ дѣлъ низшихъ. Христосъ, какъ Владыка, Царь и Сынъ Царя, принесъ намъ дары несравненно высшіе, сосуществуя всегда со Отцомъ, видя Его непрестанно ²⁾.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ только человѣчество *приготовлялось* къ созерцанію величественнаго явленія Бога во плоти. Но ветхозавѣтнымъ пророкамъ внимали въ этомъ отношеніи даже не всѣ іудеи. Въ послѣдніе дни Богъ возглаголалъ намъ чрезъ Единороднаго Сына Своего. Человѣчество было удостоено высшаго и совершеннѣйшаго ученія. Тогда поко-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 7 за 1912 годъ.

¹⁾ In Ioann. VIII, 1 (M. LIX, 66, 67).

²⁾ In Ioann. XV, 1 (M. LIX, 97).

рилась и увѣровала вся вселенная ¹⁾. Христось, слѣдовательно, составляетъ центръ въ исторіи божественнаго Откровенія. Съ великимъ блескомъ сіяетъ слава Единороднаго во всей Библии. Не только въ евангельскихъ и апостольскихъ, но и въ пророческихъ изреченіяхъ ²⁾.

Велики были *блага, дарованныя человечеству чрезъ домостроительство воплощенія*. Принявъ зракъ раба, проливъ драгоценную Свою кровь, Христось разрушилъ смерть, попралъ грѣхъ, даровалъ обильнѣйшую благодать Духа, возвелъ людей къ высшему любомудрію (*πρός υψίστου φιλοσοφίαν*) ³⁾. Великій даръ пришествія Христова и состоялъ въ томъ, что Божіей благодатію люди изъ младенцевъ сдѣлались мужчинами совершенными ⁴⁾. Христось возвысилъ человѣчество до высочайшихъ догматовъ, удостоивъ его великихъ тайнъ богопознанія ⁵⁾. Онъ Самъ содѣлался главою, основаніемъ, первенцемъ, путемъ, жизнью, свѣтомъ для возрожденнаго человечества ⁶⁾.

Въ связи съ только что изложеннымъ пониманіемъ Лица Христа и совершеннаго Имъ высокаго искупительнаго подвига стоитъ и *ученіе Златоуста о боговдохновенности въ Новомъ Заветѣ*. Новый Заветъ—это эпоха *высшаго любомудрія, великой благодати Духа* ⁷⁾. Взявъ начатокъ нашего естества и вознеся его, Христось, взамѣнъ сего, воздалъ намъ благодать Духа ⁸⁾. Это дарованіе Духа было величайшимъ изъ чудесъ ⁹⁾. Отъ пренабытка, отъ переполненія благодати, почившей на Христѣ (Іоан. I, 16) люди получили только малую часть, какъ бы нѣкую каплю. Но эта капля, эта частица Духа наполнила вѣдѣніемъ всю вселенную. Благодать Духа—вседовольна, если ея достаетъ на такую

¹⁾ In Ioann. XV, 2, 3 (M. LIX, 97, 100).

²⁾ Contra anom. XI, 1 (M. XLVШ, 797).

³⁾ In illud: 1 Cor. VII, 39—44 (M. LI, 219).

⁴⁾ De virgin. 84 (M. XLVШ, 595).

⁵⁾ Adver. iud. II, 2 (XLVШ, 860); cont. anom. X, 5 (XLVШ, 710); in Ioann. XXVI, 1 (M. LIX, 153).

⁶⁾ In I epist. ad Corinth. VIII, 4 (M. LXI, 72).

⁷⁾ De virginit. n. 50. 84 (XLVШ, 573, 574).

⁸⁾ De sancta Pentecoste: I, 5 (XLIX, 461).

⁹⁾ In Maffh. XI, 6 (M. LVII, 199).

вселенную, на столько вѣковъ. Наполняя всѣхъ своимъ богатствомъ, сама она нисколько не оскудѣваетъ ¹⁾).

Дарованіе Духа Божія содѣлало изъ апостоловъ *чрезвычайные органы* Божественнаго Откровенія. Уже самые символы сошествія на апостоловъ Св. Духа были необычайны. Въ Ветхомъ Завѣтѣ божественная благодать подавалась подъ другими образами: пророку Іезекилю подъ образомъ книжнаго свитка, Елисею—чрезъ посредство милоти, Давиду—посредствомъ едея. Моисей былъ призванъ посредствомъ горящей купины. На апостоловъ Духъ Божій сошелъ подъ видомъ бурнаго дыханія и огня (Дѣян. II, 2, 3), что служило знакомъ обилія и силы. Дѣйствительно, никто, даже большій изъ пророковъ Моисей не получилъ такъ, какъ апостолы ²⁾). Ветхозавѣтные пророки имѣли дарованіе Св. Духа. Но потомъ благодать пророчества отступила, оскудѣла, изсякла (ср. Матѣ. XXIII, 38). Напротивъ, въ Новомъ Завѣтѣ Духъ излился съ обиліемъ чрезвычайныхъ дарованій и притомъ на безчисленное множество людей ³⁾).

Съ дарованіемъ Духа, св. апостолы, бывшіе прежде людьми простыми, неучеными, некнижными, неизвѣстными, совершенно *перемѣнились* ⁴⁾). Прежніе рыбаки и скитотворцы воспарили въ высоту небесъ, удостоившись быть собесѣдниками Владыки вселенной ⁵⁾). Благодать Св. Духа содѣлала апостоловъ тверже адаманта ⁶⁾). Прежде некнижные и немудрые, они по принятіи Духа, своими смѣлыми вдохновенными рѣчами поражали слушателей. Духъ ихъ окрылилъ не допустивъ впасть ни въ какую человѣческую слабость ⁷⁾). Такимъ образомъ, благодать Духа содѣлала апостольство служеніемъ чрезвычайнымъ, заключающимъ въ себѣ безчисленныя блага. Оно совмѣщало въ себѣ и превосходило всѣ дарованія. Св. апостоламъ Христосъ поручилъ все, что совершалъ на землѣ Самъ ⁸⁾).

¹⁾ In psalm. XLIV, 2, 3 (M. LV, 186, 187).

²⁾ In Act apost. IV, 1 (M. LX, 44, 45).

³⁾ In Ioann. LI, 2 (M. LIX, 284).

⁴⁾ In ep. I ad Cor. III, 4 (LXI, 28); in Act. apost. IV, 3 (M. LX, 46).

⁵⁾ In Ioann. XXXI, 3 (M. LIX, 179, 180).

⁶⁾ In Ioann. LXIX, 1 (M. LIX, 377).

⁷⁾ In Ioann. LXXV, 5 (M. LIX, 409).

⁸⁾ In epist. ad Rom. I, 1 (M. LX, 396).

На чрезвычайномъ значеніи благодатныхъ дарованій, почившихъ на апостолахъ, основывается *высокій авторитетъ и писаній*, которыя произошли или отъ нихъ непосредственно, или отъ учениковъ апостольскихъ. Самъ Христосъ не передалъ ничего писаннаго ¹⁾. Евангеліе царства Христова и составило первый предметъ апостольскихъ писаній. Во главѣ ихъ стоятъ именно четыре евангелія.

Въ широкомъ смыслѣ евангеліе о царствѣ Христовомъ началось не съ воплощенія только, но насаждено было въ книгахъ пророческихъ: въ Новомъ же Заветѣ оно прозябло и заблестало ²⁾. Справедливо названы евангеліями такія писанія, въ которыхъ изложено благорѣчіе Христа. Они говорятъ намъ о разрѣшеніи грѣховъ, оправданіи, освященіи, искупленіи, всыновленіи, наслѣдіи небесъ, сродствѣ съ Сыномъ Божиимъ. Богъ—на землѣ, человекъ на небѣ,—таково идейное содержаніе евангелій ³⁾.

Какъ благорѣчіе Христово не есть человеческое, но божественное, превышающее всякое естество ⁴⁾, такъ и писанія, излагающія его, т. е. *евангелія, суть писанія божественныя* (τὰ θεῖα εὐαγγέλια) ⁵⁾. Евангелій—четыре, но, вслѣдствіе полного согласія написаннаго въ нихъ, они представляютъ какъ бы одно евангеліе. Хотя бы евангелія писались весьма многими, множество пишущихъ не препятствовало этимъ писаніямъ составлять одно, когда въ нихъ излагалось одно и то же. Напротивъ: если писалъ бы одинъ кто-либо, но противоположное, то написанное имъ, конечно, не было бы однимъ ⁶⁾.

Доказательствомъ высшаго божественнаго происхожденія евангелій служитъ даже свидѣтельство враговъ истины. Много ересей учило противно евангельскимъ писаніямъ. Однѣ изъ нихъ приняли все, сказанное въ евангеліяхъ, другія—только часть. Если бы въ евангеліяхъ не было согласія, то перваго рода ереси не приняли бы ихъ въ цѣломъ составѣ, а только часть, болѣе приспособленную къ лжеуче-

¹⁾ In Ier. XXXI, 33 (LXIII, 981).

²⁾ Rom. de Legislatore (M. LVI, 397).

³⁾ In Matth. I, 2 (M. LVII, 15, 16).

⁴⁾ In epist. ad Roman. I, 2 (M. LX, 396).

⁵⁾ Adver. iud. I, 3 (M. XLVIII, 847).

⁶⁾ Ad Gal I, 6 (M. LXI, 621. 622).

нію. Равнымъ образомъ и второго рода ереси не были бы опровергаемы тою же самою частью евангелій, которую онѣ приняли. Въ четырехъ евангеліяхъ даже самыя малыя части имѣють сродство съ цѣлымъ. Какъ въ каждой части тѣла находятся всѣ части тѣлеснаго состава: нервы, жилы, кости, артеріи, кровь, такъ и каждая часть написаннаго въ евангеліяхъ ясно показываетъ сродство съ цѣлымъ. Здѣсь-то и обнаруживается сила Духа Святаго ¹⁾. Конечно, и одинъ евангелистъ могъ написать все. Но вѣдь писали четверо, не въ одно и то же время, не въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не сносясь и не сговариваясь другъ съ другомъ. Если же написали такъ, какъ будто все произнесено одними устами, то въ этомъ—величайшее доказательство истины ²⁾.

Въ самыхъ *различіяхъ* между евангеліями Златоустъ видитъ несомнѣнные *признаки* ихъ боговдохновенности. Разногласія въ мелочахъ освобождаютъ составителей евангелій отъ всякаго подозрѣнія въ недостоверности. Евангелія говорятъ кое-что различное касательно времени и мѣста событій. Не всѣ евангелисты сказали все о чудесахъ, но одинъ описалъ одни, другой—другія. Однако, въ томъ случаѣ, если бы евангелисты были согласны до точности, до самыхъ словъ, никто не повѣрилъ бы, что они писали такъ не по обычному уговору, а именно влѣдствіе искренности ихъ. Кромѣ того, если бы одинъ евангелистъ сказалъ все, то остальные оказались бы лишними. Напротивъ, если бы каждый евангелистъ написалъ различное и новое, въ сравненіи съ другими, то ихъ согласіе не было бы очевидно ³⁾. Всѣ разногласія между евангеліями—ничтожны, а противорѣчій—нѣтъ. Иное дѣло—разногласить, другое—противорѣчить ⁴⁾. Источникъ такой гармоніи опредѣленно указывается Златоустомъ: евангелисты писали, исполнившись Духа Божія ⁵⁾.

Самые *составители евангелій* характеризуются Златоустомъ, какъ други небеснаго Царя. Они слышали отъ Хри-

¹⁾ In Matth. 1, 3 (M. LVII, 18).

²⁾ In Matth. I, 2 (M. LVII, 16).

³⁾ Ibidem: I, 2 (LVII, 16. 17).

⁴⁾ Ibidem: I, 4 (M. LVII, 18).

⁵⁾ I. 1. (col 15).

ста все, что Онъ отъ Своего Отца (Іоан. XV, 15) ¹⁾. Христосъ возбуждалъ душу евангелистовъ ²⁾. Духъ святости, Духъ правый, владычественный, дающій другія очи, способныя видѣть будущее, какъ настоящее, сподобляющій насъ созерцать во плоти то, что есть на небесахъ, глаголаше въ апостолахъ и евангелистахъ ³⁾. На благодатныхъ крыльяхъ Духа Божія они парили, какъ легкіе орлы, въ высотѣ, достигая самого неба ⁴⁾. Оставивъ все земное, они говорятъ только о небесномъ ⁵⁾, начертываютъ образъ небесной жизни ⁶⁾. Возвышенные догматы вѣры, превосходныя правила жизни, проповѣдываемыя евангелистами, обнаруживаютъ, что Духъ вѣщалъ въ нихъ изъ самыхъ глубинъ Своихъ ⁷⁾.

О *первомъ евангелистѣ* Златоустъ сообщаетъ: „Матѳей написалъ книгу, исполнившись Духа Божія“ ⁸⁾. Если онъ былъ мытаремъ и въ то же время писателемъ-евангелистомъ, то это больше всего обнаруживаетъ благодать Духа и собственную его добродѣтель, какъ человѣка ⁹⁾. Преданіе о томъ, что Матѳей, по просьбѣ увѣровавшихъ іудеевъ, пришедшихъ къ нему, написалъ имъ то, что говорилъ устно, и составилъ евангеліе на языкѣ еврейскомъ, стараясь главнымъ образомъ доказать происхожденіе Христа отъ Авраама и Давида, хорошо извѣстно Златоусту ¹⁰⁾. Читателямъ св. евангелія св. отецъ внушаетъ благоговѣнное отношеніе къ св. тексту. Если царскія грамоты прочитываются въ театрѣ при полной тишинѣ, то тѣмъ болѣе должно стоять съ напряженною душою и слухомъ, когда читаются повелѣнія не земного царя, а Владыки ангеловъ ¹¹⁾. Какъ писавшій прежде другихъ, евангелистъ Матѳей останавливается на важнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни Спасителя ¹²⁾.

О *второмъ евангелии* Златоустъ говоритъ, что оно было написано въ Египтѣ, по просьбѣ учениковъ Марка ¹³⁾.

¹⁾ In Ioann. I, 2 (M. LIX, 26).

²⁾ In illud: Ioan. V, 17; hom. IX (M. LXIII, 513).

³⁾ In Ioann. I, 2 (M. LIX, 27).

⁴⁾ In Ioan. XXIII, 3 (M. LIX, 142).

⁵⁾ In Matth. I, 4 (M. LVII, 18).

⁶⁾ In Matth. I, 5 (M. LVII, 20).

⁷⁾ In Ioan. II, 1 (M. LIX, 30).

⁸⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 15).

⁹⁾ Ibidem.

¹⁰⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

¹¹⁾ In Matth. I, 8 (M. LVII, 24).

¹²⁾ Ibidem: IV, 1 (M. LVII, 39).

¹³⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

Повѣствуя о томъ, что еще ранѣе было пересказано и сдѣлалось извѣстнымъ чрезъ евангелиста Матѳея, Маркъ наблюдаетъ краткость ¹⁾. Кроме того, по мнѣнію Златоуста, это есть послѣдствіе вліянія на евангелиста со стороны ап. Петра, который вообще любилъ краткость ²⁾.

Евангелистъ Лука былъ причастенъ Духа Святаго ³⁾, а потому и его произведеніе не было обыкновенной исторіей ⁴⁾. Сравнительная полнота евангелія Луки, напр., при изложеніи родословія Христа, объясняется подражаніемъ его составителя ап. Павлу, который въ писаніяхъ своихъ разливается, какъ рѣка ⁵⁾.

Четвертое евангеліе, не разногласно съ прочими, однако различается отъ нихъ весьма значительно. Три первые евангелиста стараются преимущественно изложить исторію земной жизни Господа ⁶⁾. Они большею частью повѣствуютъ о человѣческомъ естествѣ Сына Божія ⁷⁾. Всѣ они, поэтому, начинаютъ съ воплощенія; Матѳей говоритъ о книгѣ родства Іисуса Христа, какъ сына Давидова; Лука повѣствуетъ о Маріи; Маркъ излагаетъ рассказъ о Крестителѣ ⁸⁾. Въ то время, какъ одинъ евангелистъ начинаетъ съ царя, Ирода, другой—отъ Тиверіа—цесаря третій—отъ крещенія Іоаннова, евангелистъ Іоаннъ не полагаетъ для себя такого земного предѣла, восходитъ выше всякаго времени и вѣка, говоря сразу объ изначальномъ, предвѣчномъ рожденіи Сына Божія ⁹⁾. Въ исторіи евангелистъ Іоаннъ изъ многого пересказываетъ только немногое. Такъ въ теченіе цѣлаго года, даже въ праздникъ Пасхи онъ не упоминаетъ ни объ одномъ чудѣ, кромѣ исцѣленія разслабленнаго и еще сына у царедворца ¹⁰⁾. Зато четвертое евангеліе—обильно многими догматами, наполнено словами и бесѣдами Христа.

¹⁾ Ib. IV, 1 (LVII, 39).

²⁾ Ibidem (col. 39).

³⁾ In Act. apost. I, 3 (LX, 17).

⁴⁾ In Act. ap. I, 2 (LX, 16).

⁵⁾ In Matth. IV, 1 (LX, 39).

⁶⁾ Ibidem: I. 3 (M. LVII, 17).

⁷⁾ In Ioann. IV, 1 (M. LXI, 47).

⁸⁾ Ibidem.

⁹⁾ Ibidem (col. 47); ср. in Matth. I, 3. (LVII, 17).

¹⁰⁾ In Ioann. XLII I (M. LIX. 239).

Однако, предметъ четвертаго евангелія—не похожъ на докетическій призракъ. Евангелистъ не разъ повѣствуетъ, какъ Господь плакалъ, удерживалъ скорбь и пр., желая, несомнѣнно, показать, какимъ естествомъ былъ облеченъ Господь. О человѣческихъ же дѣлахъ Христа евангелистъ иногда говоритъ гораздо уничиженнѣе именно потому, что болѣе другихъ говорить о Немъ великаго¹⁾.

Достойно удивленія, по мысли Златоуста, какъ то, что евангелистъ Иоаннъ, устремившись къ возвышеннѣйшему слову, не оставилъ безъ вниманія воплощенія, такъ и то, что первые три евангелиста, повѣствуя о воплощеніи, не умолчали о предвѣчномъ бытіи Христа²⁾. Здѣсь обнаруживается, что евангелисты какъ бы раздѣлили между собою по частямъ великую задачу описанія Лица Искушителя³⁾. Совершенное единомысліе ихъ показываетъ, что одинъ Духъ двигалъ души ихъ всѣхъ⁴⁾.

Божественное происхожденіе четвертаго евангелія подтверждается уже *характеристикой* его составителя. Когда узнаемъ, кто онъ былъ, откуда и отъ кого происходилъ, каковъ былъ самъ по себѣ, а потомъ услышимъ его голосъ и любомудріе, тогда убѣдимся, что евангеліе не было его собственнымъ произведеніемъ, но дѣломъ божественной силы, которая дѣйствовала въ его душѣ. Отечества у евангелиста не было почти никакого. Онъ происходилъ изъ бѣднаго селенія изъ самой презрѣнной въ то время страны, которая не имѣла въ себѣ ничего хорошаго и вошла, поэтому, въ пословицу (Іоан. VII, 52). Онъ былъ сыномъ бѣднаго рыбака, до того бѣднаго, что и дѣтей своихъ онъ готовилъ къ тому же самому ремеслу: добровольно этого, если къ этому не принудить бѣдность, не сдѣлаетъ ни одинъ ремесленникъ, когда ремесло его низко. Нѣтъ среди трудящагося класса бѣднѣе, презрѣннѣе, невѣжественнѣе рыбака. Однако, и между ними одни—выше, другіе—ниже. Апостоль въ этомъ отношеніи занималъ послѣднюю ступень. Не въ морѣ онъ ловилъ рыбу, а трудился въ небольшомъ озерѣ. По внѣшнему же образованію это былъ человѣкъ не только простой,

¹⁾ In Ioann. LXIII, 2 (M. LIX, 350).

²⁾ Ibidem: IV, I. (M. LIX, 47).

³⁾ Ibidem: XVII, I (M. LIX, 108).

⁴⁾ Ibidem: IV, I. (M. LIX, 47).

но и безграмотный, о чемъ свидѣтельствуеъ ев. Лука¹⁾. Какъ понять, что этотъ рыбарь, вращавшійся около озеръ, сътей и рыбъ, происходившій изъ Вивсаиды галилейской, сынъ бѣднаго до убожества рыбаря, человекъ простой до послѣдней степени простоты, не изучавшій наукъ, принесъ намъ въ своемъ евангеліи столь возвышенныя догматы, столь превосходныя правила жизни?²⁾ Ясно, что евангеліе не было собственнымъ произведеніемъ его³⁾, что не онъ самъ, а Богъ чрезъ него вѣщалъ роду человѣческому⁴⁾. Не только рыбарю, но хотя бы ритору, софисту, философу—не свойственно излагать столь возвышенныя ученія⁵⁾.

Въ восторженныхъ выраженіяхъ говоритъ Златоустъ о *божественномъ происхожденіи, о возвышенномъ характерѣ* благовѣстія четвертаго евангелиста. Изъ глубинъ божественнаго Духа ап. Іоаннъ изрекаетъ такія тайны, которыхъ не знали даже ангелы прежде совершенія ихъ. Ангелы, начала, власти, херувимы, серафимы (ср. Еф. III, 10), вмѣстѣ съ нами получили познанія чрезъ гласъ Іоанна⁶⁾. Какъ бы чрезъ духовную трубу, услышавъ, отъ Духа божественныя тайны, возглашалъ Іоаннъ, сынъ громовъ, въ своемъ евангеліи⁷⁾. Обращаясь къ образамъ, Златоустъ называетъ ев. Іоанна великимъ орломъ, превозшедшимъ духомъ небо и премірныя силы, начавшимъ свое благовѣстіе отъ самой вершины всего. Одинъ проповѣдуя вѣчное и премірное любуудріе, евангелистъ превзошелъ голосъ всякаго грома. Обыкновенный громъ устрашаетъ и орошаетъ: орошаетъ чрезъ облака, устрашаетъ чрезъ звукъ. Голосъ Іоанна также имѣеть, эти свойства: орошаетъ Церковь и поражаетъ скопище еретиковъ⁸⁾.

По вопросу о *внѣшнемъ поводѣ* къ написанію евангелія св. Златоустъ всецѣло стоитъ на почвѣ церковной традиціи. Такъ какъ первые три евангелиста старались по преиму-

¹⁾ In Ioann. II, 1. (M. LIX, 29, 30).

²⁾ Ibidem: (M. LIX 30).

³⁾ Ibidem: (col. 29).

⁴⁾ Ibidem: (col. 29).

⁵⁾ Ibidem: II, 3 (M. LIX 33).

⁶⁾ In Ioann. I, 2 (M. LIX, 26).

⁷⁾ In Ioann. VII, 1 (LIX, 63).

⁸⁾ Hom. in illud: Ioan, I, 1 et 1 Cor. II, 10; num. (M. LXIII, 543).

ществу изложить исторію земной жизни Христа, то ученію о Его божествѣ угрожала опасность остаться нераскрытымъ. Побуждаемый Христомъ, Іоаннъ и приступилъ къ написанію евангелія. Поэтому, не съ земного, подобно прочимъ евангелистамъ, а съ небеснаго, которое главнымъ образомъ имѣлось въ виду, началъ свою книгу ев. Іоаннъ ¹⁾.

Изъ второй половины новозавѣтнаго канона о *книжкѣ Дѣяній апостольскихъ* Златоустъ говоритъ, что она можетъ принести не менѣе пользы, чѣмъ Евангеліе. Книга исполнена высокаго любомудрія, чистоты догматовъ и обилія чудесъ, совершенныхъ Св. Духомъ ²⁾. Все, что заключается въ этой книгѣ, достойно удивленія ³⁾. Въ ней таится великое сокровище ⁴⁾. Дѣянія излагаютъ не только миссіонерскіе подвиги св. апостоловъ, но и многіе догматы, лежащіе въ основаніи нашего спасенія (*τῆς ἀποστολικῆς*) ⁵⁾. Св. Лука былъ причастенъ Духа ⁶⁾. Онъ былъ не сочинителемъ книги, а служителемъ благодати Духа, потому что не самъ произвелъ сказанное, а послужилъ сказанному ⁷⁾. Въ одномъ случаѣ Златоустъ говоритъ, что книгу написалъ Духъ Святой ⁸⁾, въ въ другомъ—творцомъ ея называетъ Христа ⁹⁾.

Изъ посланій апостоловъ къ канону Златоустъ относитъ *три соборныхъ посланія и четырнадцать павловыхъ* ¹⁰⁾.

Первоимовникомъ посланій св. апостоловъ Златоустъ называетъ или Христа, или Св. Духа Онъ учитъ, что Христосъ говоритъ, возвѣщаетъ чрезъ апостоловъ ¹¹⁾, двигаетъ устами, душами ихъ ¹²⁾ преподаетъ чрезъ нихъ Свои законы и догматы ¹³⁾. Собственно о вдохновеніи св. апостоловъ, какъ писателей, Златоустъ говоритъ: апостолами двигалъ Духъ

¹⁾ In Ioan. I. 3 (LIX, 17).

²⁾ In Act. apost I, 1 (M. LX 14).

³⁾ Ibid. (LX, 15).

⁴⁾ Ib. (LX, 13).

⁵⁾ Ibidem (LX, 14, 15).

⁶⁾ In Act. apost. I, 1 (M. LX 15).

⁶⁾ Ibidem: 1, 2 (LX 17).

⁷⁾ M. LI 101.

⁸⁾ M. LI 73.

¹⁰⁾ Срав. напр. цитаты изъ посланія ап. Іакова V, 14, 15 въ *sacerd.* III, 6 (M. XLVIII 644); изъ посланія ап. Петра (IV, 18); in *Act apost* XL, 3 (M. LX 285); изъ 1-го посланія ап. Іоанна (I, 5); in *evang. Ioann.* V, 3 (M. LIX, 57).

¹¹⁾ *Contr Anom*, II, 5 (M. XLVIII, 716).

¹²⁾ *Adv iud.* II, 1 (M. XLVIII, 858).

¹³⁾ *De virgin.* 12 (M. XLVIII, 514).

Божій¹⁾, апостолы писали по внушенію Духа Божія²⁾, излагали, преподавали намъ опредѣленія благодати Духа, божественное законы³⁾, говорили не свое, а то, что внушаетъ благодать Духа⁴⁾; наставленія апостоловъ, слѣдовательно, суть дѣло благодати Духа⁵⁾. Еще сильнѣе отгнѣнется божественные вліяніе въ писательскомъ вдохновеніи апостоловъ формулами: „это голосъ апостола, а ученіе Христа“⁶⁾, „апостольскій голосъ движется Духомъ“⁷⁾ „сердце апостола было сердцемъ Христовымъ скрижалію Духа Святого⁸⁾).

Высшее происхожденіе и божественный авторитетъ апостольскихъ писаній ставятся Златоустомъ въ *органическую связь съ сущностью самого апостола*. Апостольство стоитъ на недосыгаемой высотѣ, на которой въ исторіи божественнаго Откровенія не находилась ни одна изъ прочихъ духовныхъ властей. Находясь выше всего, голова не только есть начало и власть тѣла, но и корень, потому что нервы, управляющіе тѣломъ, исходя изъ нея, произрастая изъ самаго мозга и оживляясь духомъ, управляютъ всѣмъ животнымъ составомъ. Также и—апостольство: оно не только стоитъ выше прочихъ дарованій, какъ начало и власть ихъ, но содержитъ въ себѣ, какъ бы въ сосредоточіи, корни ихъ всѣхъ⁹⁾.

Весьма часто и подробно говорить Златоустъ о боговдопovenности апостола Павла. Глубокое уваженіе къ благовѣстію апостола языковъ, обиліе почившихъ на немъ даровъ Духа Божія, многочисленность апостольскихъ писаній, постоянный экзегесисъ ихъ съ проповѣднической кафедрой,—все это служить достаточнымъ объясненіемъ, почему великая личность апостола языковъ какъ бы вновь оживаетъ, воскресаетъ подъ перомъ Златоуста. Здѣсь лучшій представитель школы антиохійской Златоустъ

1) Ad stel. II, 5 (M. XLVIII, 419).

2) Ad viduam: II, 1 (M. XLVII, 611).

3) De libello repud, II, 4 (in illud: 1 Cor. VII, 39—40); n 4 (M. LI 223).

4) De stat I, 1 (M. XLIX, 17).

5) Ibidem: de stat. I 2 (M. XLIX, 18).

6) Contr iud, II, 1 (M. XLVIII, 858).

7) Cp. M. XLVIII, 696.

8) In ep ad Rom. XXXII, (M. LX. 630).

9) De utilit lection, Script. III, 3 (M. LI, 92).

совершенно сходитя съ великими александрійцами: Климентомъ, Оригеномъ и др.

Первоклассный по краснорѣчію ораторъ въ мірѣ, ставившій для себя идеаломъ ап. Павла, Златоустъ, однако, *чувствуетъ свое бессиліе* предъ задачей: въ полной мѣрѣ изобразить дивную красоту, всеобъемлющее величіе и неисчерпаемое богатство апостольскаго благовѣстія. „Пламенѣю любовью къ этому мужу“, говоритъ Златоустъ, „непрестанно обращаюсь къ нему; взирая на душу его, какъ на нѣкоторый первообразъ, удивляюсь въ немъ господству надъ страстями, высокому мужеству, пламенной любви къ Богу; размышляю, какъ одинъ человекъ приобрѣлъ по усердію своему всю совокупность добродѣтелей“¹). „Люблю, говоритъ въ другомъ мѣстѣ святитель, останавливаться на этомъ мужѣ и созерцать красоту добродѣтели его. Не столько мои очи радуютъ солнце взопевшее и испускающее свѣтлыя лучи, сколько душу мою просвѣщаетъ Павелъ. Солнце озаряетъ глаза, а Павелъ какъ бы на крыльяхъ возноситъ насъ къ самымъ сводамъ небесъ, возводитъ душу выше солнца и луны“²). „Постоянно слушая чтеніе посланій блаженнаго Павла,—я радуюсь, наслаждаюсь духовною трубою, восхищаюсь, воспламеняюсь желаніемъ, узнавая любезный мнѣ голосъ. Мнѣ почти кажется, будто онъ явился, присутствуетъ предо мною: я вижу какъ онъ бесѣдуетъ“³). Въ пламенномъ восторженномъ удивленіи и восхищеніи апостоломъ языковъ, св. Златоустъ желалъ бы видѣть прахъ тѣхъ устъ, чрезъ которыя Христость излагалъ великія и неизреченныя тайны, даже большія тѣхъ, какія Самъ возвѣстилъ; прахъ устъ, которыми Духъ сообщилъ вселенной дивныя просвѣщенія Свои. Св. отецъ Церкви желалъ бы созерцать и прахъ сердца Павлова, которое было сердцемъ вселенной, источникомъ безчисленныхъ благъ, стихіей жизни христіанской (ср. 2 Кор. VI, 2 и II 4)⁴). Ему любезенъ и прахъ рукъ апостольскихъ, которыми были написаны его боговдохновенныя посланія (Гал. VI, II; 1 Кор. XVI, 21)⁵). Любить апостола не препятствуетъ

¹) In. Gen. cap. II; XI, 5 (M. LIII, 95. 96).

²) De poenitentia: hom. II, 5 (M. XLIX, 291).

³) In epist. ad Roman Praefacio I (M. LX, 391).

⁴) I In ep. ad Rom. hom. XXXII, 3 (M. LX, 679).

⁵) Ibidem: XXX II, 4, (M. LX, 680).

то, это онъ для глазъ нашихъ невидимъ. Каждый день мы созерцаемъ памятники добродѣтелей апостольскихъ. Устроение св. Церкви, ниспроверженіе нечестія, перемѣна жизни, уничтоженіе заслужденія, разрушенныя жертвенники, замкнутыя капища,—все это произвела сила слова ап. Павла, воодушевляемая благодатію божественною. Наконецъ, самыя посланія апостола въ точности изображаютъ намъ черты его блаженной души ¹⁾.

Многосторонни и разнообразны тѣ духовныя дарованія, которыхъ удостоился великій благовѣстникъ. Душа ап. Павла—лугъ добродѣтелей, духовный рай. Такъ какъ св. апостоль содѣлался избраннымъ сосудомъ и хорошо очистилъ себя, то на него обильно излился даръ Духа. Этотъ даръ и содѣлался источникомъ дивныхъ писаній апостола. Языкъ—не въ силахъ достойно восхвалить того, кто въ одной душѣ своей совмѣстилъ всѣ добродѣтели не только человѣческія, но и ангельскія ²⁾. Ничто не можетъ сравниться съ душою ап. Павла, лучше же сказать: не съ его душою,—такъ какъ не самъ онъ достигъ этого,—а съ благодатію которая, дѣйствовала въ немъ и побѣждала все ³⁾. Никакой полководецъ не былъ такъ дружествененъ царю, какъ ап. Павелъ—Богу⁴⁾. Христось возжегъ въ душѣ ап. Павла пламя, которое обняло поверхность всей земли, достигло самаго неба, какъ бы прошло небесный сводъ. Но и здѣсь св. апостоль не остановилъ своего теченія, будучи восхищенъ до третьяго неба (2 Кор. XII, 2) ⁵⁾. Этотъ святой, дивный проповѣдникъ въ совершенствѣ преподавалъ великія тайны богопознанія ⁶⁾. Всю вселенную прошелъ этотъ велегласнѣйшій проповѣдникъ истины, оставивъ человѣчеству свои исполненныя великой мудрости слова ⁷⁾. Гражданинъ небесный, хотя еще облеченный немощнымъ тѣломъ, столпъ Церкви, земной

¹⁾ In illud: 2 Corinth. XI 1; n. 2 (M. LI, 303).

²⁾ Hom. de laudibus S. Pauli ap, 1 (M. L, 473).

³⁾ In illud: 1 Corinth II, 1—2; h. VI, 1 (M. LXI, 47).

⁴⁾ De oratione: II (M. L, 784).

⁵⁾ Ad Stelechium II, 2 (M. XLV^{III}, 413).

⁶⁾ De anguis; 6 (M. LV^I, 508).

⁷⁾ Adversus eos, qui apud se habent virgines introductas S (M. XLV^{II}, 501).

ангелъ, человекъкъ небесный¹⁾, мудрый врачъ душъ²⁾, св. ап. Павелъ, хотя не одинъ былъ апостоломъ, справедливо называется апостоломъ по преимуществу (*κατ' ἐξαιρέτων*)³⁾. Другого Павла по благодати и чудесамъ уже не будетъ никогда⁴⁾.

Представляя ап. Павла какъ чрезвычайный органъ благодати Св. Духа, Златоустъ часто пользуется для своей цѣли *образною рѣчью*. Св. апостолъ—это какъ бы небесная труба, поднимающая своимъ сигналомъ упавшій духъ людей, духовная лира, пріятно улаждающая слушателей и одновременно доставляющая имъ великую пользу⁵⁾, духовный рай⁶⁾, избранный сосудъ Духа Божія⁷⁾. Небожественная душа св. апостола⁸⁾, вдохновенная божественною благодатию, превосходила твердостью адамантъ, драгоценностью—золото⁹⁾.

Собственно *боговдохновенность ап. Павла, какъ писателя*, постоянно предполагается Златоустомъ и выражается имъ въ разныхъ формахъ. Иногда говорящимъ чрезъ ап. Павла называется Христосъ. Въ голосѣ апостола, по образному выраженію Златоуста, присутствовалъ Самъ Христосъ и всюду съ нимъ шествовалъ. Какъ возсѣдаетъ Христосъ на небесныхъ силахъ, такъ возсѣдалъ Онъ и на языкѣ ап. Павла. Подлинно достоинъ былъ принять Христа этотъ языкъ, вѣщавшій только угодное Христу и, подобно серафимамъ, воспарившій на неизреченную высоту¹⁰⁾. Чрезъ апостола Христосъ излагалъ великія и неизреченныя тайны¹¹⁾. Именно Христосъ вѣщалъ въ апостолѣ¹²⁾, двигалъ душою его¹³⁾. Апостолу принадлежалъ собственно голосъ, а мысль и уче-

¹⁾ De poenitent. II, 5 (M. L, 291).

²⁾ In illud: 2 Cor. IV, 13 (M. LI, 272).

³⁾ In ep. ad Roman.; hom. I, 1 (M. LX, 396).

⁴⁾ De poenit. I, 9 (M. XLVII, 408).

⁵⁾ De stat. ad popul. antioch. I, 1 (M. XLIX, 16. 17); ep. de proph. obscur. I, 6 (M. LV¹, 173).

⁶⁾ De laud. Paul. ap; I, 1 (M. L, 473).

⁷⁾ De poenit. II, 5 (XLIX, 290).

⁸⁾ In Gen. IV. 5 (LIII, 44).

⁹⁾ De laud. Pauli apost. II. (M. L, 481).

¹⁰⁾ In epist. ad Roman. Hom. XXXII, 3 (M. LX, 679).

¹¹⁾ In epist. ad Roman. XXXII, 3 (M. LX, 3).

¹²⁾ Contr. anom. II, 5 (M. XLV^{III}, 716).

¹³⁾ Adversus iudaeos: II, 1 (M. XLV^{III}, 858).

ніе Христу ¹⁾. Законы вѣры и жизни, поэтому, изрекаются ап. Павломъ, лучше же сказать: Самимъ Христомъ чрезъ него ²⁾.

Обычно, однако, вдохновителемъ св. апостола называется *Духъ Святой*. Апостоль Павелъ былъ орудіемъ, органомъ Духа Божія, чрезъ который Онъ сообщилъ вселенной дивныя Свои провѣщанія ³⁾. Св. апостоль говорилъ по внушенію Духа ⁴⁾, писалъ Духомъ ⁵⁾, преподавалъ опредѣленія благодати Духа ⁶⁾. Такъ какъ въ апостоль говоритъ собственно Духъ ⁷⁾, такъ какъ излагаемое въ посланіяхъ не дѣло Павла, а скорѣе благодати Духа ⁸⁾, то и слова его принадлежатъ благодати Духа ⁹⁾, Который дѣйствовалъ на душу апостола ¹⁰⁾, управлялъ этою душою ¹¹⁾. Не ап. Павелъ, а скорѣе Духъ говоритъ въ посланіяхъ апостольскихъ ¹²⁾.

Иногда св. апостоль представляется у Златоуста *одновременно органомъ Христа и Духа*. Чрезъ уста апостольскія какъ Христосъ изглагодалъ великія тайны, такъ и Духъ сообщалъ вселенной дивныя провѣщанія ¹³⁾. Слова апостола— не человѣческія слова, а Духа Святаго, Христа, глаголавшаго въ Павлѣ ¹⁴⁾.

Наконецъ, нерѣдко фактъ апостольской боговдохновенности удостоверяется *въ болѣе общихъ формулахъ*, напр.: апостоль вѣщаетъ по силѣ божественныхъ законовъ ¹⁵⁾, говоритъ божественныя изреченія ¹⁶⁾, изрекаетъ божественныя законы ¹⁷⁾ и т. п.

¹⁾ Adversus iudaeos: II, 1 (M. XLVIII, 858).

²⁾ De virgin. n. 7 (M. XLVII, 538).

³⁾ In epist. ad Rom. XXXII, 3 (M. LX, 679).

⁴⁾ In 1 epist. ad Corinth. VII, 3 (M. LXI, 58).

⁵⁾ Ad viduam juniorem: II, 1 (M. XLVII, 611).

⁶⁾ In ep. 1 Corinth. VII, 39—40 (M. LI, 223).

⁷⁾ De verb. apostoli: 2 Corinth. IV, 13 (M. LI, 282).

⁸⁾ De stat. ad pop. antioch. I, 2 (M. XLIX, 18).

⁹⁾ Hom. de utilitate lection. n. 4 (M. LI, 93).

¹⁰⁾ De verbis apost. 2 Cor. IV, 13 (M. L, 291).

¹¹⁾ In evang. ac Ioan. V, 2 (M. LIX, 56).

¹²⁾ Ad viduam juniorem: II, 1 (M. XLVII, 610).

¹³⁾ In epist. ad Rom. XXXII, 3 (M. LX, 679).

¹⁴⁾ In ep. ad Hebr. X, 1 (M. LXII, 83).

¹⁵⁾ In ep. ad Rom. IX, 1 (M. LX, 467).

¹⁶⁾ In ep. ad Rom. XVI, 3; n. 3 (M. L, 191).

¹⁷⁾ In illud: 2 Cor. VII, 39—40 (L, 223).

Сообразно съ общимъ ученіемъ о писательскомъ вдохновеніи апостола языковъ, излагается и ученіе Златоуста о боговдохновенности *павловыхъ посланій*.

Св. апостоль говорилъ свыше по внушенію Духа Божія ¹⁾. Слѣдовательно, все, что изложено въ письмени и чрезъ посланія передано всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ,— не дѣло Павла, а благодати Духа ²⁾. Посланія Павла—это какъ бы рудники и источники Духа ³⁾. Въ этихъ посланіяхъ апостоль всегда говоритъ божественнымъ небеснымъ языкомъ. Не отъ собственнаго разума, а по царской власти изрекаетъ правила вѣры ⁴⁾.

На божественномъ происхожденіи павловыхъ посланій основываетъ Златоустъ и *характеристику свойствъ* ихъ. Писанія св. апостола—исполнены божественной мудрости ⁵⁾, изумительнаго ума, совершеннаго разума ⁶⁾. Глубина ихъ содержанія—поразительна: изъ одного ихъ изреченія рождаются рѣки мыслей; изъ одного слова извлекается несказанное богатство любомудрія ⁷⁾. Ничего въ павловыхъ посланіяхъ нѣтъ лишняго, напраснаго: все—необходимо, все чрезвычайно полезно ⁸⁾. Обильно излившись на апостола, даръ Духа Святаго содѣлался въ немъ первоисточникомъ дивныхъ рѣкъ. Эти рѣки превосходятъ рѣки райскія не только числомъ, но и свойствомъ теченія. Онѣ текутъ ежедневно, возбуждая души человѣческія къ принесенію плодовъ добродѣтели ⁹⁾. Для нагляднаго изображенія роли св. апостола, какъ писателя, Златоустъ пользуется двумя образами. Нѣжно любящій отецъ, предназначая великолѣпный домъ для своихъ дѣтей, часто строитъ его и для пользы внуковъ. Такъ и святой духъ ап. Павла, полный вдохнове-

¹⁾ De proph. obscur. I, 6 (M. LVІ, 173); ep. in ep. ad Rom. VII, 3 (LXI, 58).

²⁾ De stat. ad pop. Antioch. I, 2 (M. XLIX, 18)

³⁾ De verbis ap.: 2 Corinth. IV, 13 (M. L, 291).

⁴⁾ De poenit. VII, 1 (M. XLIX, 323).

⁵⁾ De sacerd. IV, 7 (M. XLVII, 670).

⁶⁾ Hom. de Legilat. (M. LVI, 398).

⁷⁾ De verbis apost.: 2 Cor. IV, 13 (M. L, 290. 291).

⁸⁾ De stat. ad popul. antioch. I, 2 (M. XLIX, 18).

⁹⁾ De laudibus S. Pauli I, 1 (M. L, 473).

ція, любвеобилія и попечительности, оставилъ свои дивныя посланія для пользы грядущимъ поколѣніямъ чловѣчества¹⁾. Нѣкогда Ной спасъ себя и дѣтей своихъ отъ потопа посредствомъ ковчега. Апостоль языкоть совершилъ гораздо большее: онъ исторгъ изъ волнъ сильнѣйшаго потопа всю вселенную. Орудіемъ для этого былъ не бранный ковчегъ, сколоченный изъ досокъ, а дивный ковчегъ апостольскихъ посланій. Особенность ковчега—это его универсальность. Ковчегъ апостольскій достигалъ до предѣловъ вселенной, такъ какъ и устроенъ былъ, соразмѣрно множеству спасаемыхъ. Апостоль вводитъ въ него всѣхъ людей и дѣлаеть ихъ подобными вышнимъ силамъ. Ковчегъ апостольскій укротилъ свирѣпость бури нечестія, потому что не замазкою и смолою намащены были доски его, а Духомъ Святымъ²⁾. Всеобъемлющее значеніе посланій ап. Павла было именно слѣдствіемъ его боговдохновенности. Святая душа Павла обнимала всю вселенную, всѣхъ заключала въ себѣ, считая родство въ Богѣ самымъ высшимъ. Апостоль любилъ всѣхъ такъ, какъ будто самъ ихъ родилъ, а лучше сказать: любилъ больше всякаго отца: такова—благодать Духа³⁾. Серце великаго апостола воспламенялось къ каждому изъ погибающихъ, мучилось болѣзнями рожденія о дѣтяхъ, родившихся несовершенными, было превыше небесъ, пространнѣе вселенной, блистательнѣе луча солнечнаго, горячѣе огня, тверже адманта; было источникомъ, напаяющимъ чловѣческія души, жило не этою—нашею, а новою жизнью (ср. Гал. II, 20). Словомъ, сердце Павлово было христовымъ сердцемъ, скрижалю Духа Святаго, книгою благодати⁴⁾.

Канонъ Павловыхъ писаній у Златоуста содержитъ въ себѣ все, безъ исключенія, четырнадцать посланій. Порядокъ расположенія этихъ посланій въ общемъ составѣ св. книгъ совершенно другой, нежели порядокъ ихъ написанія. Это нисколько—не удивительно, если и въ Ветхомъ Завѣтѣ, напр., двѣнадцать пророковъ расположены послѣдовательно,

¹⁾ Homil. in illud: 2 Timoph. III. I; n. 3 (M. LVI, 274).

²⁾ De laudibus S. Pauli 1 (M. L, 474, 475).

³⁾ In epist. ad Roman. praef. (LX, 393).

⁴⁾ In epist. ad Rom. XXXII, 3 (M. LX, 680).

хотя и раздѣлены между собою большимъ промежуткомъ времени ¹⁾).

Изъ посланія къ римлянамъ отдѣльныя выраженія приводятся Златоустомъ какъ вдохновенныя въ вербальномъ смыслѣ ²⁾. О первомъ посланіи къ коринтянамъ св. отецъ Церкви замѣчаетъ, что въ немъ говорить и писать блаженный Павелъ, лучше же сказать: Духъ Святой ³⁾. Въ посланіи къ галатамъ говоритъ ап. Павелъ; а когда называется Павелъ, то разумѣется Христосъ, потому что Онъ движетъ душою Павла ⁴⁾. Посланіе къ ефессянамъ, написанное апостоломъ въ узахъ изъ Рима, исполнено возвышенныхъ созерцаній и догматовъ ⁵⁾; оно составлено не столько ап. Павломъ, сколько благодатию Духа ⁶⁾. Изреченія посланія къ филиппійцамъ (ср. II, 5—8) называются св. отцомъ Церкви изреченіями Духа, противъ остроты которыхъ не могутъ устоять многочисленныя ряды еретиковъ ⁷⁾. Касательно посланія къ колоссянамъ Златоустъ замѣчаетъ: „всѣ посланія ап. Павла—святы, но тѣ, которыя онъ писалъ, находясь въ узахъ, каково это, заключаютъ въ себѣ что-то большее“ ⁸⁾. Въ посланіяхъ къ ессалоникійцамъ св. апостоль, имѣвшій въ себѣ самомъ говорящимъ Христа, ничего собственно не говорилъ отъ себя одного: какъ посланникъ, онъ только передавалъ слова Пославшаго. (ср. 2 Кор. XIII, 3; I, 1). Все здѣсь апостоль изрекалъ по внушенію Духа, а иное слышалъ даже отъ Бога словесно ⁹⁾. Въ истолкованіи перваго посланія къ Тимофею Златоустъ выражается такъ: „Павелъ изрекъ это или лучше: Христосъ чрезъ Павла“ ¹⁰⁾. Второе посланіе ап. Павелъ писалъ для утѣшенія Тимофея; все оно исполнено духомъ утѣшенія и есть какъ бы нѣкоторое завѣщаніе ¹¹⁾. Въ нѣко-

1) Ibidem: praefacio (M. LX, 393).

2) Ср. напр. Рим. VIII, 16; hom. XIV, 2 (M. LX, 527).

3) Ad viduam junior. II, 1 (M. XLVII, 610—611).

4) Advers. iudaeos: III, 4 (M. XLVIII, 866).

5) In ep. ad Eph. praef. (LIX, 10).

6) Ibidem: XIII, 1 (M. LXI, 93).

7) In ep. ad Philipp. VI, 1 (M. LXI, 218—219).

8) In ep. ad Coloss. I, 1 (M. LXI, 299).

9) In 1 ep. ad Thess. VIII, 1 (LXI, 439).

10) In 1 epist. ad Timoph. h. XV^{II} (M. LXI, 594).

11) In 2 ep. ad Timoph. IX, 2 (M. LXI, 652).

торыхъ своихъ частяхъ (ср. 2 Тим. III, 8), по предположенію Златоуста, посланіе излагаетъ непосредственныя откровенія Духа ¹⁾. *Посланіе къ Титу* приводится какъ слово божественнаго Духа ²⁾.

Каноническое достоинство *посланія къ Филлимону* имѣло въ лицѣ Златоуста горячаго и сильнаго защитника. Св. отцу Церкви—хорошо извѣстно мнѣніе противниковъ посланія, будто оно не заслуживаетъ присоединенія къ канону, такъ какъ касается маловажнаго дѣла и при томъ только одного человѣка. Высказывающіе такое неодобреніе сами достойны многихъ укоризнъ. Этого мало, что такія малыя посланія, написанныя о такихъ обыкновенныхъ предметахъ, слѣдуетъ принять въ канонъ. Желательно, чтобы кто-либо былъ въ состояніи рассказать намъ полную исторію апостоловъ, рассказалъ бы намъ подробно не только о томъ, что они писали и говорили, но и о прочемъ образѣ жизни ихъ: о томъ, что они ѣли и когда ѣли, когда сидѣли и куда ходили, что дѣлали каждый день, въ какихъ странахъ бывали, въ какой домъ входили и гдѣ плавали. Многіе не знаютъ происходящей отсюда пользы. Если мы, смотря на мѣста, гдѣ сидѣли или были связаны св. апостолы, на мѣста бездушныя, часто обращаемся къ апостоламъ своею мыслью, представляемъ ихъ добродѣтели, пробуждаемся отъ безпечности, становимся болѣе ревностными, то тѣмъ большее дѣйствіе было бы, если бы мы слышали слова св. апостоловъ и читали бы о дѣяніяхъ ихъ. Всякій спрашиваетъ о другѣ, гдѣ онъ живетъ, что дѣлаетъ, куда идетъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ знать все это объ учителяхъ вселенной. Обращаясь отъ общихъ теоретическихъ предположеній къ конкретнымъ основаніямъ для подтвержденія каноничности даннаго посланія, св. Златоустъ приводитъ главныя изъ нихъ. Во-первыхъ, ап. Павелъ показываетъ великую заботливость о бѣглецѣ, разбойникѣ и ворѣ, не отказывается, не стыдится отсылать его съ похвалами. Этимъ св. апостоль научаетъ, что и намъ не слѣдуетъ быть небрежными въ подобныхъ случаяхъ. Во-вторыхъ, если воръ и бѣглець сдѣлался на-

¹⁾ Ibidem: VIII, 2 (M. LXI, 644).

²⁾ In ep. ad Tit. II, 4 (M. LXI, 675).

столько добродѣтельнымъ, что самъ ап. Павелъ желалъ имѣть съ нимъ общеніе (ср. ст. 13), то, слѣдовательно, нельзя почитать отверженнымъ сословіе рабовъ. Въ третьихъ, ап. Павелъ, будучи увѣренъ въ благорасположеніи къ нему Филимона, не захотѣлъ, однако, безъ воли господина, удержать при себѣ Онисима, который былъ такъ ему нуженъ и полезенъ. Св. апостоль показываетъ этимъ, что рабъ, когда онъ — человекъ добродѣтельный, тѣмъ болѣе долженъ оставаться въ услуженіи и почитать власть господина своего, чтобы приносить пользу живущимъ въ его домѣ. Наконецъ, это посланіе научаетъ вообще не стыдиться рабовъ, если они — добродѣтельны. На этихъ основаніяхъ Златоустъ не только защищаетъ каноническій авторитетъ посланія къ Филимону, но и считаетъ крайнимъ безуміемъ обратное мнѣніе, будто оно напрасно включено въ канонъ¹⁾,

Боговдохновенность и каноничность *посланія къ евреямъ* такъ же безспорны въ глазахъ св. Златоуста, какъ и его подлинность. Въ этомъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія выраженія его, обычно встрѣчающіяся въ истолкованіи посланія, какъ напр.: „мысли апостола произошли не отъ его разума, который прежде былъ такъ ничтоженъ и безсиленъ, что нисколько не превосходилъ разума простолюдиновъ, но отъ благодати Духа, которая являетъ свою силу чрезъ того, чрезъ кого хочетъ“²⁾. Отдѣльныя изреченія изъ посланія къ евреямъ (ср. XIII, 4) предваряются у Златоуста иногда такъ: говорить апостоль или лучше чрезъ него Самъ Христосъ³⁾. Съ другой стороны, авторомъ посланія называется именно ап. Павелъ⁴⁾. Если въ посланіи къ евреямъ апостоль не ставитъ своего имени, то онъ дѣлаетъ это по своему благоразумію. Такъ какъ евреи ненавидѣли ап. Павла, то, чтобы они, услышавъ въ началѣ посланія имя его, не отказались слушать далѣе, онъ мудро достигъ ихъ вниманія, скрывъ свое имя⁵⁾.

По поводу мнѣнія о существованіи кромѣ того, *посланія къ лаодикійцамъ*, св. Златоустъ на основаніи буквы св.

¹⁾ In ep. ad Thilim praef. 702—704.

²⁾ In ep. ad Hebr. I, 2 (LXII, 16).

³⁾ De vicg. 7 (M. XLVII, 538).

⁴⁾ Справ. напр. Ad Stagyr. III, 14 (XLVII, 494).

⁵⁾ In epist. ad Roman. h. I, 1 (M. LX, 395).

текста (ср. посл. Кол. IV, 16) приходитъ къ заключенію, что существовало не посланіе ап. Павла къ лаодикійцамъ, а скорѣе посланіе ихъ къ апостолу ¹⁾.

Книга Апокалипсисъ не внесена Златоустомъ въ канонъ ²⁾, вѣроятно, потому, что подлинное происхождение ея отъ апостола Іоанна, равно какъ и боговдохновенность были еще предметомъ споровъ и сомнѣній въ церковныхъ кругахъ Антиохіи. Примѣчательна въ этомъ отношеніи осторожность Златоуста, который въ своихъ твореніяхъ не приводитъ цитатъ изъ Апокалипсиса.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ In ep ad Colos. XII, 1 (M. LXI, 382).

²⁾ Срав. его Synopsis Scripturae Sacrae (M. LVI, 317).

126. стр. 505 - 510
с "Истинна и разумна вера"

УЧЕНИЕ СВ. ЮАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ БИБЛИИ.

(Продолжение *).

VII.

Божественное вдохновеніе происходитъ чрезъ взаимодѣйствіе Бога и человѣка. Въ виду этого, для ближайшаго опредѣленія ученія Златоуста о боговдохновенности по ея существу необходимо изложить взгляды его на божественнаго Вдохновителя и на личность св. писателя.

Актъ боговдохновенности не разграничивается Златоустомъ строго отъ акта божественнаго Откровенія. Поэтому, свидѣтельства св. Писанія не усваются имъ исключительно одному изъ трехъ божескихъ лицъ. Кромѣ того, точка зрѣнія Златоуста есть слѣдствіе его ученія о единствѣ Лицъ св. Троицы.

Въ своемъ изложеніи догмата о трехъ лицахъ въ Богѣ Златоустъ весьма умѣло, сознательно и авторитетно избѣгаетъ крайностей какъ „нечестиваго смѣшенія Савеллія“, ¹⁾ такъ и „безумнаго раздѣленія Арія“ ²⁾. „Мы можемъ заградить входъ тому и другому, говоритъ Златоустъ, „такъ какъ исповѣдуемъ единое Божество Отца, Сына и Святаго Духа, но притомъ въ трехъ Лицахъ“ ³⁾.

Савелліанизмъ сводилъ различіе Лицъ въ Богѣ къ разности въ наименованіяхъ. Въ противоположность Савеллію, Златоустъ учитъ о реальномъ значеніи этого различія.

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 8 за 1912 годъ.

¹⁾ De sacerdot IV, 4 (M. XLVII, 667).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

Какъ Сыиъ называется Словомъ и однако—не безличенъ, но изъ этого наименованія познается сродство Его съ Отцомъ, такъ и Духъ Божій называется не потому Духомъ, что Онъ—безличенъ, но вслѣдствіе сродства съ Отцомъ. Какъ Сыиъ потому сообщаетъ намъ усыновленіе, что Онъ есть истинный Сыиъ Отца, такъ и Духъ потому сообщаетъ намъ дарованія, что Онъ по природѣ божеское Существо ¹⁾. Отсюда проистекаетъ полная гармонія въ дѣйствованіи. То, что принадлежитъ Отцу, принадлежитъ и Сыну. Сосущественный Отцу, Духъ сосуществененъ и Сыну. Сыиъ Самого Себя пожертвовалъ за людей; также точно, съ соизволенія Отца и Св. Духа, Онъ даровалъ человѣчеству сосущественнаго Себѣ Духа, чтобы оживотворить міръ ²⁾.

Арианизмъ объяснялъ различіе Лицъ въ Богѣ въ смыслѣ разности самыхъ сущностей. Златоустъ учитъ, что божественныя Лица въ Троицѣ—не раздѣльны. Ничто не раздѣляетъ Отца, Сына и Святаго Духа. Не раздѣляетъ протяженіе времени: прежде вѣковъ—Отець; прежде вѣковъ—Сыиъ, сотворившій вѣка; прежде вѣковъ и Духъ Святой. Природа и сила божескихъ Лицъ—не раздѣльны: царствуетъ Отець, царствуетъ Сыиъ, царствуетъ и Духъ Святой ³⁾. Совершенное согласіе, нераздѣльность и равночестность пребываютъ между Лицами св. Троицы ⁴⁾. Нераздѣльность простирается одинаково на свойства и дѣйствія Лицъ. Все совершается Отцомъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ ⁵⁾. Поэтому, когда говорится объ Отцѣ, то не исключается Сыиъ; когда говорится о Сыиѣ, не исключается Духъ ⁶⁾. Сыну и Святому Духу принадлежитъ то, что присволяется Отцу. Одинъ даръ и одна власть у Отца, Сына и Святаго Духа ⁷⁾.

На основаніи вышеизложенныхъ взглядовъ и ученій о единствѣ и нераздѣльности Лицъ въ Богѣ св. Златоустъ усвояетъ свидѣтельства писаній или *вообще Богу* безъ ука-

¹⁾ In psalm. XLIV, 3 (M. LV, 187).

²⁾ In Isa. XI, 2 (p. 151: по изданію мекитаристовъ въ Венеціи 1887 года; изданіе на латинскомъ языкѣ съ армянскаго оригинала).

³⁾ Orat. de divin. Trinitate: 7 (M. LVI, 510).

⁴⁾ Orat. in diem Pentecost. II, 2 (M. XLIX; 465).

⁵⁾ In Ioann. XXV, 3. (M. LIX, 150).

⁶⁾ Contr. anom. V, 1 (M. XLVIII, 737).

⁷⁾ In Ioann. LXXXVI, 3 (M. LIX, 471).

занія опредѣленнаго Лица, или же *какому-либо Лицу* божескому въ отдѣльности.

Въ началѣ съ Адамомъ, Ноемъ, Авраамомъ и др. *Богъ бсѣдовалъ Самъ* настолько, насколько это возможно было для людей, насколько имъ было возможно слышать слова Божіи. Но затѣмъ природа человѣческая, уклонившись ко злу, какъ бы удалилась въ далекую чужую страну. Тогда-то Богъ посылаетъ намъ св. Писаніе, возобновляя чрезъ письмо старую дружбу съ нами ¹⁾. Именно Богъ открылъ чрезъ Моисея заповѣди въ законѣ ²⁾; Богъ послалъ Писаніе, а Моисей только принесъ его людямъ ³⁾. Богъ говорилъ, бсѣдовалъ, научалъ устами пророковъ ⁴⁾, возвѣщалъ, говорилъ чрезъ пророковъ ⁵⁾ и пр. Даже отдѣльныя слова и выраженія ветхозавѣтныхъ писателей усвоятся Златоустомъ непосредственно Богу, какъ Имъ Самимъ избранныя и употребленныя ⁶⁾. Также и о писателяхъ Новаго Завѣта, о св. апостолахъ Златоустъ учитъ: въ нихъ говоритъ Богъ ⁷⁾; воздемъ ихъ является Самъ Богъ ⁸⁾ и пр. Нерѣдко и о всѣхъ вообще писателяхъ обоихъ завѣтовъ ср. отецъ Церкви выражается: чрезъ пророковъ и апостоловъ бесѣдуетъ съ нами Богъ ⁹⁾.

Болѣе опредѣленное значеніе имѣютъ тѣ случаи, когда въ качествѣ первовиновника св. Писанія вообще или отдѣльныхъ его мѣстъ называется Златоустомъ *какое-либо одно божеское Лицо*.

О *первомъ Лицѣ* св. Троицы обычно говорится: Отецъ

¹⁾ In Genes. Sermo I, 2 (M. LIV, 582).

²⁾ In Matth. LXXII, 1 (M. LVIII, 667).

³⁾ In Genes. I, 2 (M. LIV, 582).

⁴⁾ In Gen. cap. II; h. XV, 1 (M. LIII, 119); *ibid.*; III, 2; cap. 1 (M. LIII, 34); *contr. anom.* IV, 3 (M. XLVIII, 731); in Matth. LVIII, 4 (M. LVIII, 320).

⁵⁾ In Gen. Serm. I, 1 (M. LIV, 582); in *verba apost. Rom.* V, 3 (LI, 159); in *illud 1 Cor.* VII, 39—40; n. 2: de *libello repudii* (M. LI, 220); *contr. anom.* II, 5 (XLVIII, 716); in *psalm.* CXXIX, 3 (M. LV, 375).

⁶⁾ In *psalm.* III, n. 1 (M. LV, 36); in *psalm.* VI, 1 (M. LV, 71).

⁷⁾ In *Ioann.* I, 2 (M. LIX, 26).

⁸⁾ In Matth. I, 6 (M. LVII, 20).

⁹⁾ In *Ioann.* LVIII, 4 (M. LIX, 320) и др.

свидѣтельствуемъ чрезъ Писанія ¹⁾, въ писаніяхъ содержится свидѣтельство Отца (ср. Іоан. V, 39) ²⁾ и т. п.

Гораздо чаще говорящимъ въ св. писателяхъ или чрезъ св. писателей представляется *Сынъ Божій Христосъ*. Именно Христосъ далъ законъ Моисею (*Μωϋσῆ Αὐτός τὸν νόμον ἔδωκε*) ³⁾. Давшій законъ есть Тотъ, Кто воплотился, а Воплотившійся есть Тотъ, Кто далъ законъ ⁴⁾. Христосъ посылалъ пророковъ ⁵⁾ и говорилъ у пророковъ ⁶⁾. Словомъ, Христосъ основалъ Ветхій Завѣтъ ⁷⁾. Слѣдовательно, Онъ можетъ быть названъ Законодателемъ обоихъ завѣтовъ ⁸⁾. И донинѣ Христосъ какъ бы предстоить среди насъ, такъ какъ говорить къ намъ чрезъ пророковъ и учениковъ Своихъ ⁹⁾. Евангеліе спасенія, евангеліе Христова царствія одинаково возвѣщается пророками и апостолами. Писанія тѣхъ и другихъ—это царская трапеза Христова ¹⁰⁾. Христосъ представляется говорящимъ и въ отдѣльныхъ писателяхъ Новаго Завѣта. Самъ Единородный научалъ высшимъ догматамъ ап. Іоанна, этого сына грома ¹¹⁾. Къ написанію евангелія этотъ апостоль приступилъ побуждаемый именно Христомъ ¹²⁾. Еще характернѣе замѣчаніе Златоуста о книгѣ „Дѣяній“: „не погрѣшитъ тотъ, кто припишетъ это твореніе Луккѣ; а когда я говорю: ему, разумѣю Христа“ ¹³⁾. Подобнымъ образомъ, говоря о составленіи посланія къ галатамъ, Златоустъ выражается такъ: „Когда назову Павла, то разумѣю Христа, потому что онъ движетъ душою Павла“ ¹⁴⁾.

1) In Ioann. XL, 3 (M. LIX, 233).

2) Ibidem: (M. LIX, 233).

3) Contra anom. X, 5 (M. XLVIII, 791).

4) In psalm. XLVI, 6 (. LV, 216).

5) Hom. in Matth. XXII, 39 (M. LI, 37).

6) Hom. in Matth. XXI, 23 (M. LVI, 423).

7) Advers. iudaeos. demonstr... n. 2 (M. XLVIII, 815): τὴν Παλαιάν Αὐτός ἐνομοθέτησεν.

8) In Isa II, 4 (M. LVI, 182).

9) In Ioann. XXXI, 5 (M. LIX, 312).

10) Homilia de Legislatore; n. I (M. LVI, 397).

11) Contr. anom. IV, 3 (M. XLVIII, 730. 731).

12) In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

13) In Act. I, 1 (M. LX, 15).

14) Adv. iudaeos: III, 4 (M. XLVIII, 866); ср. II, I (M. XLVIII, 858)

Кромѣ общецерковной идеи о Христѣ, какъ *Посредникъ* въ сообщеніи откровеній Бога-Отца людямъ, только что изложенное ученіе Златоуста основывается именно на догматѣ о нераздѣльности существа и дѣйствованія божескихъ Лиць. „Для меня и для всякаго вѣрующаго, писалъ Златоустъ, остается твердымъ тотъ догматъ благочестія, что гдѣ представляется говорящимъ одинъ Отець, тамъ разумѣется вмѣстѣ Сынъ и Духъ Святой. Гдѣ говоритъ Сынъ, тамъ и власть Отца; гдѣ дѣйствуетъ Духъ Святой, тамъ дѣйствуетъ и Отець. Слава святой Троицы не раздѣляется, какъ не раздѣляется и ученіе истины“ ¹⁾. Съ точки зрѣнія этого „непоколебимаго правила вѣры“ тотъ человекъ, который имѣетъ въ себѣ Духа Божія, имѣетъ и Самого Христа. Христосъ находится всегда тамъ, гдѣ присутствуетъ Духъ ²⁾ Власть Сына и Духа Святаго—одна и та же ³⁾.

Нельзя не подмѣтить, однако, того факта, что выраженіями: „Христосъ говоритъ у пророка“ ⁴⁾ или „въ апостолѣ“ ⁵⁾, „Христосъ управляетъ и руководитъ душою апостола“ ⁶⁾ и т. п. Златоустъ обычно характеризуетъ *собственно откровенную дѣятельность Сына Божія. Боговдохновенность же, какъ даръ писательства, усваивается Златоустомъ Духу Святому.* Св. отцу Церкви было хорошо извѣстно ученіе о томъ, что домостроительство о людяхъ какъ бы раздѣлено между Богомъ—Отцомъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ ⁷⁾. Первое Лицо, по ученію Златоуста, есть Первоисточникъ божественнаго Откровенія, второе—сообщаетъ его людямъ, третье—усваиваетъ чрезъ вдохновеніе. Отець говоритъ, Сынъ—возвѣщаетъ, Духъ Святой утверждаетъ ⁸⁾.

Свойства Духа Божія, какъ непосредственнаго Вдохновителя св. писателей, указаны св. Златоустомъ обстоятельно, ясно и въ православно-церковномъ смыслѣ. Только безуміе еретиковъ можетъ поносить божеское достоинство Духа,

¹⁾ In Matth. XXI, 23; num; 5 (M. LVI, 422).

²⁾ In ep. ad Roman. XIII, 8 (M. LX, 519).

³⁾ In epist. Gal. I, 2 (M. LXI, 614).

⁴⁾ In Matth. XXI, 23; n. 6 (M. LVI, 423).

⁵⁾ In Ioann. II, 2 (M. LIX, 31).

⁶⁾ In psalm. XLVI, 3 (M. LV, 212).

⁷⁾ Hom. in Pentecost I, 2 (M. XLIX, 456).

⁸⁾ In Matth. XXI, 23; n. 6 (M. LVI, 423).

оскорблять достоинство Его благодати ¹⁾. Духъ Божій не есть часть творенія ²⁾. Глаголавшій во пророкахъ и апостолахъ есть Богъ и Господь ³⁾. Этотъ Духъ имѣеть высочайшую власть, царскую сущность, ту же божескую силу, какъ Богъ-Отець и Сынъ Божій ⁴⁾. Духъ Божій—единосущенъ Отцу и Сыну ⁵⁾; у Кого же одна сущность, у Того, очевидно, одна самобытность ⁶⁾. Духъ Божій прославляемъ Отцу, соцарствуемъ Сыну и, какъ таковой, обладаетъ всѣми божескими свойствами, каковы: божественное величїе, царственное достоинство, недосыгаемая слава, непостижимая сила ⁷⁾. Духъ Божій сроденъ Богу, какъ человѣческій духъ сроденъ человѣку, пребывая, однако, въ собственномъ Лицѣ ⁸⁾. Духъ Святой, поэтому, съ точностью знаетъ сущес въ Богѣ, какъ человѣкъ знаетъ находящееся въ немъ самомъ ⁹⁾. Поэтому, какъ человѣческое знаніе—равно самому себѣ, такъ совершенное знаніе Духа—равно знанію Божію ¹⁰⁾.

Соотвѣтственно такому ученію о божествѣ Духа Святаго, Златоустъ и на вдохновеніе св. писателей смотритъ, какъ на актъ божественный и сверхъестественный. Боговдохновенность постоянно представляется у св. отца Церкви непосредственнымъ и собственнымъ дѣломъ Духа Божія. Все сказано, все изречено въ божественныхъ писаніяхъ Духомъ Святымъ ¹¹⁾ По вдохновенію Духа Святаго написаны книги Ветхаго Заветъ. Такъ пророкъ Моисей былъ руководимъ наставленіями Св. Духа ¹²⁾ писалъ по внушенію благодати Духа ¹³⁾ по наученію Св. Духа (*ὀπὸ τῆς τοῦ ἁγίου Πνεύματος διδασ-*

¹⁾ Orat. de div. Trinitate: n. 10 (M. LVI, 514); ср. in illud: 2 Cor. VII, 4 (M. XLI, 448).

²⁾ Contr. anom. V. 2 (M. XLVIII, 737).

³⁾ Orat. de divin. Trinit. n. 9 (M. LVI, 514).

⁴⁾ In 2 ep. ad Coriuth VI, 2 (M. LXI, 439).

⁵⁾ Orat. in diem Pentecost. II, 2 (M. XLIX, 466).

⁶⁾ Ibidem: II, I (M. XLIX, 464).

⁷⁾ Orat. de divin. Trinitate: 5 (M. LVI, 507).

⁸⁾ In psalm. XLIV, 3 (M. VI, 187).

⁹⁾ Contr. anom. V, I (XLVIII, 737).

¹⁰⁾ In epist. I ad Corinth. VII, 4 (M. LXI, 59).

¹¹⁾ In Ioann. XXXVI, I (M. LIX, 203) ср. h. L, I (M. LIX, 277).

¹²⁾ In Gen. cap. II (LIII, 122); hom. XV, 3.

¹³⁾ In Gen. XIV, 2; cap. II (M. LIII, 112).

χαλίαι) ¹⁾, говорилъ Духомъ Святымъ ²⁾. Нерѣдко св. отецъ Церкви выражается въ вербально-динамическомъ смыслѣ, какъ напр.: „Духъ двигаетъ устами пророка Моисея ³⁾, общаетъ ⁴⁾, научаетъ ⁵⁾. Поэтому Моисей говорить не простыя слова, но слова Божіи, не свои слова, а слова Духа Святаго ⁶⁾. Пророческій писательскій даръ—также есть дѣло Духа Божія. „Все, что ни говорили пророки, они говорили по внушенію Духа“ ⁷⁾. Всякій пророкъ говорить именно по вдохновенію отъ Духа Святаго, говорить Духомъ Святымъ ⁸⁾. Духъ—это возбудитель пророческой силы; пророчество именно въ Духѣ имѣетъ для себя основу ⁹⁾! Духъ дѣйствовалъ во пророкахъ и чрезъ пророковъ ¹⁰⁾, говорилъ устами пророковъ ¹¹⁾. Боговдохновенность составителей агиографовъ также представляется у Златоуста благодатнымъ даромъ Духа Божія. Давидъ, напр., духовной лирой своей возвѣщаль то, что внушала ему Духъ Святыи ¹²⁾. Блаженный пророкъ этотъ позналъ великія тайны премудрости Божіей именно благодаря тому, что былъ удостоенъ высокой степени благодати Духа ¹³⁾. Слова псалмовъ принадлежать собственно благодати Духа, а не Давиду ¹⁴⁾.

Въ *Новомъ Заветѣ* боговдохновенность св. писателей также усволяется Златоустомъ именно *третьему Лицу* божественной Троицы. Самъ Христосъ не оставилъ апостоламъ чего-либо писаннаго, но вмѣсто писаній, даровалъ имъ благодать Духа ¹⁵⁾. Слѣдовательно, св. апостолы говорили и пи-

¹⁾ Ibidem: XXI, I; cap. V и VI (M. LIII, 175); X, 3; cap. I (LIII, 85).

²⁾ Ibidem:—X, (LIII, 85); cap. I.

³⁾ In Gen. III, 2 (M. LIII, 34); cap. 1.

⁴⁾ Ibidem: IV, 4; cap. 1 (M. LIII, 43).

⁵⁾ III, 3; cap. I (M. LIII, 35).

⁶⁾ Ibidem: XIV, I; cap. II, (LIII, III); XV, I; cap. II (M. LIII, 119).

⁷⁾ In Matth. XLI, 3 (M. LVII, 449).

⁸⁾ Hom. de div. Trinit. n. 9 (M. LVI, 513).

⁹⁾ Ibidem: 9 (M. LVI, 513).

¹⁰⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14) in Isa.: VI, 1; n. 2 (M. LVI, 100).

¹¹⁾ In Isa. LIII, 6—8 (по венеціанскому изданію мекитаристовъ 1887; п. 391).

¹²⁾ Orat. de divin. Trinitate; n. 9 (M. LVI, 513)

¹³⁾ In Genes. cap. I; h IV, 5 (M. LIII, 44).

¹⁴⁾ In psalm. CXLV, I; n 2 (M. LV, 520).

¹⁵⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 14).

сали не сами, но сила Духа чрезъ нихъ ¹⁾. Такъ Матѳеѣй написалъ свое евангеліе, исполнившись Духа Божія ²⁾. Евангелистъ Іоаннъ, когда писалъ, имѣлъ свѣтъ не отъ себя самаго, но отъ благодати Духа ³⁾. Апостоль возгласилъ только то, что слышалъ отъ Духа ⁴⁾. Въ немъ вѣщаль именно Утѣшитель, вездѣсушій; Духъ святости, Духъ правый, владычествующій, руководящій на небеса, дающій очи другія, способныя видѣть будущее, какъ настоящее ⁵⁾. Поэтому, когда мы читаемъ четвертое евангеліе, то должны внимать не рыбаю, не сыну Заведея, а Тому, Кто вѣдаетъ глубины Божіи, Духу Святому, Который двигалъ лиру св. евангелиста ⁶⁾. Подобнымъ образомъ и боговдохновенность апостола языковъ постоянно возводится Златоустомъ къ Духу Святому, какъ истинной ея Первопричинѣ. Ап. Павелъ говорилъ и писалъ не по внушенію своего разумѣнія, но движимый благодатію ⁷⁾. Изреченія св. апостола, изложенныя въ писаніяхъ его, суть дѣло благодати Духа ⁸⁾. Посланія написаны ап. Павломъ, лучше же сказать: Духъ Святой провѣщевалъ ихъ чрезъ него ⁹⁾. Такъ какъ голосъ апостольскій былъ движимъ Духомъ ¹⁰⁾, то въ словахъ апостольскихъ преподаны намъ Утѣшителемъ божественные законы и опредѣленія ¹¹⁾.

Изъ вышеизложеннаго легко видѣть, что если Златоустъ иногда и усволяетъ мысли и изреченія св. писаній Богу Отцу или Богу-Сыну, то это дѣлается имъ съ точки зрѣнія догматическаго традиціоннаго ученія *о единствѣ существа* божескихъ Лиць, съ одной стороны, и *о раздѣленіи* откровенной дѣятельности между тремя божескими Лицами,—съ другой. Безспорно, однако, что роль Духа Святаго въ составленіи св. писаній указана и описана св. отцомъ Церкви настолько

¹⁾ In Matth. XXXIII, 4 (M. LVII, 393).

²⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 15).

³⁾ In Ioann. XL, 2 (M. LIX, 231).

⁴⁾ In Ioann. VII, 1 (M. LIX, 63).

⁵⁾ In Ioann. I, 2 (M. LIX, 27).

⁶⁾ In Ioann. I, 2 (M. LIX, 26).

⁷⁾ In epist. I, ad Corinth. VII, 3 (M. LXI, 58); in. Rom. XIV, 3 (M. LX, 527).

⁸⁾ De stat. ad. popul. Antioch. I, 2 (M. XLIX, 18).

⁹⁾ In ep. ad Rom. XVI, 3 (M. LI, 187): n. 1.

¹⁰⁾ Hom. de presb. n. 3 (M. XLVIII, 696).

¹¹⁾ In illud: I Cor. VII, 39—40 (M. LI, 223); n. 4.

опредѣленными и точными чертами, что едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что онъ смотрѣлъ на боговдохновенность какъ на особенное, чрезвычайное и собственное дѣло третьяго Лица св. Троицы. Принявъ же въ соображеніе состояніе догматической науки въ вѣкъ Златоуста и то обстоятельство, что онъ не имѣлъ повода излагать догматъ о боговдохновенности во всей его полнотѣ, вслѣдствіе ея самоочевидной достовѣрности для вѣры современныхъ христіанъ, должно признать въ ученіи св. отца Церкви достаточную степень ясности и опредѣленности.

VIII.

Въ качествѣ органовъ вдохновляющаго и просвѣщающаго воздѣйствія Духа Святаго, Златоустъ указываетъ людей *съ высокими качествами духа*.

Важнѣйшимъ условіемъ для боговдохновенности св. писателей выставляется у Златоуста *нравственная чистота ихъ душъ*. Для общенія съ Богомъ требуется красота души, а не красота рѣчи или изысканность слова. Душа получаетъ все, когда возглашаетъ угодное Богу 1). Благодарить Духа сообщаетъ дары свои въ обиліи тогда, когда со стороны человѣка-писателя обнаружатся пламенное желаніе и возбужденный умъ 2). Истинно познавать величіе Бога, насколько это возможно, могутъ только люди святые 3). Св. писателей обоихъ завѣтовъ Златоустъ, дѣйствительно, называетъ святыми 4), блаженными 5) дивными людьми 6). Характеризуя этихъ писателей, Златоустъ обычно отмѣчаетъ въ нихъ высоту нравственныхъ качествъ, благодаря которой была возможна и близость ихъ къ Духу Божію. Такъ Моисей былъ рабомъ Божіимъ, близкимъ другомъ Бога, вѣрнымъ Богу и пр. 7). Сердце царя Давида прежде было очищено отъ грѣховъ благодатію Духа и только

¹ In psalm. IV, 2 (M. LV, 42).

² In Genes cap. I; III, 1 (M. LIII, 32).

³ In ps. CXXXIV, I (M. LV, 389).

⁴ De mutatione nominum (Act. XI, 1) (M. LI, 119); in illud: 2 Cor. XI, 1 (M. LI, 301); in Ath. LXXIII, 4 (LVIII, 645) и др.

⁵ De compunct. ad Demetrium monach. 1, 8 (M. XLVII, 405) и др.

⁶ De divin. Trinit. 6 (M. LVI 509).

⁷ In Ioann XIII, 1 (M. LIX, 85).

тогда могло производить „слово благое“ (ср. пс. LXVI, 2) ¹⁾ Пророкъ Давидъ могъ творить и пѣть свои дивныя псалмы только тогда, когда его умъ обновлялся и содѣлывался достойнымъ посѣщенія Св. Духа ²⁾. Та же нравственная чистота и духовное обновленіе требовались для вдохновенія св. пророковъ. Въ качествѣ примѣра указывается Златоустомъ пророкъ Елисей. Когда цари убѣждали его предсказать будущее (4 Цар. III, 15), онъ потребовалъ человѣка умѣющаго пѣть. Святой Духъ сходилъ на Елисея во время пѣнія человѣка, свѣдущаго въ этомъ искусствѣ. Это отнюдь не свидѣтельствуетъ, по истолкованію Златоуста, будто Духъ Святой очаровывался красивыми звуками. Пѣніе только содѣйствовало подъему настроенія и обновленію пророческой души, дѣлая изъ нея храмъ Духа Святаго ³⁾. Всѣ вообще пророки, какъ то: Моисей, презрѣвшій царскіе чертоги, Самуиль, воспитывавшійся въ храмѣ Божіемъ, Елисей, Іезекииль, оставившіе все, что имѣли, получали Святого Духа, именно по обнаруженіи добродѣтели своей ⁴⁾ Необходимость особенной душевной чистоты, какъ условія божественнаго вдохновенія, совершенно понятна. Будущее невозможно созерцать человѣку, прельщенному настоящимъ. Великія духовныя блага получаетъ только тотъ, кто земное почитаетъ какъ бы за тѣнь, за сновидѣніе. Отрѣшившись отъ настоящаго, души святыхъ пророковъ получали чрезъ это другія очи, способныя созерцать будущее. А отрѣшеніе это было именно дѣломъ собственныхъ усилій св. пророковъ, послѣ чего благодать Божія открывала имъ новыя другія очи для боговдохновенныхъ созерцаній ⁵⁾. Св. отецъ Церкви дѣлаетъ по сему предмету соотвѣтствующія разъясненія. Пока человѣческая душа вращается на землѣ, ее облегаютъ безчисленными цѣпями тѣло и тѣлесныя чувства. Но когда душа воспаряетъ, когда дѣятельность чувствъ направляется на ту же высоту, тогда сила духовной гармоніи и стройной мелодіи охватываетъ душу ⁶⁾.

¹⁾ In ps. XLIV, 1 (M. LV, 183).

²⁾ De Legislatore: I LIV, 402).

³⁾ De legislatore. n. 1 (M, LVI, 402).

⁴⁾ In Act. IV, 2, (M. LX, 44, 45).

⁵⁾ Ad Stelechium: II, 2 (M. XLVII, 413).

⁶⁾ Ibidem: II, I (M. XLVII, 412).

Нравственная чистота и отрѣшенность отъ всего земного, матеріальнаго разсматриваются у Златоуста въ качествѣ необходимыхъ условій боговдохновенности и въ періодъ Новаго Завѣта. Простые люди содѣлались апостолами Христова благовѣстія не благодаря знаменіямъ. Чистая жизнь, любовь къ человѣчеству (ср. Іоан. XIII, 35), которыми св. апостолы просіяли, содѣлали ихъ служителями Христа ¹⁾. Только тогда когда апостолы оставили все, что было у нихъ, они сподобились Духа ²⁾. Съ принятіемъ Духа, они измѣнились, стали выше всего плотскаго, такъ какъ, гдѣ является Духъ Святой, тамъ бранные становятся золотыми ³⁾ Св. апостолы, дѣйствительно, содѣлались ангелами свѣта, служителями высшихъ дѣлъ ⁴⁾. Они писали все не для суетной славы, не для возбужденія удивленія къ себѣ, какъ это дѣлали внѣшніе мудрецы, а для идеальныхъ цѣлей спасенія человѣчества ⁵⁾. Поэтому, въ ихъ книгахъ обнаруживаются достойныя удивленія правдолюбіе, безпристрастіе и скромность ⁶⁾.

Въ частности, *евангелистъ Іоаннъ* называется у Златоуста святымъ сосудомъ, возлюбленнымъ ученикомъ Христовымъ. Возлежа на персяхъ господнихъ, онъ какъ бы почерпалъ изъ нихъ божественныя струи (*τα ὄπλα πηρὰς ἐκείθεν ἀρροίμενος*) ⁷⁾. *Евангелистъ Лука*, какъ и многіе христіане того вѣка, обладалъ чрезвычайными дарами Духа Божія ⁸⁾. *Апостоль Петръ* явилъ высочайшій образъ жизни. Онъ творилъ чудеса, превышающія естество (Дѣян. III, 2—6). Но высокой чести апостольства онъ удостоился не столько за свои знаменія, сколько за свою жизнь, за любовь, за пламенную ревность къ вѣрѣ (Іоанн. XXI, 13—17; Матѳ. XVI, 16—18).

Особенно часто Златоустъ останавливается на высокомъ нравственномъ обликѣ *апостола Павла* Душа великаго апостола—это цѣлый духовный рай ⁹⁾. Въ душѣ этой—цѣлый

¹⁾ In inscriptionem. Actorum: u 8, 4 (LI, 8283).

²⁾ In Act. VI 2 (LX, 44, 45).

³⁾ In Act. IV, 3 (M. LX 46).

⁴⁾ In Act. IV. 2 (M. LX, 45).

⁵⁾ De Laz. III, 2, 3, (M. XLVIII 994).

⁶⁾ In Іоан. XLVIII, 1 (M. LIX, 270); XVII- 3 (M. LIX, 112); XXIX, 2 (M. LIX, 168).

⁷⁾ Contr, anom. IV, 3 (M. XLVIII, 730).

⁸⁾ In Act. 1, 2 (LX, 17).

⁹⁾ De laud. apost. Pauli: h. 1 (M. L, 473).

снмъ добродѣтелей¹⁾. Св. Павелъ больше всѣхъ людей показаль насамомъ себѣ, каково—благородство человѣческой природы и къ какой добродѣтели способно существо наше²⁾. Душу апостола украшали мужество³⁾, превосходство ревности, сердечное благородство⁴⁾, смиренномудріе⁵⁾. Яркимъ пламенемъ горѣла въ апостолѣ любовь ко Христу и всему человѣчеству⁶⁾. Величіе апостола языковъ именно въ любви этой. Желѣзо, брошенное въ огонь, все дѣлается огнемъ. Такъ и апостолъ Павелъ, пылая огнемъ любви, весь сталъ любовію. Всю вселенную обнимала святая душа его, всѣхъ заключала въ себѣ⁷⁾. Такія свойства души апостола привлекли къ ней благодать Духа Божія. Даръ Духа обильно излился на апостола именно потому, что онъ хорошо очистилъ свою душу⁸⁾. Задавая вопросъ, отчего ап. Павелъ сдѣлался великимъ, Златоустъ, поэтому, отвѣчаетъ на него такъ: самъ отъ себя и отъ Бога; отъ Бога потому, что самъ отъ себя⁹⁾.

Вышеизложенныя характеристики нравственныхъ свойствъ св. писателей Ветхаго и Новаго Заветовъ въ достаточной мѣрѣ освѣщаютъ точку зрѣнія Златоуста на то, чѣмъ были эти писатели въ этическомъ отношеніи.

Точка зрѣнія Златоуста, однако, не была безусловной, недопускающей исключеній. Св. отцу Церкви хорошо извѣстны, хотя и рѣдкіе, немногіе, случаи боговдохновенности лицъ нравственно недостойныхъ сего. Такъ пророчествовалъ Каиафа-первосвященникъ, хотя и былъ недостойнъ дара пророческаго. По истолкованію Златоуста, Каиафа говорилъ то, что самъ не разумѣлъ. Только устами его воспользовалась благодать. Но она не коснулась нечистаго сердца первосвященника¹⁰⁾. Также предсказывали будущее, пророчествовали

¹⁾ In Genes, XI, 5 (M. LIII, 95); de laud. Pauli: II (M. L, 478).

²⁾ In inscriptionem Actorum: II, 4, 5, 6 (M. LX, 83—86).

³⁾ De laud. ap. Pauli: II (M. L, 478).

⁴⁾ In 1 epist. ad Corinth, XXV, 4 (M. LXI, 210).

⁵⁾ De laud. ap. Pauli: h. VII, (M. L, 510).

⁶⁾ In ep. I ad Corinth. XXXLIII, 5 (M. LXI, 328).

⁷⁾ In Ioann. XXXI, 3 (M. LIX, 189).

⁸⁾ De laud. P. III (L, 486) ср. in Rom, praef. 2 (M. LX, 394).

⁹⁾ De laud. ap. Pauli: h. (M. L, 493).

¹⁰⁾ Ibidem: VII, (L, 510).

¹¹⁾ In Ioann. h. LXXV, 1 (M. LIX, 361).

Навуходоносоръ, фараонъ, Валаамъ, не будучи достойны того¹⁾. Св. отецъ Церкви видитъ особую силу Духа именно въ томъ, что даже изъ лукавыхъ душъ человѣческихъ Онъ смогъ извлечь слова, полныя чуднаго пророчества²⁾. Въ то же время Златоустъ дѣлаетъ опытъ для объясненія того факта, почему Божія благодать дѣйствуетъ и чрезъ недостойнаго. Богъ обыкновенно присутствуетъ въ людяхъ недостойныхъ ради пользы многихъ. Богъ благоволилъ говорить съ Каиномъ ради Авеля, съ дьяволомъ ради Іова, съ фараономъ ради Іосифа, съ Навуходоносоромъ ради Даниила, съ Валтасаромъ ради него же. Волхвамъ было откровеніе, и Каиафа пророчествовалъ ради достоинства священнаго сана, несмотря на то, что былъ убійцею Христа и недостойнымъ; можетъ быть, поэтому, и Ааронъ не былъ пораженъ проказою³⁾. Именно для цѣлей спасенія Богъ дѣйствуетъ чрезъ людей, хотя бы они были недостойны, сего. Для спасенія народа Богъ дѣйствуетъ чрезъ Валаама, человѣка нечестиваго (Числ. XXII), дѣйствовалъ чрезъ Іуду и чрезъ такихъ пророковъ, которымъ нѣкогда скажетъ: „незнаю васъ: отойдите отъ Меня всѣ дѣлатели неправды“. (ср. Лук. XIII, Матѳ. 27. VII, 23)⁴⁾.

Однако, всѣ вышеуказанные случаи отнюдь не уничтожаютъ общаго правила, по которому благодать Духа не дѣйствуетъ между нечестивыми⁵⁾. Духъ, по выраженію Златоуста, отступаетъ отъ грѣшника какъ отступая голубь, видя грязь⁶⁾. Для доказательства сего Златоустъ приводитъ слѣдующій примѣръ изъ библейской исторіи. Царь Озія совершилъ святотатство въ храмъ господнемъ, за что былъ пораженъ проказою (2 Пар. XXVI. 16—21). Во все время правленія царя этого Господь не вдохновлялъ пророковъ, благодать Духа не дѣйствовала, между Богомъ и людьми была вражда. Со смертію Озіи уничтожилась причина нечистоты, прекратился Божій гнѣвъ, и пророческое вдохновеніе возвратилось. Этимъ именно Златоустъ объясняетъ, почему видѣніе славы Господа среди серафи-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem: M. LIX, 361.

³⁾ In epist. ad Coloss. III, 5 (M. LXII, 323).

⁴⁾ In ep. 2 ad Timoph. II, 3 (M. LXII, 610).

⁵⁾ Ср. in Isa. IV, 6 (M. LIV, 128).

⁶⁾ In psalm. L, (M.V, 530).

мовъ пророкомъ Исаіей имѣло мѣсто только послѣ смерти нечестивца-царя (Иса. VI, 1) ¹⁾.

Если въ нравственномъ отношеніи св. писатели были людьми особаго избранія и святости, то въ *умственномъ отношеніи*, по большей части, то были люди простые, не книжные, хотя и одаренные чрезвычайнымъ даромъ духовной мудрости.

Конечно, нѣкоторые изъ св. писателей обладали *мірскою, свѣтскою мудростію*. Такъ великій Моисей, воспитываясь въ царскомъ домѣ, былъ наученъ всей египетской премудрости (ср. Дѣян. VII, 22), былъ силенъ въ разумѣ (ἐν λόγῳ=ibidem) ²⁾. Царь Соломонъ былъ мудрымъ больше всѣхъ людей, жившихъ прежде него и послѣ него, былъ предметомъ удивленія во всемъ, что дѣлалъ и говорилъ ³⁾. Ап. Павелъ былъ ученикомъ знаменитаго Гамалиила ⁴⁾. Совершенство, искусство въ словѣ великаго апостола были таковы, что даже невѣрующіе называли его Гермесомъ ⁵⁾. Поэтому, онъ былъ искусенъ и въ преподаваніи слова евангельскаго (Θεοῦ δ' ἀπὸρρέτης τῆν πρόθεσιν) ⁶⁾. Пророкъ Исаія обладалъ „выскимъ умомъ“ ⁷⁾.

Но свѣтское образование было *достояніемъ немногихъ*. Златоустъ справедливо видитъ особое устройство благодати Духа въ томъ обстоятельствѣ, что составители св. книгъ были именно люди простые и неученые: мытари, рыбаки, дѣлатели палатокъ, пастыри овецъ, козъ и пр. ⁸⁾. Самъ великій Моисей, обнявшій все любомудріе ⁹⁾, потомъ пренебрегъ царскою обстановкою, добровольно перешелъ къ глинѣ, къ дѣланію кирпичей ¹⁰⁾. Апостоль языкъ также былъ человѣкъ простой, занимался кожевеннымъ ремесломъ. Жилъ въ своей мастерской, работалъ долотомъ. Не обнаруживая крас-

¹⁾ In Isa. IV, 6 (M. LVI, 128).

²⁾ Hom. Cum. presb. fuit... (M. XLVII, 697. 698).

³⁾ Synops. Sacrae Script. (M. LVI, 370).

⁴⁾ In Act. XIV, 1 (M. LX, 111).

⁵⁾ In ep. ad Rom. praef. (M. LX, 392).

⁶⁾ De poenit. VII. 1, (M. XLIX, 323).

⁷⁾ In Isa. praef. (M. LVI, 11).

⁸⁾ De Laz III, 2 (M. XLVIII, 994); in Matth. I, 6 (M. LVII, 20); in I Cor III, 4 (LXI, 48).

⁹⁾ Hom. I Cum presbyter fuit ordinatus; n. 3 (M. XLVII, 697. 698).

¹⁰⁾ Ibidem; ср. in illud: Act. IX, 4 (M. LI, 134); n. 2.

норѣчя, онъ называлъ себя „невѣждою въ словѣ“ (*ἰδιώτης τῶ λόγῳ*) (2 Кор. XI, 6) ¹⁾. Даже возвышенный евангелистъ Иоаннъ былъ человѣкъ необразованный, некнижный ²⁾ и пр.

Такихъ-то людей, *необразованныхъ по внѣшнимъ законамъ* ³⁾, благодать Духа содѣлала мудрыми, сильными мыслью ⁴⁾. Царь Давидъ чрезъ божественное вдохновеніе позналъ „безвѣстная и тайная премудрости“ (Ис. L, 8) ⁵⁾. Въ писаніяхъ Исаи содержится море мудрости и глубина мысли ⁶⁾. Евангелистъ Иоаннъ возвѣстилъ человѣчеству столь возвышенныя ученія, столь превосходныя правила жизни, такую мудрость, такое любомудріе, которыя, безъ сравненія, превосходятъ всѣ системы внѣшнихъ мудрецовъ ⁷⁾. Апостолъ Павелъ проявилъ въ проповѣди и писаніяхъ своихъ изумительный умъ, совершенный разумъ, глубину мудрости, неслыханное богатство любомудрія ⁸⁾.

IX.

По вопросу о взаимоотношеніи божественнаго Вдохновителя и человѣка-писателя Златоустъ рѣшительно утверждаетъ, что вліяніе Духа Божія *было преобладающимъ, господствующимъ*. Если св. писатель и можетъ быть названъ составителемъ св. книги, то это—постольку, поскольку „говорилъ въ Духѣ Божіемъ“ или: „поскольку Духъ Божій говорилъ въ немъ“.

Человѣческое, по представленію Златоуста, какъ бы заслонялось въ св. писателяхъ божескимъ. Св. писатели *говорили не отъ самихъ себя, а по внушенію благодати Духа* ⁹⁾. Лично отъ самихъ себя боговдохновенные писатели ничего не сообщили. Именно вдохновеніе отъ божественной и пренебесной благодати было источникомъ содержанія св. книгъ ¹⁰⁾.

¹⁾ De laud. ap. Pauli: IV (M. L. 491); in ep. ad. Rom. praef. 2 (M. LX, 393).

²⁾ In Ioann. II, 2 (LIX, 31).

³⁾ In Matth. XXXIII, 1 (M. LVII, 389).

⁴⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

⁵⁾ In. Gen. IV, 5 (M. LIII, 44).

⁶⁾ De proph. obscur. I, 1 (M. LVI, 163).

⁷⁾ In Ioann. II, 1 (M. LIX, 30); II, 4 (LIX, 34. 35).

⁸⁾ Hom. de Legislat. I (M. LVI, 398); de verbis ap.: Cor. IV, 13; n. I (M. LI, 290) и др.

⁹⁾ In Gen. XIV, 2 (LIII, 112).

¹⁰⁾ In psalm. VII, 11 (M. LV, 57); in Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

Для наученія рода человѣческаго св. писатели произносили своимъ языкомъ только то, что имъ внушала благодать Духа ¹⁾. Поэтому, слова св. писателей скорѣе должны быть усвоены божественному Вдохновителю, чѣмъ имъ самимъ. Изрекали слова, излагали повѣствованія, сообщали ученія и пр. не св. писатели, напр. Малахія ²⁾, ап. Павелъ ³⁾, Моисей ⁴⁾, Давидъ ⁵⁾, св. Матѳей ⁶⁾, но именно божественная благодать, Богъ, Духъ Божій, Христось чрезъ нихъ, посредствомъ ихъ устъ ⁷⁾. Именно чрезъ Духа Божія св. писатели, напр. пророки, говорили то, что говорили ⁸⁾. Св. писатель только предоставлялъ свой языкъ, а благодать Божія ясно научаетъ чрезъ него человѣческій родъ ⁹⁾.

Роль св. писателя была, слѣдовательно, чисто служебной. Св. писатели не были сочинителями въ собственномъ смыслѣ, а только служителями божественнаго слова, такъ какъ не сами производили сказанное ими, но только послужили сказанному ¹⁰⁾. Когда ап. Павелъ рассуждаетъ о дѣвствѣ или бракѣ (ср. 1 Кор. VII, 10, 12), то не свои повелѣнія, не человѣческія сужденія онъ излагаетъ, а узаконенія Самого Христа. Именно Христось излагаетъ законы, двигая душою ап. Павла ¹¹⁾. Возвышенные догматы евангелиста Іоанна также не имѣютъ въ себѣ ничего человѣческаго: это ученіе Духа ¹²⁾. Сила словъ евангелиста происходила не отъ человѣческой мысли, а отъ силы и благодати Духа ¹³⁾. Всю вселенную объять и наполнить гласомъ своимъ евангелистъ, такъ какъ языкомъ его двигала сила бо-

¹⁾ In. Genesin: IV, 2 (LIII, 41).

²⁾ De libello repudii: II, 2; n. 2 (M. LI, 220).

³⁾ De verbis ap.: XVI, 3 ep. ad Rom. (M. LI, 187); in Matth. XXIII, 1 (M. LVII, 307).

⁴⁾ In Gen. XX, 1 (M. LIII, 166).

⁵⁾ In psalm. CXLV, 2 (M. LV, 520).

⁶⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 20); in Gen. XV, 2 (M. LIII, 120) cap. II; LIV, 2; cap. XXVII (M. LIV, 473).

⁷⁾ In Gen. VIII, 1; cap. 1 (M. LII, 78).

⁸⁾ In Matth. XII, 3 (M. LVII, 449).

⁹⁾ In. Gen. XXI, 1 (LIII, 176).

¹⁰⁾ Hom. de lectione Actorum. n. 3 (M. LI, 101).

¹¹⁾ De virg. 12 (M. XLV^{III}, 541).

¹²⁾ In Ioann. II, 3 (M. LIX, 33); III, 1 (M. LIX, 38).

¹³⁾ In Ioan. III, 1 (M. LIX, 38).

жественной благодати 1). Съ точки зрѣнія Златоуста, состояніе боговдохновеннаго писателя было состояніемъ подчиненія и зависимости. Служители Духа Божія, водимые и управляемые Имъ, зависятъ отъ власти Духа, а потому не могутъ быть всегда господами своей воли 2).

Самый образъ выраженій Златоуста касательно божественнаго вліянія Св. Духа на св. писателя доказываетъ, что человѣкъ-писатель представлялся ему *простымъ орудіемъ высшей Силы*. Обычно св. отецъ Церкви пользуется для этого тремя оборотами. Иногда составитель изображается какъ субъектъ дѣйствія; божественное же вліяніе—силой дѣйствующей или первопричиной, почему обозначается чрезъ „*dativus causae*“. Въ этомъ смыслѣ Златоустъ говоритъ: „апостоль написалъ это Духомъ“ 3) или „пророкъ говоритъ это по дару пророческому 4). Во-вторыхъ, Богъ называется у Златоуста Виновникомъ вдохновенія, а человѣческой составитель св. книги—Его орудіемъ, при чемъ употребляется „*genitivus instrumenti*“ съ предлогомъ (—обыкновенно: „*διὰ*“). Въ этомъ смыслѣ св. отецъ выражается: „человѣколюбивый Богъ говоритъ чрезъ пророка“ 5). Такой же отгѣнокъ имѣютъ выраженія, въ которыхъ писатель является простымъ объектомъ и конечной цѣлью божественной дѣятельности, каковы напр.: „Духъ двигалъ эту лиру“ 6), Духъ двигалъ души евангелистовъ-писателей 7) и др. Наконецъ, въ третьихъ случаяхъ взаимоотношеніе Бога и человѣка представляется подъ формой гармоническаго объединенія, какъ нѣчто цѣлое. Примѣромъ этого служить, напр., формула: „апостоль имѣеть въ себѣ Христа говорящимъ 8) и др.

Обращаясь къ болѣе подробному анализу той характеристики, которую даетъ Златоустъ кругу дѣятельности Бога и человѣка въ актѣ боговдохновенности, легко найти въ его ученіи основныя моменты этого акта, каковы: побужденіе къ

1) Ibidem: I, 1 (M. LIX, 25)

2) In 2 ep. ad Cor. III, 3 (M. LXI, 408).

3) De abstinentia secund. connub. II, 1 (M. XLVIII, 611) и др.

4) In Genes. XV, 3 (M. LIII, 122); cap. II, 4 (LIII, 123) и др.

5) In Genes. cap. I, III, 2 (M. LIII, 34) и др.

6) In Ioann. I, 2 (M. LIX, 26 и др.).

7) In Ioann. IV, 1 (M. LIX, 47).

8) De virgin. n. 12 (M. XLVIII, 541. 542); adv. anom. II, 5 (XLVIII, 716) и др.

составленію того или другого писанія, непосредственное руководство Св. Духа, предохраненіе отъ погрѣшностей и пр.

Возбужденіе къ писательскому боговдохновенному творчеству было непосредственнымъ божественнымъ актомъ. Если именно люди простые, неученые сложили (*συνθεῖναι*) св. книги, то такъ устроила (*οικονομήσεν*) благодать Духа ¹⁾. Слова Господа преданы письмени именно дѣйствіемъ благодати Духа“ (*ἡ τοῦ Πνεύματος χάρις γραφή τοῖς τοῦ Κυρίου λόγους παραδοθήναι παποίησεν*) ²⁾. Касательно отдѣльныхъ писателей или св. книгъ моментъ внутренняго божественнаго побужденія обозначается иногда у Златоуста весьма рельефно. Напр., о Моисеѣ онъ говорить такъ: „Тотъ, Кто призвалъ небо и землю изъ небытія въ бытіе, подвигъ и языкъ Моисея къ повѣствованію о нихъ“ ³⁾. Книга Дѣяній у него называется устроеніемъ Духа ⁴⁾. Даже въ отдѣльныхъ частяхъ св. Библии вліяніе божественнаго возбуждающаго дѣйствія—несомнѣнно. Не дѣломъ, напр., ап. Павла, а дѣломъ благодати Духа было то, что даже малозначительныя, повидимому, изреченія не только сказаны, но и изложены письменно (*οὐ τὸ λεχθῆναι μόνον, λέγω, ἀλλὰ καὶ τὸ γραμμοσιν ἐντεθῆναι*) ⁵⁾.

Но кромѣ внутренняго сверхъестественнаго побужденія къ писательству, Златоустъ, подобно другимъ отцамъ и учителямъ Церкви, различаетъ еще *внѣшнія естественныя побужденія* въ тѣхъ или другихъ подробностяхъ жизни, нуждахъ общества и внѣшнихъ поводахъ частнаго рода.

Если Духъ Божій былъ возбудителемъ писательской силы ⁶⁾, то внѣшнія причины ставили предъ боговдохновенными писателями болѣе или менѣе *опредѣленныя задачи*. Это Златоустъ прекрасно разъясняетъ въ исторіи написанія четырехъ евангелій. Евангелистъ *Матвей* былъ возбужденъ къ составленію своей книги просьбой увѣровавшихъ іудеевъ, почему въ его евангеліи особенно настойчиво доказывается происхождение Христа отъ Авраама и Давида ⁷⁾. Для еван-

¹⁾ De Laz. III, 2 (M. XLVIII, 994).

²⁾ De Laz. VII, 2 (M. XLVIII, 1048).

³⁾ In Gen. II, 2 (M. LIII, 28); срав. praef. in psalm. (M. LV, 533): h. de div. Trin. 9 (LVI, 513).

⁴⁾ In Act. III, 1 (LX, 34).

⁵⁾ De stat. I, 2 (LIX, 18).

⁶⁾ Hom. de div. Trinit. (M. LVI, 513).

⁷⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

гелиста *Марка* таковымъ же внѣшнимъ поводомъ послужила просьба учениковъ въ Египтъ ¹⁾. Третье евангеліе предназначалось для Теофила: *ев. Лука* для удостовѣренія Теофила хотеть дать „твердое основаніе“ тому ученію, котораго онъ сдѣлался послѣдователемъ (I, 4) ²⁾. Наконецъ, *евангелистъ Іоаннъ* приступилъ къ своему труду побуждаемый Христомъ ³⁾, съ цѣлю раскрыть ученіе о божествѣ Христа, почему этотъ евангелистъ начинаетъ свое писаніе не съ земного, а прямо съ небеснаго ⁴⁾.

Дѣйствіе внѣшнихъ причинъ и поводовъ къ написанію особенно ясно обнаруживается въ исторіи *посланій ап. Павла*. (ср. 1 Кор. VII, 1). Апостоль языкъ вообще писалъ посланія, побуждаемый какою-нибудь причиною и цѣлю (*ibidem*) ⁵⁾. Такъ посланіе къ *римлянамъ* написано по требованію обстоятельствъ не только въ похвалу и поощреніе, но и для нравственной пользы римлянъ, потому что они имѣли нужду въ исправленіи посредствомъ посланія ⁶⁾. *Первое посланіе къ коринтянамъ* почти во всѣхъ своихъ частяхъ находилось въ органической связи съ состояніемъ христіанской общины города Коринфеа; слѣдовательно, служило отзвукомъ современности. Посланіе было вызвано раздѣленіемъ коринфской церкви на партіи, появленіемъ кровосмѣшника, участіемъ нѣкоторыхъ изъ христіанъ въ идоложертвенныхъ трапезахъ, обращеніемъ за разборомъ дѣлъ къ внѣшнимъ судилищамъ, нарушеніемъ порядка на вечерахъ любви, превозношеніемъ обладателей духовными дарованіями, неправильнымъ ученіемъ о воскресеніи тѣлъ (ср. 1 Кор. III, 4; V; I; VI, I; VIII, I; XI, 20; XII, I; XV, 12) и т. п. ⁷⁾. *Второе посланіе* было написано, напротивъ, съ цѣлю похвалить и принять коринтянъ въ свое благоволеніе, потому что послѣ перваго посланія они сдѣлались лучшими: отлучили соблудившаго отъ Церкви (2 Кор. II, 5. 6), благосклонно приняли Тита (2 Кор. VII, 15) и т. д. Совершенно естественно, что и

1) *Ibidem*.

2) *Ibidem*.

3) *Ibidem*.

4) In Matth. I, 3 (LVII, 17).

5) In ep. ad Rom. praef. (M. XL, 393).

6) *Ibidem*.

7) In I epist. ad Corinth; praef. (M. LXI, II. 12).

тонъ второго посланія, въ сравненіи съ первымъ, гораздо мягче: за исключеніемъ рѣчи противъ высоко о себѣ мудрствовавшихъ христіанъ изъ іудеевъ (2 Кор. XI, 12), посланіе—чуждо угрозъ и упрековъ ¹⁾. *Посланіе къ ефесянамъ* исполнено весьма возвышенныхъ и необъятныхъ созерцаній, такъ какъ городъ Ефесъ былъ мѣстожителемъ для многихъ знаменитыхъ философовъ, каковы: Пифагоръ, Парменидъ, Зепонъ, Демокритъ, и граждане его были склонны къ глубокомыслию ²⁾. *Посланіе къ филиппійцамъ* было вызвано безпокойствомъ ихъ о судьбѣ великаго апостола, находившагося въ Римѣ въ узахъ (ср. Филип. I, 13), къ которому они, по этой причинѣ, послали Епафродита (IV, 18) ³⁾. *Посланіями къ вессалоникійцамъ* ап. Павелъ хотѣлъ замѣнить для нихъ недостатокъ своего личнаго присутствования, въ которомъ они очень нуждались, такъ какъ лежеучители возмущали вѣру нѣкоторыхъ изъ нихъ неправильными мнѣніями о воскресеніи ⁴⁾. *Первое посланіе къ Тимофею* было вызвано тѣмъ, что послѣднему была препоручена уже для управленія отдѣльная церковь ⁵⁾. Поэтому и чрезъ *второе посланіе* апостоль утѣшаетъ Тимофея, можетъ быть, скорбѣвшаго, вслѣдствіе неисполненія апостоломъ своего обѣщанія посѣтить своего ученика лично и по случаю, съ другой стороны, принятія имъ въ то время епископской власти ⁶⁾. *Посланіе къ Филимону* имѣло совершенно опредѣленный поводъ въ судьбѣ раба Онисима, котораго ап. Павелъ препоручалъ его господину, чтобы этотъ послѣдній во всемъ его простилъ и принялъ, какъ уже возрожденнаго ⁷⁾.

Легко—видѣть, что внѣшнимъ причинамъ происхожденія св. писаній Златоустъ придавалъ важное и существенное значеніе. Но съ его точки зрѣнія, очевидно, эти *внѣшніе поводы неразрывно соединялись съ внутренними побужденіями отъ Духа Божія*. Освященные Имъ, они производили то, что самыя писанія отвѣчали не на временныя только потребности жизни, а на вѣчные запросы духа.

¹⁾ In 2 epist. ad Corinth. h. II, 1 (M. LXI, 383).

²⁾ In ep. ad Ephes. praef. (M. LXI, 9—10).

³⁾ In epist. ad Philipp. praef. (M. LXI, 179).

⁴⁾ In 2 ep. ad Thessal. praef. h. II (M. LXI, 469).

⁵⁾ In 1 ep. ad Tim. (LXI, 503); praef.

⁶⁾ In 2 ed. ad Timoph. h. I (M. LXI, 600); n. I.

⁷⁾ In ed. ad Phil. praef. (M. LXI, 701).

На ряду съ божественнымъ побужденіемъ къ написанію какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ, Златоустъ отмѣчаетъ и другой моментъ: *непосредственное руководство св. писателя Духомъ Святымъ во время самой писательской работы*. Такой именно смыслъ имѣютъ слова св. отца Церкви, напр., о псалмопѣвцѣ Давидѣ: то, что онъ говорилъ, не было чѣмъ-либо человѣческимъ, но онъ возвѣщалъ небесное и духовное не отъ собственного избрѣтенія, а отъ божественнаго дѣйствія) или: *изрекаемое имъ происходило не отъ человѣческаго усилія, но отъ божественнаго вдохновенія, которое возбуждало его* ²⁾. То же самое говоритъ Златоустъ и о пророческомъ вдохновеніи, напр. Исаи: такъ какъ вдохновенный пророкъ ничего отъ себя не привноситъ, то между пророческимъ вдохновеніемъ и естественнымъ предугадываніемъ такое же большое различіе, какъ между благоразуміемъ человѣческимъ и божественною благодатію ³⁾.

На основаніи такого ученія о вліяніи Духа Божія на человѣка—писателя Златоустъ и различаетъ въ послѣднемъ чувствіи и мысли естественнаго происхожденія отъ тѣхъ, которыя происходятъ чрезъ *сверхъ-естественное вліяніе божественной Силы*. Вторая книга Царствъ сохранила, напр., слѣдующія слова царя Давида: „сберегите мнѣ отрока Авессалома“ (2 Цар. XV^{III}, 5). Седьмой псаломъ, напротивъ, содержитъ такое изреченіе: „упалъ въ яму, которую приготовилъ“ (пс. VII, 16). Если оба мѣста относятся не къ двумъ лицамъ, а къ одному, именно: къ Авессалому, то, по мнѣнію Златоуста, первое Давидъ могъ говорить по естественному побужденію природы ⁴⁾, а послѣднее по вдохновенію Духа. Еще болѣе проявлялось это различіе между естественнымъ и сверхъестественнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вдохновеніе соединялось съ откровеніемъ. У пророка Исаи есть изреченіе, приводимое ап. Павломъ въ посланіи къ коринтянамъ, что Богъ уготовалъ любящимъ Его то, чего не видѣлъ глазъ, не слышало ухо, что не приходило на сердце человѣка (1 Кор. 2, 9; Иса LXIV, 4). Златоустъ задается по сему поводу вопросомъ: если св. про-

¹⁾ In psalm. XLIV, I (M. LV, 183).

²⁾ In psalm. XLIV, I (M. LV, 183).

³⁾ In Isa. III, 2 (M. LVI, 42).

⁴⁾ In psalm. VII, 12 (M. LV, 100).

роки предвозвѣстили о будущемъ домостроительствѣ Божіемъ, то какъ же оно не входило на сердце человѣка и какъ же его не слышало человѣческое ухо? Апостоль, по истолкованію Златоуста, говоритъ о всемъ естествѣ человѣческомъ, а не о пророкахъ только. Пророки слышали божественныя откровенія: но слухъ пророческій не былъ слухомъ человѣческимъ; не какъ люди слышали они, а какъ пророки. Слѣдовательно, пророческія откровенія, дѣйствительно, не входили на человѣческое сердце прежде, чѣмъ не восприняты были св. пророками. Но послѣ дарованія Духа сердце пророковъ было уже не сердцемъ человѣческимъ, а сердцемъ духовнымъ ¹⁾. Въ другомъ случаѣ сверхъестественное вліяніе Духа на пророка обозначается Златоустомъ еще рѣшительнѣе: „пророчествующій говоритъ все отъ Духа, такъ что его дѣло есть всецѣло даръ“ ²⁾. Всѣ высокія свойства, обнаруживаемыя св. писателями въ своихъ книгахъ: премудрость, глубокомысліе, благоразуміе, опытность и др. произошли именно благодаря воздѣйствію божественной благодати: виновникомъ ихъ былъ именно Св. Духъ. Если, напр. пророкъ Моисей обнаруживаетъ въ своемъ повѣствованіи удивительный разумъ, то источникомъ его было именно наученіе Духа (*τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἡ διδασκαλία*) ³⁾. Въ готовности къ дѣятельности ничто не могло сравниться съ духомъ ап. Павла или лучше не съ его духомъ, а съ благодатію, которая въ немъ дѣйствовала и побѣждала все, такъ какъ онъ не самъ достигъ этого ⁴⁾. Конечно, такое преобладающее вліяніе Духа Божія на человѣка-писателя не исключало, съ его стороны, источниковъ естестваго знанія. Иногда св. писатели, какъ напр. составитель „Дѣяній“ и евангелистъ Іоаннъ, ссылались на свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ (ср. Лук. I, 2; Іоанн. XIX, 35; Дѣян. X, 41). Но это дѣлалось для людей, которые были еще очень далеки отъ познанія Духа. На самомъ же дѣлѣ, внушенія Духа—точнѣе и основательнѣе свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ, напр. зрѣнія, хотя и не для людей невѣрующихъ ⁵⁾.

¹⁾ In 1 epist. ad Corinth. VII, 3 (M. LXI, 58).

²⁾ In ep. I ad Corinth. XXXII, 2 (M. LXI, 265).

³⁾ In Genes. XXI, I; cap. V—VI (M. LIII, 176); XII, II; cap. II (M. LIII, 99).

⁴⁾ In ep. I ad Corinth. h. VI, I (M. LXI, 47).

⁵⁾ In Act. I, 2 (M. LX, 16. 17).

Характеризуя въ актѣ боговдохновенности моментъ непосредственнаго руководствованія Духомъ св. писателя, Златоустъ иногда прямо обозначаетъ *содержаніе, предметъ внушенной Духа*. Это были: возвышенныя истины вѣры, правила духовной жизни, событія изъ исторіи міра и домостроительства спасенія людей. Такъ устами пророка Моисея челоуѣколюбивый Богъ научаетъ людей, каковъ былъ порядокъ творенія, Кто былъ Творцомъ всего, какъ произошла всякая вещь и т. д. ¹⁾. Въ то время, какъ по соображеніямъ людей для спѣлости плодовъ необходимо голько дѣйствіе солнца, Св. Духъ чрезъ того же писателя научаетъ насъ, что земля до сотворенія небесныхъ стихій, по слову и повелѣнію Божію, произращала всякія сѣмена (Быт. I, 11. 12 и др. ²⁾). Возбуждаемый Духомъ, пророкъ Давидъ провѣщевалъ о плѣненіи народа, его возвращеніи изъ плѣна, правственномъ ученіи, о промыслѣ Божіемъ, о Христвѣ и пр. ³⁾. Ап. Павелъ, движимый Духомъ Божіимъ, созерцалъ что было отъ начала міра, что бываетъ каждодневно, что бываетъ съ каждымъ порознь, что со всѣми вмѣствѣ, что происходитъ явно и что втайнѣ, созерцалъ домостроительство Единороднаго Сына Божія и будущія блага, неизмѣримую любовь Божію (ср. 1 Кор. IV, 4) ⁴⁾. По вдохновенію Духа и ап. Іоаннъ любомудрствуетъ о высшемъ безсмертномъ Существовѣ, о безсмертіи и безконечной жизни, о будущемъ судѣ, о томъ, что—такое челоуѣкъ и что—міръ, что—такое порокъ и добродѣтель ⁵⁾ и пр. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія Златоуста, непосредственное вліяніе Духа Божія на св. писателя во время его работы имѣло самое существенное и въ высшей степени важное значеніе для этой работы, такъ какъ сообщало ей необходимый матеріаль и чрезъ это опредѣляло ея направленіе.

Третій моментъ акта боговдохновенности: руководство св. писателей въ точномъ, вѣрномъ и благоприличномъ изложеніи мыслей Божіихъ также обозначенъ въ ученіи Златоуста. То, что излагалъ боговдохновенный писатель, соб-

1) In Gen. III, 2 (M. LIII, 34); cap. I.

2) Ibidem: V, 5 (M. LIII, 52); cap. I.

3) In psalm. praef (M. LV, 533).

4) Ad Stelechium: II, 6 (M. XLVII, 419).

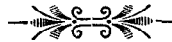
5) In Ioann. II, 1 (M. LIX, 30).

ственно не было сочиненіемъ его, а производилось божественною благодатію. Св. писатель служилъ какъ бы языкомъ для сей благодати, подобно грифелю въ рукахъ скорописца ¹⁾. Здѣсь св. отецъ Церкви находитъ существенную разницу между обыкновеннымъ сочинительствомъ и боговдохновеннымъ писательствомъ. Когда писатель говоритъ отъ самого себя, то быстрота рѣчи встрѣчаетъ много препятствій. Такой писатель медлитъ, обдумывая, сочиняя, затрудняясь незнаеміемъ, неувѣренностью. Когда же Духъ движетъ умомъ, тогда рѣчь изливается, течетъ съ великою стремительностью, какъ водяной потокъ ²⁾. Обращая вниманіе на то, что въ немногихъ словахъ Писанія часто можно найти великое множество глубокихъ мыслей, Златоустъ объясняетъ такое свойство Писанія именно божественнымъ вліяніемъ. Рѣчь св. писателей—глубока потому, что содержитъ въ себѣ божественную благодать, которая именно и сообщаетъ блескъ, красоту самымъ словамъ ³⁾. Отсюда же происходятъ возвышенный образъ представленій и идей св. книгъ ⁴⁾. Даже форма изложенія, напр. фигуральные способы рѣчи, тропы пророковъ или четвертаго евангелиста, есть нарочитое устройство благодати Духа Божія, съ цѣлію привлечь вниманіе читателей и слушателей ⁵⁾. Именно, благодаря руководству Духа Божія, св. писатели составляли свои писанія такъ, что они не погрѣшаютъ, что въ нихъ нѣтъ неправды, что они не могутъ противорѣчить одно другому ⁶⁾.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что всѣ три главные момента акта боговдохновенности указаны и объяснены Златоустомъ съ достаточною для его вѣка опредѣленностью.

Д. Леонардова.

(Продолженіе будетъ).

- 1) In psalm. XLIV, 2 (M. LV, 184).
 2) In psalm. XLIV, 2 (M. LV, 185).
 3) In Genes. XXXVII, 1 (M. LIII, 341); cap. XV.
 4) Cp. contr. anom. VII, 1 (M. XLVIII, 757); de proph obscur. n. 1 (M. LVI, 163, 165); de Melchised. I (M. LVI, 257); in Ioann. II, 1—2 (LIX, 29—32).
 5) In. Ioann. XXXIV, 2 (LIX, 195).
 6) De stat. ad popul. Antioch. II, 7 (XLIX, 44) и много другихъ.

УЧЕНІЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ БИБЛІИ.

(Продолженіе) *).

Х.

Роль челоуѣка—писателя въ актѣ божественнаго вдохновенія, конечно, представляется Златоустомъ *служебной, подчиненной, второстепенной*. Доказательствомъ этого можетъ служить рядъ многочисленныхъ образовъ, которыми пользуется антиохійскій богословъ для нагляднаго, конкретнаго изображенія отношеній между Духомъ Божиимъ и духомъ челоуѣческимъ.

Богъ и челоуѣкъ въ актѣ боговдохновенности, по мысли Златоуста, находятся въ такомъ же отношеніи, какъ *отправитель и вѣстникъ, господинъ и посланецъ*. „Богъ послалъ эти письмена, замѣчаетъ Златоустъ касательно писаній пророка Моисея, а Моисей принесъ“¹⁾. Послѣдній есть именно посланникъ, сходящій съ неба²⁾.

Далѣе Златоустъ пользуется образами *музыканта и музыкальнаго инструмента*. „Благодать Духа Святаго, выражается онъ, вмѣсто *трубъ, гуслей и флейтъ*, употребляетъ уста святыхъ“³⁾. Давидъ возвѣщалъ духовной *мирой* то, что внушалъ ему Святыи Духъ⁴⁾.

Такіе же образы примѣняетъ Златоустъ и къ писателямъ Новаго Зауѣта. Ап. Павелъ подобенъ *трубѣ*, изъ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 9 за 1911 годъ.

1) In Gen. II, 2 (M. LII, 28); cap. I.

2) In Ioh. I, 1. 2 (M. LIX, 25, 26).

3) In Matth. LXVIII, 4 (M. LVIII, 645).

4) Hom. de div. Trinitate; n. 9. (M. LVI, 513).

дающей боевой сигналъ, лиръ, пріятно улаждающей людей и пр. ¹⁾). Душа евангелиста Іоанна, чрезъ которую возглашаетъ Духъ, подобна благозвучной, хорошо настроенной, украшенной драгоценными камнями и имѣющей золотыя струны лиръ ²⁾). Однажды, даже всю совокупность св. письменности двухъ завѣтовъ Златоустъ называлъ *совершенною лирой*, стройной цитрой, издающей собственно одну гармоническую пѣснь, хотя и въ различныхъ звукахъ ³⁾).

Нерѣдко взаимноотношеніе Св. Духа и св. писателя изображается Златоустомъ подъ образами тѣхъ тѣсныхъ, органически связанныхъ отношеній, которыя существуютъ *между человеческою душою и орудіемъ человеческой рѣчи, между мыслью и словомъ*. Пророкъ предоставляетъ свой языкъ; благодать же Духа научаетъ чрезъ него родъ человеческій ⁴⁾). „Уста, чрезъ которыя говорить Богъ, суть уста Божіи. Какъ эти вотъ уста суть уста души нашей, хотя собственно душа и не имѣетъ усть, такъ и уста пророковъ—Божіи ⁵⁾). Подобнымъ образомъ выражается Златоустъ и объ апостолѣ Павлѣ. Въ словахъ апостола слышится только голосъ Павла, а мысль, опредѣленіе (*τὸ νόημα δὲ καὶ τὸ δόγμα*) Христа, Который внутренно наставлялъ апостола ⁶⁾).

Особенно рѣшительный и сильный оттѣнокъ имѣютъ образы *трости и пишущей ея руки, грифеля и скорописца*. Въ этомъ отношеніи характерно—замѣчаніе Златоуста о пророкѣ Давидѣ: „Не трости приписывай письмена, а рукъ, держащей ее, т. е. не языку Давида, а благодати, движущей этотъ языкъ“ ⁷⁾). Вѣдь трость пишетъ только то, что приказываетъ рука, которая ее держитъ ⁸⁾).

Гораздо болѣе мягкій оттѣнокъ имѣютъ образы *сына и отца, слуги и отца* и т. п. Моисей, выражается Златоустъ, научился откровеніямъ Духа Святаго, какъ сынъ отъ отца ⁹⁾).

¹⁾ De stat. ad pop. antioch. I, 1 (M. XLIX, 16 17).

²⁾ In Ioh. I, 1 (M. LIX, 26).

³⁾ In psalm. XLIX; 6 (M. LV, 249, 250).

⁴⁾ In Gen XXI, 1, (M. LIII, 176).

⁵⁾ In Act. XIX, 5 (M. LX, 156).

⁶⁾ Contr. iud II, 1 (M. XLVIII, 858).

⁷⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

⁸⁾ In psalm. XLIV, 2 (M. LV, 184).

⁹⁾ In Isa. XL, 25, 26: по изданію мекитаристовъ. Венеція. 1887; 274.

Говоря о писателѣ книги Дѣяній, св. отецъ Церкви замѣчаетъ, что собственно онъ былъ не отцомъ книги, а только служителемъ. Онъ не самъ произвелъ сказанное, а послужилъ сказанному¹⁾.

Не можетъ быть сомнѣнія, что всѣми указанными образами въ достаточной мѣрѣ и съ достаточною силою выражается идея о *главенствѣ божественнаго Начала надъ силою человѣческою* въ актѣ божественнаго вдохновенія. Но едва ли возможно только на основаніи этихъ образовъ видѣть въ Златоустѣ представителя механической теоріи вдохновенія, которая усволяетъ св. писателямъ роль слѣпыхъ орудій божественной Силы.

Какъ у апологетовъ, такъ и у Златоуста образы трубы, лиры, цитры, пера, грифеля и т. п., именно вслѣдствіе *метафизическаго* своего значенія, не могли въ должной мѣрѣ соотвѣтствовать, покрывать собою понятіе о взаимоотношеніи Бога къ человѣку въ актѣ боговдохновенности. Риторическія выраженія, метафоры и фигуры обыкновенно наглядно и красиво описываютъ предметъ; но онѣ отнюдь не имѣютъ цѣли съ научною точностію опредѣлить то или другое явленіе, описываемое ими. Конечно, употребляя перечисленные образы, особенно: грифеля²⁾, трости³⁾, лиры⁴⁾, Златоустъ иногда поясняетъ ихъ какъ будто въ вербально-механическомъ смыслѣ, а именно: писатель не говоритъ ничего человѣческаго, ничего отъ человѣческаго усилія и т. д. Но замѣчательно, что обычно такъ выражается Златоустъ касательно такихъ частей Библии, въ которыхъ излагаются превышающія естественное разумѣніе человѣка истины божественнаго Откровенія, какъ напр.: мессіанскихъ пророчествъ Давида (ис. XLIV, 2—18), возвышеннѣйшихъ догматовъ вѣры евангелиста Іоанна и пр.⁵⁾. Здѣсь, безъ сомнѣнія, было много мѣста—для вѣрующаго сознанія, но мало для самостоятельности человѣческаго разсудка. Но извѣстно, что въ св. Библии—не мало другихъ истинъ, приобретенныхъ св. писателями путемъ естественнаго познанія. О такихъ-то истинахъ

1) Hom. de lect. Actor. 3 (M. LI, 101).

2) In psalm. XLIV, 2 (M. LV, 185).

3) In Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

4) In Ioan. I, 2 (M. LIX, 26).

5) In Ioann. 1, 2, (M. LIX, 26); ср. in Act. XIX. 5 (LX, 156).

Златоустъ, напротивъ, выражается иначе: онѣ были изречены, написаны подѣ вліяніемъ Духа Божія по человѣчески (*ἀνθρωπίνως* ¹).

Очевидно, сравненія св. писателей съ музыкальными орудіями, съ перьями заключаютъ въ себѣ мысль о преобладаніи божественнаго Вдохновителя надъ человѣкомъ-писателемъ. Но *преобладаніе не означаетъ подавленія* въ немъ индивидуальныхъ особенностей личной душевной жизни. Поэтому, вышеуказанные образы скорѣе должны быть разсматриваемы какъ иллюстраціи къ часто повторяющимся у Златоуста формуламъ: научаешь насъ писатель, лучше же сказать: Святой Духъ его устами; слова Духа, которыя сообщила намъ благодать Божія его устами²). Подобнымъ образомъ объ апостолѣ Павлѣ встрѣчается у Златоуста слѣдующее выраженіе: пишетъ апостоль, лучше же (*ῥᾶλλον δὲ*) не апостоль, а благодать Духа провѣщаетъ это посланіе³) и пр.

Что касается образовъ *души и органа рѣчи, мысли и слова*, то они предполагаютъ тѣснѣйшее, внутреннее единеніе, полное и совершенное согласіе между Духомъ Божиимъ и духомъ человѣческимъ. Понятно, что такая гармонія—совершенно противоположна механическому пониманію боговдохновенности. Наконецъ, и взаимоотношенія сына и отца, слуги и господина скорѣе говорятъ о сознательномъ, преднамѣренномъ подчиненіи себя высшей волѣ, высшему авторитету, чѣмъ о ничтожной роли слѣпного орудія высшей Силы.

Златоустъ учитъ, что служители Духа Божія, подобно вѣрнымъ рабамъ, исполняющимъ приказанія своего господина, не имѣли надъ собою власти, руководясь и управляясь голосомъ Духа Божія⁴). Но такое состояніе для Златоуста вовсе *не представлялось чисто страдательнымъ состояніемъ подавленности, даже уничтоженія въ человѣкѣ духовныхъ его свойствъ*. Напротивъ, въ ученіи св. отца Церкви—не мало совершенно ясныхъ указаній на то, что въ боговдохновенныхъ писаніяхъ отпечатлѣваются индивидуальные особенности каждаго писателя, свойства его темперамента, настро-

¹) In Genes. XXX, 3 (M. LIII, 277); ср. in Act. XLIX, 1 (LX, 337).

²) In Gen. VII, 3, cap. I (M. LIII, 64); XX, 1; cap. IV (M. LIII, 166).

³) Hom. in illud: ad Rom. XVI, 3; h. I, 1 (M. LI, 187).

⁴) In epist. 2 ad Corinth. III, 3 (M. LXI, 408).

енія и переживанія его личнаго духа, чувствованія даннаго момента и т. п.

Св. писанія, по ученію Златоуста, носятъ на себѣ *печать субъективности*. Изреченія, напр., книгъ ветхозавѣтныхъ служатъ изображеніями душъ ихъ составителей. Хотя Моисей и всѣ пророки уже давно умерли тѣломъ, но евреи имѣли ихъ, въ видѣ ихъ писаній (ср. „имуть Моисея и пророки; Лук. XVI, 29). Когда мы смотримъ на изображенія своего сына или друга, то посредствомъ сихъ бездушныхъ изображеній припоминаемъ отсутствующихъ или умершихъ. Сами умершіе какъ бы присутствуютъ при насъ. Тѣмъ болѣе мы наслаждаемся присутствіемъ святыхъ, когда читаемъ божественное писаніе. Изреченія святыхъ въ св. книгахъ суть изображенія душъ ихъ ¹⁾. То же самое говоритъ Златоустъ и о новозавѣтныхъ писателяхъ, напр. ап. Павлѣ. „Мы имѣемъ отъ ап. Павла святыхъ посланія, которыя въ точности изображаютъ намъ черты этой блаженной души“ ²⁾. Легко—замѣтить, что точка зрѣнія Златоуста на взаимоотношеніе свойствъ св. книгъ къ ихъ составителямъ существенно отлична отъ механическаго пониманія боговдохновенности.

Но у Златоуста отмѣчаются и *личныя свойства св. писателей*, характеризующія ихъ индивидуальность. Моисей, напр., отличается краткостью и сжатостью разсказа ³⁾. Исаія—это самый громогласный изъ пророковъ ⁴⁾. Великая смѣлость, свобода рѣчи, нераболѣпный образъ мыслей, высокий умъ и большая ясность пророчества,—таковы свойства пророчества Исаіи ⁵⁾. Различіе въ способѣ писанія, происшедшее отъ вліянія субъективныхъ особенностей составителей, замѣчается и между четырьмя евангелистами. Четыре евангелиста, хотя и писали по вдохновенію одного Духа Святаго, но писали, однако, обо всемъ не одинаково ⁶⁾. Въ мелочахъ между ними обнаруживается разногласіе. Кое-что они писали различно касательно мѣста и времени евангель-

¹⁾ Hom. in psalm. CXLV, 2 (M. LV, 521).

²⁾ In illud: ad Corinth. XI, I, 2 (M. LI, 303).

³⁾ Ad Stagyrium: II, 6 (M. XLVII, 457); ср. M. LVI, 334).

⁴⁾ Hom. II, 1; in Isa. VI, 1 (M. LVI, 108).

⁵⁾ In Isa. praeft. (M. LVI, II); ср. Рим. X, 20.

⁶⁾ In Matth. XXVIII, 1 (M. LVII, 350).

скихъ событій ¹⁾. Очевидно, у четырехъ лицъ на одни и тѣ же событія были различныя точки зрѣнія. По прекрасному выраженію Златоуста, евангелисты сказали о многомъ обща, но каждый изъ нихъ выбиралъ и нѣчто особое ²⁾. Три первые евангелиста являются историками главнымъ образомъ земной жизни или челоѳчества Христа ³⁾. Напротивъ, сынъ грома, четвертый евангелистъ, соотвѣтственно свойствамъ своего возвышеннаго духа, бесѣдуетъ о небесныхъ догматахъ болѣе, нежели о чемъ-либо другомъ ⁴⁾. Первоверховный въ ликѣ апостоловъ, уста апостоловъ, столпъ Церкви, ап. Петръ—вездѣ пламенный и исполненъ дерзновенія ⁵⁾. Между тѣмъ какъ апостольскій языкъ разливается какъ рѣка, ап. Петръ любитъ краткость ⁶⁾. Въ свою очередь эти субъективныя свойства первоверховныхъ апостоловъ оказали вліяніе на стиль второго и третьяго евангелиста. Если евангелистъ Маттѣй выдѣляется своею точностью, то ученикъ Петра Маркъ паблюдаетъ краткость; Лука, напротивъ, пишетъ полнѣе, подражая ап. Павлу ⁷⁾.

Особенно ярко отпечатлѣвается личность челоѳка-писателя въ посланіяхъ ап. Павла. При необычайныхъ дарованіяхъ духа, ап. Павелъ былъ все же челоѳкъ, имѣвшій естество, одинаковое съ нами ⁸⁾. Святая душа, благосклонная, нѣжная, любвеобильная отображается въ Павловыхъ писаніяхъ ⁹⁾. Обширна—земля, освѣщаемая лучами солнца; столь же велики—попеченіе, заботливость, широта сердца ап. Павла. Апостольскій немоществовалъ за немощныхъ, волновался за соблазняющихся (ср. 2 Кор. XI, 29) такъ, какъ не терзается внутренно мать о своемъ чадѣ, палимомъ горячкою ¹⁰⁾. Отъ великой скорби, не со слезами только, а со многими слезами (2 Кор. 2, 4) написаны нѣкоторыя изъ посла-

¹⁾ Ibidem: 1, 2 (M. LVII, 350); п. 4 (LVII, 18).

²⁾ In Matth. I, 2 (LVII, 17).

³⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

⁴⁾ In Ioh. II, 5 (M. LIX, 36).

⁵⁾ Hom. in parab. Matth. XVIII, 23—35 (LI, 20); in Matth. LIV, 1 (LVII, 532).

⁶⁾ In Matth. IV, 1 (M. LVII, 40).

⁷⁾ In Matth. IV, 1 (LVII, 40).

⁸⁾ In Rom. XXXII, 4 (M. LX, 682).

⁹⁾ In Gal. IV, 2 (M. LXI, 659).

¹⁰⁾ In Sen. XI, 7 (LIII, 97).

ній апостольскихъ. Иногда сердце великаго апостола было настолько стѣснено, подавлено печалью, что онъ по необходимости брался за перо, не будучи въ состояннн вынести цѣлаго облака печали ¹⁾. Иныя посланія, какъ напр. къ галатамъ, исполнены великаго гнѣва; но это—не гнѣвъ безразсудной, не возмущеніе душевной страсти, а слѣдствіе чрезмѣрной любви, великой заботливости ²⁾. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени, апостоль, какъ писатель, не вездѣ одинаковъ: иногда онъ пишетъ съ большимъ снисхожденіемъ, иногда съ большою свободою (ср. Рим. XIV, 1—2 и Кол. II, 20—23) ³⁾. Въ своихъ посланіяхъ ап. Павелъ—разнообразенъ не изъ лицемѣрія. Подражая Господу, онъ былъ всѣмъ, что требовала польза проповѣди и спасеніе людей ⁴⁾.

Внѣшнія особенности слога апостола языковъ, по ученію Златоуста, также носятъ на себѣ *отпечатокъ его личности*. Какъ Исаія среди пророковъ, такъ ап. Павелъ среди апостоловъ былъ „громогласнѣйшимъ проповѣдникомъ истины“ ⁵⁾. Языкъ апостола ярче солнца ⁶⁾; для апостола, какъ для воина, онъ былъ всѣмъ: лукомъ, копьемъ, стрѣлою и проч. ⁷⁾; рѣчь апостольская поражала противниковъ сильнѣе всякаго огня ⁸⁾. Словомъ своего ученія апостоль, языковъ превзошелъ всѣхъ прочихъ апостоловъ ⁹⁾. Въ посланіяхъ Павловыхъ евангельское слово преподается съ великимъ искусствомъ ¹⁰⁾. Однако, со стороны внѣшней, рѣчь апостола сама по себѣ проста, ясна. Въ ней нѣтъ запутанности, неопредѣленности ¹¹⁾. Иногда только въ ней проявляется нѣкоторая рѣзкость выраженій (2 Кор. X, 7) ¹²⁾.

Что *механически-вербальная* теорія боговдохновенности

¹⁾ In ep. 2 ad Corinth. IV, 2 (M. LXI, 420).

²⁾ Gal. cap. I, 1 (M. LXI, 611); IV, 2 (LXI, 659).

³⁾ In ep. ad Rom. praef. n. 2 (LX, 393).

⁴⁾ De laud. apost. Paul. 5; V (M. L, 498).

⁵⁾ Adversus eos, qui apud se habent virgines introductas. n. 5 (M. XLVIII, 501).

⁶⁾ In ep. ad Roman. praef. 1 (M. LX, 392).

⁷⁾ In ep. 2 ad Corinth. XXI, 3 (LXI, 545).

⁸⁾ Ibidem.

⁹⁾ In epist. ad Rom. praef. 1 (M. LX, 392).

¹⁰⁾ De poenit VII, 1 (M. XLIX, 323).

¹¹⁾ In ep. 2 ad Corinth XXI, 4 (M. LXI, 545).

¹²⁾ Ibidem XXII, 1 (M. LXI, 547).

отнюдь не можетъ быть усвояема Златоусту, это очевидно. Нѣкоторыя сужденія и выраженія Златоуста даже подавали поводъ къ совершенно обратнымъ предположеніямъ, будто участіе человѣческой силы и способности въ написаніи Павловыхъ посланій имъ преувеличивалось. Златоустъ въ одномъ мѣстѣ, дѣйствительно, выражается такъ: „ап. Павелъ говорить по-человѣчески; онъ не всегда руководится благодатію, но позволяетъ себѣ приносить нѣчто и отъ себя“¹⁾. Опираясь на эти и подобныя сужденія Златоуста, Толлукъ²⁾ и другіе протестантскіе богословы даже приписывали ему свободное пониманіе боговдохновенности. Это, несомнѣнно, уже другая крайность. Въ данномъ случаѣ, во-первыхъ, выраженія Златоуста берутся внѣ связи съ контекстомъ всей его рѣчи; во-вторыхъ, несправедливо относятся собственно къ писательской боговдохновенности ап. Павла. Златоустъ касается рѣчи ап. Павла предъ іерусалимскимъ синедріономъ. Апостоль зналъ, что большая часть его членовъ принадлежитъ къ сектѣ саддукеевъ, которые не признавали безсмертія души и будущаго воскресенія; другую же часть составляли фарисеи, принимавшіе то и другое. Посему, апостоль заявилъ, что онъ—фарисей, сынъ фарисея, что его хотятъ судить за чаяніе воскресенія мертвыхъ (Дѣян. XXIII, 6), и такое заявленіе произвело распрю въ синедріонѣ. Мы видимъ, что Златоустъ касается личности апостола только какъ человѣка, а не какъ писателя. Въ интересахъ обыкновенной самозащиты, апостоль, дѣйствительно, „могъ привнести и привнесъ нѣчто отъ себя“, воспользовавшись собственнымъ знаніемъ настроенія и состава іерусалимскаго синедріона. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ своей миссіонерской дѣятельности, апостоль не имѣлъ нужды въ нарочитомъ руководствѣ отъ Духа Божія. Ни малѣйшаго намека на то, что и писанія свои ап. Павелъ составлялъ какъ обыкновенный мірской писатель, въ словахъ Златоуста нѣтъ.

Признавая въ книгахъ св. писателей присутствіе чисто-личнаго, субъективнаго элемента, Златоустъ иногда совершенно опредѣленно обозначаетъ, въ чемъ именно про-

¹⁾ In Act. XLIX, 1 (M. LX, 337).

²⁾ См. ero: Inspirationslehre. Artikel I. Deutsche Zeitschrift. 1850; № 17; s. 129.

являлась дѣятельность мысли, чувства и воли св. писателей, при составленіи ими писаній.

А) Боговдохновенность была той высшей силой, которая пробуждала мысль вдохновляемаго лица. Самое сообщеніе даровъ благодатію Духа происходило тогда и тамъ, когда и гдѣ усматривался возбужденный умъ ¹⁾. Вдохновляя человека, Духъ Святой оставлялъ ему сознание и даровалъ разумнѣе изрекаемаго ²⁾. Въ доказательство дѣятельнаго состоянія ума у св. писателей, Златоустъ приводитъ слова псалмопѣвца: „уста мои изрекутъ премудрость и размышленія сердца моего—знаніе“ (пс. XLVIII, 4). Духовную свою пѣснь боговдохновенный псалмопѣвецъ называетъ размышленіемъ, поученіемъ своего сердца“. Это—совершенно естественно. Псалмопѣвецъ обстоятельно размышлялъ о томъ, что принялъ отъ Духа и уже послѣ размышленія сообщалъ это другимъ ³⁾. Содѣйствіе псалмопѣвца состояло не въ изобрѣтеніи содержанія писанія, а именно въ духовномъ проникновеніи въ сообщенія и внушенія Духа Божія ⁴⁾. Боговдохновенность, слѣдовательно, проявлялась въ словѣ и письмѣ уже послѣ предварительнаго и тщательнаго усвоенія преподаваемаго свыше. Поэтому, Златоустъ и отмѣчаетъ обычно у св. писателей благоразуміе ⁵⁾, мудрость ⁶⁾, тщательность ⁷⁾, точность ⁸⁾, осмотрительность ⁹⁾ и другія свойства, свидѣтельствующія о дѣятельномъ состояніи ихъ умственныхъ силъ. Иногда активность проявляется у св. писателей весьма выпукло. Достойны удивленія, напр., великое искусство и благоразуміе, съ какими ап. Павелъ разрѣшаетъ вопросъ о дѣвствѣ. Здѣсь апостольскій находилъ среди двухъ необходимостей и противоположностей: представить собственную личность и не сказать о себѣ ничего лишняго. Однако, въ краткихъ словахъ (1 Кор. VI, 25) апостольскій до-

¹⁾ In. Sen. III, 1 (M. LIII, 32); cap. III.

²⁾ In psalm. XLIV, 1 (M. LV, 184).

³⁾ In psalm. XLVIII, 2 (M. LV, 225).

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ In ep. ad Rom. III, 1 (M. LX, 411).

⁶⁾ In Genes. XII, 1 (M. LIII, 99); XXXV, 8 (LIII, 331).

⁷⁾ In Genes. XIII, 1 (M. LIII, 106).

⁸⁾ In Senes. XXXVIII, 2 (LIII, 353); XXX, 1 (LIII, 274); XXIII, 1 (LIII, 198).

⁹⁾ In ep. ad Sal. II, 5 (M. LXI, 641).

стигъ того и другого ¹⁾. У составителя книги Дѣяній само-дѣятельность проявлялась въ другихъ формахъ. Онъ многое сокращаетъ, соединяетъ различныя времена, не распространяется въ разсказѣ и проч. ²⁾.

Чувствованія св. писателей также находились въ состояніи возбужденной активности. Такъ псалмопѣвецъ Давидъ приходитъ въ изумленіе, погружаясь въ созерцаніе существа Божія (пс. VIII, 1—2 и др.) ³⁾. Пророкъ Исаія (VII, 10—15) радуется, восторгается духомъ, провидя блага грядущаго мессіанскаго царства ⁴⁾. Вполнѣ объятая Духомъ Божиимъ, душа св. писателя часто изливалась въ словахъ сильнѣйшей любви и чрезвычайной радости ⁵⁾. Иногда въ душѣ боговдохновеннаго писателя одновременно возникалъ цѣлый комплексъ религіозно-нравственныхъ чувствованій. Погружаясь въ неизмѣримое море премудрости Божіей, св. писатели не только удивлялись, но и недоумѣвали, испытывали страхъ (пс. CXXXVIII, 14, 6; *ibidem*: ст. 8; CXLVI, 5; Иса. LIII, 8 и др.) ⁶⁾. Нерѣдко цѣлые отдѣлы Библии проникнуты однимъ господствующимъ чувствомъ. Такъ въ CVIII псалмѣ вся рѣчь составителя, исполненная проклятій, обнаруживаетъ въ немъ сильный и пламенный гнѣвъ. Псаломъ направленъ противъ нѣкотораго великаго грѣшника, великаго нечестивца; наказаніе его, исполненное величайшихъ бѣдствій, должно перейти на отца, мать и дѣтей (7—11) ⁷⁾.

Такая же напряженная дѣятельность религіозно-нравственныхъ чувствованій характеризуетъ и *писателей Нового Завета*. Примѣромъ этого можетъ служить ап. Павелъ. Одни мѣста его посланій проникнуты чувствами необыкновенной кротости, состраданія даже о такихъ людяхъ, которые нѣсколько разъ бичевали апостола, побивали камнями, связывали, жаждали его крови, ежедневно готовы были его растерзать (ср. Рим. X, 2) ⁸⁾. Другія—полны тяжкихъ скорбей,

¹⁾ De virgin. 41 (M. XLVIII, 565).

²⁾ In Act. XXI, 1 (M. LX, 163).

³⁾ In psalm. VIII, 1 (M. LV, 107).

⁴⁾ In Isa. VII, 6 (M. LVI, 85).

⁵⁾ In psalm. CIX, 8 (LV, 276).

⁶⁾ Contr. anom. I, 4. 5 (M. XLVIII, 705. 706).

⁷⁾ In psal. CVIII, 1. 3 (M. LV, 258. 263).

⁸⁾ De laud. sancti Pauli: III (M. L, 483); ср. V (L, 499).

которыми раздиралось сердце великаго апостола (2 Кор. XI, 2. 7. 28—31)¹⁾. Такія именно скорби испытывалъ могучій духъ великаго апостола, когда отверглись апостола асіійскіе вѣрующіе, когда уклонились отъ вѣры галаты, когда церковь Коринѳа раздѣлилась на части²⁾ и т. п. Наконецъ, третьи мѣста Павловыхъ посланій—исполнены гнѣва и негодованія, подѣ влияніемъ сильнѣйшей ревности о славѣ Божіей³⁾.

Боговдохновенный писатель *не былъ также и безвольнымъ, чисто страдательнымъ орудіемъ высшей Силы*. Человѣческая воля св. писателя только гармонически объединялась съ волею Божіей, но отнюдь не подавлялась или уничтожалась ею. Благодать Духа сообщается только тамъ, гдѣ есть пламенное желаніе ее воспринять⁴⁾. Не припудительно и безсознательно, а добровольно, съ полнымъ сознаниемъ боговдохновенный писатель предоставлялъ свой языкъ божественному Вдохновителю⁵⁾. Воля св. писателя и благодать Духа шли какъ бы навстрѣчу другъ другу⁶⁾. Слѣдовательно, боговдохновенность была актомъ гармоническаго объединенія Духа божественнаго съ духомъ человѣческимъ. Гдѣ благодать Духа, тамъ не можетъ быть борьбы, противоположности, несогласія⁷⁾. Именно спокойствіе, благочиніе—приличны людямъ, наставляемымъ благодатию Духа⁸⁾. Воля св. писателей съ сознательною рѣшимостью подчинялась Духу Божію. Здѣсь не было и не могло быть поглощенія низшаго начала высшимъ, а скорѣе возвышеніе, возбужденіе, приведеніе въ движеніе и пр.⁹⁾.

Даже *на высшихъ ступеняхъ боговдохновенности, въ формѣ пророчества, по ученію Златоуста, человѣкъ отнюдь не былъ безволенъ*. Самый образъ и способъ взаимоотношеній Духа

¹⁾ In ep. 2 ad Corinth. XXV, 2 (M. LXI, 571. 572); ep. in ep. ad Rom. XVI, 2 (LX, 550).

²⁾ Ср. 2 Кор. II, 4; XII; Гал., 2: IV, 19 и друг.: ad Stag. III, 11 (M. XLVII, 487).

³⁾ In 2 ep. ad Cor. IV, 2 (LXI, 420. 421).

⁴⁾ In Gen. III, 1 (M. LIII, 32).

⁵⁾ In Gen. XXI, 1 (LIII, 176).

⁶⁾ De poenit. I, 9 (M. XLIX, 408).

⁷⁾ Hom. in paralyticum. 3 (M. LI, 53).

⁸⁾ In psalm. XLVI, 1 (M. LV, 203).

⁹⁾ In Gen. II, 2 (M. LIII, 28); cap. I.

Божія и пророка, конечно, не объяснимъ словомъ. Желая хоть отчасти приблизить эту тайну къ человѣческому пониманію, Златоустъ пользуется для этого образомъ изъ видимой природы. Души пророковъ проникались сіяніемъ, свѣтомъ Духа, какъ чистая вода, освѣщаемая солнечными лучами. Но прежде, чѣмъ принять такой даръ Духа, пророческія души напередъ очищались собственною добродѣтелью ¹⁾ Очевидно, такимъ образомъ, что и на высшихъ ступеняхъ боговдохновенности свобода и напряженность волевой дѣятельности человѣка не прекращались.

Въ двухъ мѣстахъ, гдѣ Златоустъ проводитъ различіе между боговдохновеннымъ пророкомъ и языческимъ прорицателемъ, мысль о дѣятельномъ состояніи перваго выражена весьма отчетливо, благодаря именно противоположенію. Душою языческаго прорицателя овладѣвалъ бѣсъ. Умъ прорицателя ослѣплялся, мысли помрачались. Человѣкъ говорилъ такъ, какъ флейта, издающая звуки. Напротивъ, Духъ Божій оставлялъ пророку разумѣніе изрекаемаго. Какъ врагъ человѣка, бѣсъ дѣйствовалъ на человѣческую природу враждебно. Духъ Святой, наоборотъ, какъ благопопечительный и добродѣтельный, оставлялъ пророку сознаніе и пониманіе ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Златоустъ дѣлаетъ различіе между гаданіемъ и пророчествомъ. Когда кто-либо въ идольскихъ капищахъ, одержимый нечистымъ духомъ, прорицалъ, то былъ увлекаемъ нечистымъ духомъ такъ, что не сознавалъ того, что говорилъ. Вообще гадателю, какъ бѣсноватому, свойственно находиться въ изступленіи, терпѣть принужденіе, насиліе, увлекаться, неистовствовать. Напротивъ, пророкъ все говоритъ съ трезвою душою, съ здравымъ разсудкомъ: онъ вполне сознаетъ, что говорить. Въ то время какъ гадатели были плѣнниками, узниками злой силы, пророки пророчествовали съ разсудкомъ, съ совершенною свободою. Пророки были властны говорить и не говорить. Они не были принуждаемы; они сохраняли вполне свою волю. Такъ Іопа убѣгаетъ, Іезекіиль уклоняется, Іеремія отрицается. Богъ ихъ не принуждалъ, но совѣтовалъ, убѣждалъ, угрожалъ, не помрачая разсудка. Производитъ помѣшатель-

¹⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14).

²⁾ In psal. XLIV, 1 (M. LV, 184).

ство, неистовство, помраченіе—дѣло бѣса. Богу же—свойственно просвѣщать, сознательно научать тому, чему должно ¹⁾).

Изъ только что приведенныхъ двухъ мѣстъ изъ твореній Златоуста очевидно, что онъ *существенно отличалъ* пророческое вдохновеніе, какъ состояніе гармоническаго подъема духовныхъ силъ человѣка, отъ языческой магии, отъ цѣступленія Писемъ, какъ состоянія мрачной подавленности, полной безсознательности, духовнаго ослѣпленія. Ясное сознаніе, трезвый умъ, совершенная свобода были для Златоуста безусловно необходимыми признаками истиннаго вдохновенія. Именно съ этой точки зрѣнія теряютъ механической, пассивный отпечатокъ выраженія св. отца Церкви, на примѣръ: быть одержимымъ, плѣненнымъ Духомъ ²⁾, быть объятымъ Духомъ ³⁾, исполненнымъ Духомъ ⁴⁾ и другія, взятія имъ изъ терминологіи самой Библии.

Наконецъ, дѣятельное состояніе духа св. писателей называется самою *формою Библии*, обязанною происхожденіемъ своимъ снисхожденію Божію къ людямъ.

Божественное Откровеніе, изложенное въ Библии, по ученію Іоанна Златоуста, *обусловливается тѣми орудіями, чрезъ которыя оно сообщается*. Какъ люди своего вѣка, св. писатели дали въ своихъ книгахъ выраженіе болѣе чѣмъ извѣстныхъ ступеней истины. Знаніе увеличивалось, росло даже у тѣхъ, чрезъ которыхъ говорилъ Самъ Богъ. Кромѣ того, божественное Откровеніе *обусловливалось способностями тѣхъ людей, которымъ оно сообщалось и подавалось*. Когда Богъ говорилъ въ извѣстный періодъ исторіи, то Онъ говорилъ такъ, что люди современнаго поколѣнія могли понять Его мысли, если они желали этого.

Въ св. Библии Златоустъ находитъ немало случаевъ употребленія *антропоморфическихъ выраженій*. Извѣстно, что оригенистическіе споры, произведшіе сильныя волненія въ жизни Церкви, отчасти касались и библейскаго антропоморфизма. Нѣкоторые изъ необразованныхъ монаховъ Египта, съ фанатическою ненавистью къ спиритуализму Оригена,

¹⁾ In ep. 1 ad Corinth. XXIIX, 1. 2 (M. XLI, 241. 242).

²⁾ In psalm. CIX, 8 (M. LV, 276).

³⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14).

⁴⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 15) и др.

учили, что Богъ имѣеть тѣлесный образъ ¹⁾. Нѣкто Авдій сирийскій въ четвертомъ вѣкѣ основаль даже аскетическую секту, ученіе которой, между прочимъ, состояло въ буквальномъ пониманіи сотворенія человѣка по образу и подобию Божію (ср. Быт. I, 26) ²⁾. Въ противоположность такимъ крайностямъ, Златоустъ постоянно утверждаетъ, что языкъ Св. Писанія о Богѣ имѣеть значеніе относительное, а не абсолютное. Въ одной изъ своихъ гомилій св. отецъ Церкви совершенно опредѣленно говорить о еретикахъ, искажающихъ библейское ученіе объ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣкѣ (Быт. I, 26), желающихъ божественное называть человѣкообразнымъ. Св. отецъ Церкви справедливо называетъ крайнимъ безуміемъ низведеніе въ человѣческой образъ Того, Кто не имѣеть образа, Кто неизмѣняемъ или же приданіе безтѣлесному чертъ и членовъ тѣлесныхъ. Образъ Божій Златоустъ опредѣляетъ въ господствѣ человека надъ всѣмъ существующимъ на землѣ (ст. 26). Въ словахъ же библейскаго текста онъ находитъ именно „*εἰκαστά-βασιν*“ къ человѣческому пониманію ³⁾.

Подобнымъ образомъ Моисей говоритъ: „вдунулъ въ лице его дыханіе жизни и сталъ человѣкъ душою живою“ (Быт. II, 7). Моисей, по истолкованію Златоуста, употребилъ столь грубый образъ рѣчи потому, что разсуждалъ съ людьми, которые не могли слышать его иначе, чѣмъ какъ это возможно намъ. Но мысль пророка—возвышенная: божественное вдохновеніе сообщило созданному изъ земли жизненную силу, образовало существо души, содѣлало душу дѣйствующей, т. е., имѣющей члены тѣла, какъ покорныя ей орудія ⁴⁾.

Исторія о созданіи мира въ шесть дней также обязана своимъ происхожденіемъ свисхожденію человѣколюбиваго Бога къ человѣческому пониманію. Всесильная десница и безпредѣльная премудрость Бога не затруднились бы все создать и въ одинъ день, даже въ одно мгновенье. Но Богъ создалъ все сущее не для своей пользы: будучи вседовольнъ, Богъ ни въ чемъ не нуждается. Напротивъ, Богъ все творилъ по человѣколюбію и благодати Своей, а потому тво-

¹⁾ Socrat. Hist. eccl. VI, 7.

²⁾ Epiph. Haer. LXX.

³⁾ In Gen. VIII, 3 (LIII, 72): cap. I.

⁴⁾ In Genes. II, XII, 5 (M. LIII, 103).

рилъ по частямъ (*κατὰ μέρος*). Въ этомъ смыслѣ Богъ устами блаженнаго пророга преподаетъ намъ ясное ученіе о творимомъ ¹⁾.

То же снисхожденіе выражается въ словахъ Моисея о *сотвореніи жены*: „взялъ одно изъ ребръ его“ (Быт II, 21). Слова эти нельзя разумѣть грубо, по-человѣчески. Грубыя выраженія здѣсь употреблены приспособительно къ человѣческой немощи. Какъ бы мы могли узнать неизглаголанная тайны Божіи, если бы Писаніе не употребляло подобныхъ словъ. Не должно останавливаться только на словахъ. Все, относящееся къ Богу, должно понимать благоприлично. Выраженія: „взялъ“ и другія подобныя употреблены ради нашей немощи ²⁾.

Въ этомъ снисхожденіи къ человѣческому разумнію *св. писатель былъ именно дѣятельнымъ, а не страдательнымъ органомъ Духа Божія*. Говоря Духомъ, св. писатель все рассказывалъ сообразно, приспособительно къ слушателямъ ³⁾. Это приспособленіе къ обычаю человѣческому происходило именно оттого, что и рѣчь св. писателя была обращена къ людямъ ⁴⁾. Слѣдовательно, здѣсь было со стороны писателя дѣйствіе вполнѣ сознательное и преднамѣренное.

Въ связи съ ученіемъ о состояннн духа св. писателя въ актѣ боговдохновенности стоитъ ученіе *о различіи въ ней степеней*. Какъ Оригенъ, Златоустъ признаетъ это различіе, хотя и не развиваетъ свои взгляды по этому вопросу во всѣхъ подробностяхъ.

На верхней ступени стоитъ Христосъ. Какъ въ нѣкоторый храмъ, въ Него излилась вся полнота благодати. Ему не мѣрою даровалъ Богъ Духа (Іоан. III, 34). Въ то время какъ люди приняли благодать отъ полноты Его (Іоан. I, 16), Христосъ получилъ всецѣлую благодать. Во Христѣ—полнота благодати. Въ людяхъ же—только капля этой благодати (ср. Іса. XI, 2, 3; Іоиль: II, 28) ⁵⁾.

Далѣе существуетъ различіе въ степеняхъ боговдохно-

¹⁾ Іб. III, 3 (ЛIII, 35—36).

²⁾ In Gen. XV, 2 (ЛIII, 121).

³⁾ In Gen. IV, 3 (М. ЛIII, 29).

⁴⁾ In Isa. VI, 1 (М. LVI, 69).

⁵⁾ In psalm. XLIV, 2 (М. LV, 186).

венности между писателями обоих заветовъ. Апостольское вдохновеніе не только стоитъ выше прочихъ дарованій, но какъ въ сосредоточіи содержитъ въ себѣ корни всѣхъ ихъ. Пророкъ не можетъ быть апостоломъ. Но апостольство непремѣнно есть пророкъ и, кромѣ того, обладаетъ многими другими дарами ¹⁾. Апостольство, какъ служеніе, заключаетъ въ себѣ безчисленныя блага ²⁾. Это—совершенно понятно, такъ какъ новозавѣтное время есть время высшаго любодумія, великой благодати Духа ³⁾.

Среди боговдохновенныхъ писателей одного и того же класса также было различіе. Въ Ветхомъ Заветѣ самую высшую степень боговдохновенности обладали, конечно, св. пророки. Созерцаніе будущаго, часто отдаленнаго и таинственнаго, требовало всецѣлаго проникновенія вдохновляемаго божественною благодатію. Поэтому, Златоустъ называетъ пророковъ объятими, исполненными Духомъ Божиимъ. Отсюда—необыкновенная ясность пророческихъ созерцаній, превосходившая достовѣрность даже чувственныхъ впечатлѣній. Въ смыслѣ именно высшаго развитія божественнаго вліянія, Златоустъ часто говоритъ, что въ пророческихъ писаніяхъ не было ничего человѣческаго, не было никакой человѣческой мудрости. Все—божественно; все изречено божественною благодатію ⁴⁾. Однако, и изъ пророковъ высшую ступень боговдохновенности имѣлъ Моисей. Другъ Бога, Моисей удостоился бесѣдовать съ Нимъ „лицомъ къ лицу“ (Втор. XXXVI, 10) въ то время, какъ другимъ пророкамъ откровенія подавались посредствомъ гаданій и сновъ. Слѣдовательно, Моисей былъ большимъ изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ ⁵⁾.

Въ *Новомъ Заветѣ* Златоустъ дѣлаетъ различіе между евангелистами. Маркъ и Лука, какъ простые подражатели апостоловъ Петра и Павла, отображаютъ въ своихъ евангеліяхъ свойства того и другого ⁶⁾. Четвертый евангелистъ

1) Hom. de utilit. lectionis Script. n. 3 (M. LI, 92).

2) In epist. ad Rom. I, 1 (M. LX, 396).

3) De virginitate: n. 50. 84 (M. XLVIII, 573. 594); ep. in illud: I Cor. VII, 39—40 (LI, 219).

4) In Isa. I, 1 (M. LVI, 13—15); ep. in Matth. I, 1 (M. LVII, 15).

5) In Act. IX, 4; n. 2 (M. LI, 134); in Act. IV, 2 (LX, 45).

6) In Matth. IV, 1 (M. LVII, 39—40).

возвышенностью своихъ догматовъ превосходить прочихъ. Не только люди, но даже ангелы, херувимы и серафимы чрезъ голосъ евангелиста Іоанна научились тайнамъ божественнаго Откровенія ¹⁾.

Наконецъ, по великому искусству преподавать евангельское слово изъ всѣхъ новозавѣтныхъ писателей *выдѣлялся ап. Павелъ*. Это—апостоль по преимуществу ²⁾.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ In Iohann. I, 2; II, 5 (M. LIX, 26. 36).

²⁾ In ep. ad Roman. I, 1 (M. LX, 396); ср. praef. 1 (LX, 392).

УЧЕНИЕ СВ. ЮАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ БИБЛИИ.

(Продолженіе *)).

XI.

Въ отношеніи *объема* боговдохновенности обыкновенно представителю той или другой экзегетической школы ставится вопросъ: защищалъ ли онъ крайне-вербальную теорію, въ смыслѣ диктовки св. текста, отъ предложенія до предложенія, отъ слова до слова Св. Духомъ, или же простиралъ божественное внушеніе только на мысли и идеи св. писаній, или же, наконецъ, ограничивалъ боговдохновенность только религіозно-нравственнымъ ученіемъ.

Суровые вербалисты приписываютъ Златоусту *крайніе взгляды*, главнымъ образомъ опираясь на его отдѣльныя выраженія, что въ Библии нѣтъ ничего лишняго, безцѣльнаго, что каждое изреченіе, каждое слово, даже слогъ Библии—полны глубокаго значенія и т. д. Таковъ, напр., римско-католическій богословъ *Шмидъ*, написавшій цѣлую монографію по вопросу о боговдохновенности 1). Напротивъ, протестантскіе ученые, напр. *Неандеръ* 2), *Алцогъ* 3), *Гергенретеръ* 4) и др. представляютъ Златоуста приверженцемъ ограничительнаго вдохновенія“, т. е. ограничивающимъ объемъ бо-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 10 за 1911 годъ.

1) См. его. De inspirationis bibliorum vi ac ratione. Brixinae. 1885; p. 291 и др.

2) Neander. Allgem. Geschichte der christl. Religion. Band II, 503.

3) Alzog. Patrologie. Aufl. 4. 1888. 315.

4) Ph. Hergenröther. Die antiochenische Schule. Würzburg. 1866; s. 70.

говдохновенности областью только вѣроученія и нравоученія. Эти ученые за точку отправленія берутъ сужденія св. отца Церкви о непогрѣшимости Св. Писанія. Само собою разумѣется, что только объективное, безпристрастное изложеніе подлинныхъ сужденій и мыслей Златоуста дастъ возможность правильно опредѣлить его отношеніе къ вопросу о предѣлахъ боговдохновенности.

Прежде всего боговдохновенность Златоустъ простираетъ на *содержаніе Библии*. Всюду въ божественномъ Писаніи онъ находитъ великое богатство, сокровище божественной премудрости. Ничего въ Св. Писаніи, по мысли Златоуста, нельзя проходить безъ вниманія. Сокровище, сокрытое въ св. книгахъ, обязано своимъ происхожденіемъ именно тому, что св. писатели все говорили и излагали по внушенію божественнаго Духа. По этой причинѣ, даже приступать къ божественнымъ словамъ мы должны не иначе, какъ получивъ руководство свыше и просвѣщеніе отъ Духа Святаго. Даже въ простомъ перечисленіи именъ заключается сокровенное богатство мыслей ¹⁾. Св. отецъ Церкви рѣшительно возстаетъ противъ мысли, будто въ Библии есть что-либо лишнее и сказанное безъ цѣли. Св. писатели не пишутъ ничего такого, что не заключало бы въ себѣ пользы. Людей, которые въ св. Библии почитаютъ излишними не только имена, но и цѣлыя книги, какъ на примѣръ книги Левить, Исуса Навина и многія другія, Златоустъ называетъ нерадивыми, легкомысленными, недостойными неба. Гностиковъ же и манихеевъ, отвергшихъ ветхій завѣтъ и затѣмъ убавившихъ многое и въ Новомъ Завѣтѣ, по злому навяку, св. отецъ называетъ прямо безумцами. Вѣдь не только ветхій завѣтъ заключаетъ въ себѣ много полезнаго, но и самое, повидимому, маловажное въ Писаніи не напрасно сказано ²⁾. Несправедливо пренебрегать тѣми мыслями писаній, которыя кажутся маловажными: онѣ также произошли отъ благодати Духа. А благодать Духа никогда не бываетъ маловажной, скудной. Напротивъ, она—велика, удивительна, достойна щедрости Давшаго. Какъ достоинство драгоценныхъ камней зависитъ не отъ тяжести составного вещества, а отъ красоты, такъ и въ Св. Писаніи бы-

¹⁾ In Gen XXI, 1 (M. LIII, 175).

²⁾ In ep. ad Rom. XXXI, 1 (M. LX, 667-668).

вають краткія по формѣ изреченія, но великія по значенію ¹⁾).

Боговдохновенность простирается Златоустомъ не только на истины религиозныя, но и на *чисто историческія, научныя*. Исторію происхожденія и творенія міра Моисей, напр., излагалъ не самъ отъ себя, но по внушенію благодати Духа ²⁾. Благодать Духа изложила и исторію патриарховъ ³⁾. Даже рассказы о преступленіи Рувима (ср. Быт. XXXV, 22), о прелюбодѣяніи Давида написаны съ опредѣленными цѣлями по божественному внушенію. „Если Духъ Святой не почелъ постыднымъ изложить всю эту исторію, то тѣмъ болѣе не должно намъ ее скрывать... Тѣ, которые скрываютъ паденіе Давида, весьма помрачаютъ добродѣтель этого мужа ⁴⁾. Касательно евангельской исторіи, изложенной св. Лукою, Златоустъ спрашиваетъ: есть ли это произведеніе только обыкновенная исторія и слово евангелиста развѣ не причастно Духа (*ἄμιμος τῷ Πνεύματι ὁ λόγος*)? Отвѣтъ совершенно ясенъ и рѣшителенъ. То, что передали евангелисту бывшіе съ самаго начала „очевидцами и служителями Слова“ было отъ Духа ⁵⁾.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ очевидно, что Златоустъ, вопреки Неандеру, Аллгогу, Толлуку и др., отнюдь *не принималъ теорію „ограничительнаго вдохновенія“*.

Однако, взгляды св. Златоуста на объемъ божественнаго вдохновенія были *еще болѣе широкіе*. Не только содержаніе, идея Св. Писанія производились имъ изъ боговдохновенности, но и самое изложеніе, самая форма ихъ, даже отдѣльныя изреченія и слова. Такъ Златоустъ непосредственно приписываетъ Богу употребленіе отдѣльныхъ выраженій въ законѣ пророка Моисея ⁶⁾. Также отъ Духа Святаго зависѣла и форма псалмовъ. Разнообразіе псалмовъ, ихъ размѣръ, краткость, продолжительность,—все это есть дѣло мудрости Духа ⁷⁾. Даже измѣненіе порядка рѣчи дѣ-

¹⁾ De stat. ad popul. Antioch. I, 1 (M. XLIX, 17. 18).

²⁾ In Gen. IV, 2 (M. LIII, 41); cap. 1.

³⁾ In Gen. LVII, 1; cap. XXX (M. LIV, 494).

⁴⁾ In Gen. LX, 2; cap. XXV (M. LIV, 522); in Matth. XXVI, 5 (M. LVII, 341).

⁵⁾ In Act. I, 2 (M. LX, 16).

⁶⁾ Hom. in Matth. XXI, 23 (M. LVI, 426); num. 7.

⁷⁾ In psalm. IX, 1 (M. LV, 121).

дается псалмопѣвцемъ не напрасно, не случайно (Пс. СХІ, 4) ¹⁾. Самыя малыя изреченія св. писателей произошли по вдохновенію Св. Духа, излились изъ обильнаго источника Духа Св. ²⁾.

Столь же широкій объемъ боговдохновести признаеть Златоустъ и въ отношеніи *писателей Новаго Завета*. Самое краткое, напимѣръ, изреченіе апостола Павла всегда исполнено благодати Духа ³⁾. Въ первомъ посланіи къ Тимоѳею (V, 23) апостоль даетъ наставленіе касательно употребленія вина, ради частыхъ недуговъ. Уже въ вѣкъ Златоуста это мѣсто возбуждало недоумѣніе. Многимъ казалось, что вышеуказанное наставленіе не нужно, излишне. Недоумѣвали, почему апостоль Павелъ не только далъ повелѣніе, но и запечатлѣлъ его письмепами, начертавъ его въ посланіи, какъ бы на мѣдномъ столбѣ, которое притомъ было назначено для народнаго чтенія. Вопреки такого рода недоумѣніямъ, Златоустъ рѣшительно утверждаетъ, что наставленіе апостола—чрезвычайно полезно. Передача его чрезъ посланіе грядущимъ поколѣніямъ есть именно дѣло благодати Духа, а не апостола Павла. Свое утвержденіе Златоустъ обосновываетъ именно на глубокой вѣрѣ въ то, что и маловажныя, повидимому, мысли св. писаній происходятъ отъ благодати Духа, которая никогда не бываетъ малой и скудной, но великой и достойной щедрости Давшаго ⁴⁾. Даже краткія апостольскія привѣтствія, напимѣръ въ посланіи къ римлянамъ (XVI, 3), написаны подъ высшимъ вліяніемъ и потому исполнены глубокаго значенія. Свою мысль Златоустъ доказываетъ посредствомъ примѣра. Если кто получаетъ письмо отъ друга, то читаетъ не только содержаніе письма, но и привѣтствіе, какъ признакъ расположенія писавшаго. Тѣмъ болѣе ничего не можетъ быть написано лишняго въ посланіи, которое провѣшеваетъ апостоль Павелъ, лучше же не Павелъ, а благодать Духа ⁵⁾. Не бесполезны и не лишены значенія также и родословныя, содержащіяся

¹⁾ In psalm. CXL, 6 (M. LV, 437).

²⁾ In Gen. XVI, 1 (M. LIII, 126); cap. II; ib. III, 1; cap. 1 (M. LIII, 32).

³⁾ De stat. XVIII, 2 (M. XLIX, 182).

⁴⁾ De stat. ad pop. antioch. I, 2 (M. XLIX, 18).

⁵⁾ In ep. ad Rom. XVI, 3 (M. LI, 187); n. 1; hom. I.

въ свангеліяхъ ¹⁾. Даже въ самыхъ вступленіяхъ въ ту или другую книгу часто изложены глубокія мысли: Христось движеть душу св. писателя ²⁾.

Доказывая, что въ Св. Писаніи даже, повидимому, мало-важное (*τὰ μικρὰ δοκοῦντα εἶναι*) не сказано напрасно и безъ цѣли ³⁾, Златоустъ обозначаетъ *причины этого*. Духъ Святыи, предвидѣвшій будущее, восхотѣлъ точнось изреченій предупредить внесеніе людьми въ церковныя догматы собственныхъ соображеній и обуздать невоздержный языкъ дерзкихъ суетсловъ ⁴⁾.

Утверждая, *боговдохновенность формы, порядка рѣчи св. писаній, отдѣльныхъ мѣстъ ихъ, привѣтствій, вступленій, родословій*, Златоустъ простираетъ ее и *на отдѣльныя слова св. писателей*. Въ Писаніи все изречено Духомъ Святымъ, и потому ничего не сказано безъ цѣли. Часто по одному слову, поэтому можно дойти до цѣлой мысли ⁵⁾. Сокровище мысли заключается не только въ отдѣльныхъ изреченіяхъ, но и въ незначительныхъ, повидимому, словахъ св. книгъ ⁶⁾. Причина въ томъ, что произносимыя св. Писателями слова суть изреченія божественныя ⁷⁾, принадлежать собственно не писателямъ, а благодати Духа ⁸⁾. Не должно почитать излишнимъ даже надписей, перечисленія именъ, счета лѣтъ и пр. ⁹⁾. Въ качествѣ примѣра Златоустъ приводитъ хронологію жизни св. патріарховъ. „Мы ясно видимъ всю добродѣтель праотца Авраама, замѣчаетъ св. отецъ, когда узнаемъ, сколько прошло времени отъ дарованія ему обѣтованій, о потомствѣ до исполненія обѣтованій. Моисей, вдохновляемый Святымъ Духомъ, и показываетъ намъ это ¹⁰⁾. Горячо защищаетъ Златоустъ св. книги также и противъ тѣхъ коварныхъ людей, которые, взявъ въ руки божественныя книги и увидѣвъ въ нихъ счетъ времени, перечисленіе именъ и

¹⁾ In ep. ad Rom. XXXI, 1 (M. LX, 667).

²⁾ In illud: 1 Cor. I, 1; n. 3 (M. LI, 148).

³⁾ In ep. ad Rom XXXI, 1 (M. LX, 668).

⁴⁾ In Gen. XII, 2 (LIII, 100).

⁵⁾ In Ioann. I, I (M. LIX 277).

⁶⁾ In Geu X, 3 (M. LIII 85); cap. 1.

⁷⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

⁸⁾ In psalm. CXLV, 1; n. 2 (M. LV, 520).

⁹⁾ In illud: Rom. XVI, 3 (M. LI, 195).

¹⁰⁾ In Gen XXXIX, I (M. LIII, 362).

т. д., говорили: „здѣсь только имена, и нѣтъ ничего полезнаго“ Св., отецъ Церкви горячо защищаетъ какъ „ἀρετῶν χρόνον“, такъ и „κατάλογον ὀνομάτων“ св. Библии. Если въ св. Библии вѣщаетъ Самъ Богъ, то какъ можно говорить, что въ ней есть что-либо бесполезное? Читатель долженъ со вниманіемъ останавливаться даже на простой надписи св. книги и изслѣдовать заключающееся въ ней богатство. Но не говоря о временахъ, имснахъ и надписяхъ, великую силу въ Библии имѣетъ даже прибавленіе одной только буквы. Такъ патріархъ Авраамъ сперва назывался Авраомъ. Это имя означало челоуѣка — странника (περάτης). Потомъ патріархъ былъ переименованъ въ Авраама и сдѣлался отцомъ всѣхъ народовъ¹⁾. Даже надписаніе той или другой св. книги имѣетъ для Златоуста глубокое значеніе. Надписаніе, поставленное въ заглавіи сочиненія, дѣлаетъ извѣстнымъ его содержаніе. Для поясненія своей мысли Златоустъ пользуется двумя сравненіями. Голова дѣлаетъ вѣдомымъ остальное тѣло и лицо и служитъ къ его открытію. На царскихъ изображеніяхъ внизу, въ основаніи пишутся трофеи, побѣды, подвиги. Вверху же начертывается самое изображеніе царя съ надписью. Изъ исторіи апостольской извѣстно, что св. Павелъ, имѣвшій благодать Духа, не прошелъ безъ вниманія даже напписи на жертвенникѣ въ Аѣинахъ (ср. Дѣян. XVII, 23). Тѣмъ болѣе нельзя пренебрегать написаннаго Святымъ Духомъ²⁾.

Въ твореніяхъ Златоуста находится немало мѣстъ, гдѣ утверждается боговдохновенность *именно отдельныхъ словъ* библейскаго текста. Евангелистъ Матѳей, напр., о предательствѣ Іуды искаріотскаго говоритъ: „τότε παρευθείς εἰς τῶν δόδεκα... πρὸς τοὺς ἀρχιερεῖς“ Св. Златоустъ обращаетъ особое вниманіе на обозначеніе момента времени („тогда“ = τότε = Матѳ. XXVI, 14), Зачѣмъ евангелистъ обозначилъ время, не просто сказавъ: „пошелъ“, не прибавивъ: „тогда пошелъ“? Говорящій Духомъ ничего не изрекаетъ напрасно, безъ причины. Слѣдовательно—и евангелистъ: онъ очевидно, хочетъ показать, что незаконное дѣло совершилось какъ разъ въ такое время, когда одна молодая женщина обнаружила великую вѣру, послушаніе и благочестіе, возливъ миро на

1) In Isa VI, 1; h. II, 1 (M. LVI, 110).

2) In inscriptionem altaris et in princip. Actorum; 3 (LI, 71—72).

главу Господа изъ алавастроваго сосуда (ср. Матѣ. XXVI, 6—13; Лук. VII, 36—50)¹⁾.

Дословное вдохновеніе усволяетъ Златоустъ и выраженію пророка Исаи: „вокругъ Господа стояли серафимы“ (Иса. VI, 2). Не мѣсто здѣсь обозначено, по мнѣнію св. отца, словомъ: „вокругъ“. Духъ Святый благоволилъ этимъ словомъ показать, что даже серафимы не могутъ созерцать существа Божія, хотя и находятся къ нему ближе насъ. Развивая эту мысль. Златоустъ говоритъ, что силы небесныя настолько лучше людей знаютъ непостижимость Божію, насколько онѣ—чище, мудрѣе, прозорливѣе человѣческой природы. Сила лучей солнечныхъ извѣстна зрячимъ гораздо болѣе, чѣмъ слѣпымъ. Также и непостижимость божескаго Существа. Однако, и серафимы покрывали свои лица, ограждались крыльями²⁾. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія Златоуста, даже отдѣльныя слова внушались Духомъ Святымъ св. Писателямъ, когда чрезъ таковыя слова выражалась какая-либо возвышенная догматическая идея.

Вербально вдохновлялся и *четвертый евангелистъ*. Онъ дословно писалъ и говорилъ то, что слышалъ отъ Духа (ср. I, 9), не испытывая болѣе ничего³⁾.

Даже *прибавка* небольшого, малозначительнаго, на первый взглядъ, *союза* дѣлается св. писателемъ не безъ основанія. Моисей, переходя къ исторіи сотворенія жены, пишетъ: „но для человѣка не нашлось помощника, подобнаго ему“ (Быт. II, 20). Союзъ здѣсь—вполнѣ умѣстенъ и необходимъ. Вѣдь слова пророческія—слова не простыя, а слова Духа Святаго. Поэтому, можно найти великое сокровище даже въ одномъ слогѣ⁴⁾.

Еще сильнѣе, въ смыслѣ вербальнаго вдохновенія звучать отзывы Златоуста *о значеніи въ Библии каждой отдельной буквы, іоты черты и т. п.* Въ этомъ отношеніи основной принципъ св. отца Церкви таковъ: въ Писаніи нѣтъ ни одного слога, ни одной черты, въ глубинѣ которыхъ не заключалось бы великаго сокровища⁵⁾. Этотъ принципъ Зла-

¹⁾ De praevaticatione Iudae: II, 2 (M. XLIX, 384).

²⁾ Contr. Anom. III, 3 (M. XLVІІІ, 722).

³⁾ In Ioann. I, VII, 1 (M. LIX, 63).

⁴⁾ In Gen. XV° I (M. LIII, 119); cap. II.

⁵⁾ In Gen XXI, 1 (M. LIII, 175); сра. VI и V.

тоусть примѣняетъ и къ отдѣльнымъ частямъ Библии. Такъ, комментируя рассказъ Библии о Каинѣ и Авелѣ, Златоусть замѣчаетъ, что этого рассказа отнюдь нельзя проходить безъ вниманія. Все духовное таково по своимъ свойствамъ, что каждый слогъ, каждая даже черта заключаетъ въ себѣ нѣ-которое скрытое сокровище¹⁾. Даже простое привѣтствіе апостола въ посланіи къ римлянамъ открываетъ намъ глубокое море мыслей, такъ какъ въ св. писаніяхъ нѣтъ ничего лишняго, ничего неважнаго, хотя бы то была одна іота, одна черта²⁾. Легко—замѣтить, что во всѣхъ вышеприведенныхъ и подобныхъ выраженіяхъ Златоустомъ, въ сущности, воспроизводятся слова Самого Господа изъ нагорной бесѣды (Матѣ. V, 18) и пр. Св. отецъ Церкви дѣлаетъ изъ этихъ словъ только практическое примѣненіе, доказывая посредствомъ соотвѣстственнаго истолкованія дословное вдохновеніе тѣхъ или другихъ частей св. первотекста.

Конечно, рѣшительныя заявленія Златоуста о глубокомъ значеніи слоговъ, буквъ и словъ Библии разрушаютъ въ самомъ основаніи иллюзію *Неандера* и др., будто Златоусть имѣлъ ограничительныя взгляды на объемъ боговдохновенности. Но, съ другой стороны, самая безповоротность и прямолинейность такого рода заявленій послужили для *Ф. Шмида*³⁾ и др. поводомъ къ причисленію Златоуста въ рядъ грубо-механическихъ вербалистовъ. Это, безъ сомнѣнія, обратная крайность.

Извѣстно, что теорія механически-вербальнаго вдохновенія въ чистомъ видѣ была изложена и защищаема лютеранскими и реформатскими богословами XVII в.: *Квешитедтомъ*, *Голлаціемъ*, *Хемницемъ*, *Музеемъ*, *Боеціемъ* и др. Благодаря этимъ ученымъ была, въ сущности, возрождена и подновлена старая схоластическая теорія. Согласно теоріи протестантской ортодоксіи XVII в. не только виѣшняя форма выраженія вообще, но и каждое отдѣльное слово, слогъ, пунктуация, интерпункція Библии произошли отъ Духа Божія и притомъ особымъ, чрезвычайнымъ способомъ.

1) In Gen. XVIII, 4 (M. LIII 154); cap. IV.

2) De mutatione nominum: Rom. XVI, 3; n. 1 (M. LI, 187); ср. in Act. XI, I (LI 119); n. 4.

3) Dr. Fr. Schmid, De inspirationis bibliorum vi ac ratione Brixinae; 1885; p. 291—297.

Златоустъ нигдѣ не выражаетъ столь крайнихъ мнѣній. Какъ *вербалистъ умѣренного типа*, онъ настаиваетъ только на *глубокомъ значеніи* въ Библии каждаго слова, слога и буквы, но вовсе не на чрезвычайномъ сверхъестественномъ ихъ происхожденіи, путемъ механическаго диктанта. Въ св. Библии нѣтъ ничего, что было бы написано случайно, напрасно, безцѣльно. Напротивъ, все—полезно, все цѣлесообразно, знаменательно; всюду разлито море божественной мысли 1). Такова основная мысль умѣренно-вербальной теоріи Златоуста. Ни однимъ словомъ онъ не обмолвился насчетъ механическаго диктанта св. писателямъ отдѣльныхъ словъ, слоговъ, буквъ и знаковъ препинапія со стороны божественнаго Вдохновителя. Съ другой стороны, даже по отношенію къ письменнымъ памятникамъ человѣческаго происхожденія, поврежденныхъ временемъ, Златоустъ говорить о великомъ значеніи не только дать хронологіи, но нерѣдко даже одного слога 2). То же самое и притомъ съ большимъ правомъ Златоустъ утверждаетъ и о Св. Писаніи, „сложенномъ Духомъ Святымъ“ 3). Вообще же говорить о глубокомъ до мелочей проникновеніи св. Библии божественной идеей далеко не значить производить и самую букву библейскаго текста изъ механической диктовки Духа.

Нельзя также забывать, что Златоустъ признаетъ различіе въ степеняхъ боговдохновенности св. писателей. Соответственно этимъ степенямъ, увеличивался или сокращался и объемъ собственно человѣческой работы св. писателя въ составленіи той или другой св. книги. Между тѣмъ крайніе вербалисты типа Квенштедта, Хемница и др., представляя св. писателей *простыми копистами, писцами, секретарями Духа Святаго* 4), едва ли допускали какую-либо возможность подобнаго рода степеней.

Доказательства признанія Златоустомъ различія въ степеняхъ боговдохновенности приведены выше. По дару боговдохновенности апостолы превосходятъ пророковъ Ветхаго

1) In Gen. XVI, 1 (M. LIII, 126); cap. II, III, 1 (M. LIII, 32); cap. I: XII, 2 (LIII, 100) и др.

2) In Gen. XXI, 1 (M. LIII, 175).

3) Ibidem

4) Andr. Quenstedt. Theologia didactico-polemica. Vittenberg. 1696; p. 55; par. 1.

Завѣта. Даже большій изъ пророковъ Моисей не получилъ такъ, какъ апостолы ¹⁾. Собственно пророческое вдохновеніе Златоустъ также, вѣроятно, понималъ иначе, чѣмъ боговдохновенность св. историковъ. О пророкахъ Давидѣ, Исаи и др. онъ учитъ, что они ничего человѣческаго не говорили, ничего—отъ собственнаго изобрѣтенія ²⁾. Когда же идетъ рѣчь о пророкѣ Моисеѣ и евангелистѣ Лукѣ, какъ св. историкахъ, Златоустъ говоритъ о вліяніи ихъ на форму и способъ изложенія (напр. сжатость, краткость рѣчи), на ихъ большую или меньшую самостоятельность въ сокращеніи подробностей событій, соединеніи вмѣстѣ различныхъ временъ и т. д. ³⁾. Съ этой точки зрѣнія, конечно, св. отецъ Церкви признаетъ различіе между историками-евангелистами въ изложеніи событій, касательно мѣста и времени ихъ совершенія, въ передачѣ тѣхъ или другихъ словъ дѣйствующихъ лицъ ⁴⁾ и пр. Повидимому, Златоустъ былъ склоненъ къ мысли о томъ, что и боговдохновенность одного и того же писателя не всегда была одинакова. Такъ возвышенное догматическое ученіе о вѣрѣ евангелистъ Юаннъ излагалъ, по внушенію Духа, дословно, безъ изслѣдованія (Іоан. I, 9 и друг.) ⁵⁾. Напротивъ, собственно историческіе факты передавались имъ совершенно увѣренно, какъ подтвержденные его собственными свидѣтельствами, какъ очевидца (ср. XXI, 24. 25) ⁶⁾. Можетъ быть, именно признаемъ различныхъ степеней писательскаго вдохновенія объясняются и различныя наименованія боговдохновенности у Златоуста, каковы: божественное внушеніе, наученіе съ неба, управление Духомъ душою писателя и т. п. ⁷⁾.

Такъ или иначе, но принятіе степеней боговдохновенности было бы *грубымъ диссонансомъ* со всею теоріей св. отца Церкви, если бы эта теорія допускала возможность превра-

¹⁾ Ὁστω καὶ Σαὺλ πρότερον μαρτυρηθεὶς ἀγαθὸς εἶναι τότε τὸ Πνεῦμα ἔλαλεν Ἀλλ οὕτως οὐδεὶς, οὐδὲ ὁ μετῴων τῶν προφητῶν Μωυσῆς; in Act. IV, 2 (LX, 44 45).

²⁾ In psalm. XLIV, 1 (M. LV, 183); in Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

³⁾ Ad. Stag. II, 6 (M. XLVII, 457); in Act. XXI, 1 (LX, 163).

⁴⁾ In Matth. I, 2 (M. LVII, 16); I, 4 (LVII, 18); I, 2 (col. 17)

⁵⁾ In Ioann. II, 3 (LIX, 33); VII, 1 (LIX, 63).

⁶⁾ In Ioann. LXXXVIII, 2 (M. LIX, 480. 481).

⁷⁾ Ibidem. XIII, 2 (LIX, 88); V, 2 (M. LIX, 56) и др.

щенія св. писателей въ простыхъ секретарей, записывавшихъ въ свои книги диктовку небеснаго Учителя.

Въ столь сверхъестественномъ и въ то же время столь жизненномъ актѣ взаимодействія Духа Божія и духа человѣческаго, каковымъ была боговдохновенность, *невозможно, конечно, отдѣлить то, что принадлежитъ собственно божественному внушенію, отъ того, что обязано своимъ происхожденіемъ содѣйствію самого человека-писателя.* Какъ въ обыкновенномъ литературномъ произведеніи, такъ и въ Св. Писаніи слово и мысль, форма и идея настолько тѣсно соединены между собою, что механическое разграниченіе ихъ другъ отъ друга невозможно. Какъ лучший представитель антиохійской школы, высоко цѣнившій историко-грамматическій смыслъ св. текста и логическое взаимоотношеніе мысли, Златоустъ, конечно, необходимо долженъ былъ придти къ убѣжденію, что каждый слогъ, каждая частица, каждая черта въ словѣ Божіемъ находятся на своемъ мѣстѣ и исполнены глубокаго значенія.

Златоустъ, далѣе, существенно расходится съ представителями механически-вербальныхъ теорій и въ своихъ взглядахъ *на состояніе вдохновляемаго Духомъ Божіимъ человека-писателя.* Суровые вербалисты, называя св. писателя копіистомъ, секретаремъ Духа Святого, предполагаютъ этимъ безучастное отношеніе его къ механической записи внушаемыхъ и диктуемыхъ свыше словъ и мыслей. Съ точки зрѣнія Голлація, Боеція и др. было бы непослѣдовательностью говорить объ индивидуальныхъ особенностяхъ кругозора, стиля, изложенія того или другого писателя. По ученію Златоуста, напротивъ, даже на высшихъ ступеняхъ боговдохновенности, напр. у пророковъ, сознаніе и пониманіе сохраняются. Просвѣщаемый и сознательно научаемый Богомъ, пророкъ все говорилъ съ трезвою душою, здравымъ разсудкомъ и совершенною свободою¹⁾. Вопреки мертвящему вербализму схоластиковъ, Златоустъ признавалъ именно человѣчески-индивидуальный характеръ боговдохновенныхъ книгъ. Поэтому, онъ и называлъ пророческія и апостольскія

¹⁾ In psalm. XLIV, 1 (M. LV, 184); in 1 Cor. XXIX, 1. 2 (LXI, 241, 242)

писанія точными изображеніями блаженныхъ душъ составителей ихъ ¹⁾.

Златоустъ, конечно, различалъ вдохновеніе предметное отъ вдохновенія дословнаго, вдохновеніе мысли отъ вдохновенія слова. Это особенно ясно выражено въ истолкованіи имъ перваго посланія къ ессалоникійцамъ (1 Фес. IV, 14 и друг.). Ап. Павелъ говоритъ въ пророческомъ духѣ о сошествіи Господа съ неба при гласѣ архангела и трубы Божіей, послѣ котораго воскреснутъ мертвые во Христа, а оставшіеся въ живыхъ будутъ, вмѣстѣ съ первыми, восхищены въ облакахъ въ срѣтеніе Господа (1 Фес. IV, 16. 17). Касаясь этого мѣста, Златоустъ дѣлаетъ такого рода замѣчаніе: апостоль все вообще изрекалъ Духомъ; но то, что онъ теперь говоритъ, онъ слышалъ отъ Бога дословно (ῥητῶς) ²⁾. По предположенію Златоуста, также таинственно апостоль воспринялъ сказанное въ бесѣдѣ съ ефесскими старѣйшинами изреченіе Господа: „блаженнѣе давать, нежели принимать“ (Дѣян. XX, 35) ³⁾, хотя въ другомъ мѣстѣ склоняется къ иному предположенію, что послѣднее изреченіе могло быть передано апостолами безъ письмени или же было выведено изъ всего ученія Христа путемъ умозаключенія ⁴⁾. Но несомнѣнное признаніе Златоустомъ вербальнаго вдохновенія не даетъ основанія понимать выраженія Златоуста: „ни одинъ слогъ, ни одна іота, ни одна черта не написаны въ Писаніи напрасно“, въ смыслѣ крайне-грубаго и бездушнаго вербализма старыхъ и новѣйшихъ схоластикомъ. Послѣдніе говорятъ не только о вдохновеніи словъ, какъ необходимыхъ средствъ для выраженія боговдохновенныхъ идей, но именно о точномъ опредѣленіи словъ по ихъ матеріальной сторонѣ, о самой диктовкѣ словъ такихъ, а не другихъ. Златоустъ же усваиваетъ Духу Божію отдѣльныя слова или слоги не потому, что они матеріально суть именно эти слова, именно эти слоги, а потому, что въ нихъ содержится опредѣленный смыслъ, выражена глубокая божественная идея. По крайней мѣрѣ, о св. евангелистахъ св. отецъ Церкви совершенно опредѣленно говоритъ, что однѣ и тѣ

¹⁾ In psalm. CXLV, 2 (M. LV, 521); in 2 Cor. XI, 1. 2 (LI, 303).

²⁾ In ep. ad Thess. VІІІ, 1 (M. LXII, 439).

³⁾ Ibidem

⁴⁾ In Act. XLV, 2 (LX, 316).

божественныя мысли они выражали различными словами и оборотами рѣчи ¹⁾. Слѣдовательно, словесная форма, словесная окраска, стиль св. писаній зависѣли отъ самихъ св. писателей, служили выраженіемъ ихъ человѣческой индивидуальности.

Наконецъ, должно прибавить, что Златоустъ не могъ признавать вербально боговдохновенной ту *греческую версію Ветхаго Заветъа*, которою онъ обычно пользуется въ своихъ комментаріяхъ. Онъ хорошо сознавалъ, что въ этой версіи не былъ воспроизведенъ отъ слова до слова, отъ слога до слога оригинальный еврейскій первотекстъ слова Божія ²⁾.

Все вышеизложенное приводитъ къ естественному заключенію, что Златоустъ былъ типичнымъ представителемъ того умѣреннаго вербализма, который имѣетъ для себя точку отправленія не въ механической диктовкѣ Св. Духомъ отдѣльныхъ словъ и изреченій, а въ *органической, духовной связи въ Библіи слова и мысли*.

ХІІ.

Въ связи съ ученіемъ о предѣлахъ боговдохновенности Св. Писанія стоитъ вопросъ о внутренней сущности ея, выражающейся *въ разныхъ родахъ смысла Св. Писанія*.

Въ этомъ отношеніи Златоустъ, подобно другимъ отцамъ Церкви, различаетъ въ св. Библіи два главные смысла: *буквальный и таинственный*. Но какъ въ первомъ онъ различаетъ частные виды: собственно *буквальный и переносный*, такъ во второмъ—смыслы *духовный, типическій, моральный, анагогическій* и др.

Многоразличіе смысла, составляющаго существо боговдохновенности Библіи, часто указывается Златоустомъ какъ *принципіально, основоположительно, такъ и практически, въ частныхъ случаяхъ истолзованія*. Иное въ Писаніи, по ученію Златоуста, должно понимать такъ, какъ сказано, а иное—въ смыслѣ переносномъ. Пророкъ Исаія, напр., говорить: „волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ“ (Иса. XI, 6), разумѣя будущее царство Мессіи. Смыслъ словъ—не буквальный, а переносный: не волковъ, не агнцевъ мы должны разумѣть здѣсь, а нравы людей, представляемые подъ видомъ

¹⁾ In Matth. I, 4 (M. LVII, 18).

²⁾ Ср. напр. in Gen. IV, 4 (M. LIII, 43).

безсловесныхъ. Иное въ Писаніи, далѣе, должно быть понимаемо въ двоякомъ смыслѣ: чувственномъ и духовномъ. Исторія, повимаемая въ смыслѣ буквальномъ, говоритъ намъ о сынѣ Авраама, приносимомъ въ жертву (ср. Быт. XXII). Но въ то же время мы разумѣемъ здѣсь и нѣчто болѣе возвышенное таинственное; а именно: крестную жертву ¹⁾. Также и исторія объ агнцѣ египетскомъ предначертываетъ образъ страданій Господа ²⁾. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ Златоустъ различаетъ именно два главные смысла слова Божія: смыслъ буквальный, чувственный и духовный, типическій.

Какъ воспитанникъ антиохійской экзегетической школы, Златоустъ, конечно, простираетъ боговдохновенность *главнымъ образомъ на смыслъ буквальный, историко-грамматическій*. Это—смыслъ простой, ясный, легко понимаемый; онъ содержится главнымъ образомъ въ книгахъ историческихъ, дидактическихъ и въ историческихъ отдѣлахъ и частяхъ книгъ пророческихъ ³⁾. Въ отношеніи къ буквѣ Златоустъ держится совершенно противоположной точки зрѣнія, нежели Оригенъ. Между тѣмъ какъ великій александріецъ находитъ обыкновенно въ видимыхъ несообразностяхъ простой буквы побужденіе къ аллегоризованію, Златоустъ именно при помощи историко-грамматическаго пониманія находитъ въ той же самой буквѣ источникъ для вѣрнаго разрѣшенія затрудненій.

Историко-грамматическій смыслъ, по теоріи Златоуста, есть дословное пониманіе историческаго содержанія (*ιστορία*) слова Божія, объясненіе предметовъ, дѣйствій и событій, въ немъ описываемыхъ, по точному содержанію (*κατὰ ῥητόν, ὡς εἶρηται*), по чувственному ихъ проявленію (*αἰσθητῶς*) и пр. ⁴⁾. Средствами для опредѣленія историко-грамматическаго смысла св. текста служатъ обычные способы изслѣдованія языка, примѣняемые къ изученію литературныхъ произведеній вообще: лексикографія отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраже-

¹⁾ In psalm. XLVI, 1 (M. LV, 209).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Златоустъ, какъ и другіе антиохійцы, обыкновенно буквальный смыслъ называетъ точными наименованіями.

⁴⁾ См. такого же рода опредѣленія въ слѣдующихъ мѣстахъ: in psalm. XLIV, 9 (M. LV, 198); ibidem: п. 10 (M. LV, 198) и др.

ній, грамматическія особенности стиля, изслѣдованіе словесныхъ формъ и ихъ построенія, указаніе связи въ контекстѣ рѣчи, сравненіе данныхъ словъ и выраженій съ синонимическими и даже противоположными имъ и т. д. ¹⁾ Различеніе главнаго отъ второстепеннаго, темы отъ ея доказательства, основанія отъ вывода и пр. составляетъ логическій моментъ буквального пониманія Библии ²⁾. Дидактический же моментъ заключаетъ въ себѣ опредѣленіе взаимоотношенія книгъ Ветхаго и Новаго Заветовъ, разрѣшеніе кажущихся противорѣчій отдѣльныхъ мѣстъ Библии, изслѣдованіе параллельныхъ мѣстъ ея и т. д.

Особенно обширное примѣненіе имѣетъ буквальное истолкованіе въ отношеніи такихъ частей Библии, которыя *излагаютъ намъ исторію* народа Божія. Въ ней сообщается намъ много повѣствованій о царяхъ и войнахъ, о государствахъ и семьяхъ, словомъ, о всевозможныхъ положеніяхъ жизни общественной и частной. Величайшую пользу приносятъ намъ эти повѣствованія ³⁾, если только будемъ изслѣдовать ихъ тщательно и точно ⁴⁾. Буквально понимаемая исторія не только достойна боговдохновеннаго пророка, но еще болѣе человѣколюбія Бога ⁵⁾. Аллегоризировать такія мѣста Библии, гдѣ содержится явно историческій смыслъ, не только бесполезное, но и прямо опасное занятіе. Надмеваясь своимъ краснорѣчіемъ и внѣшнюю мудростью, нѣкоторые, напримѣръ, стали брезгать мифологіями, оболщать простыхъ слушателей, говоря, что рай, о которомъ говоритъ св. Библия, былъ не на землѣ, а на небѣ (ср. Быт. II, 8). Причина—въ томъ, что такіе люди стали мудрствовать не такъ, какъ написано ⁶⁾.

Буква св. Писанія служитъ *основаніемъ для высшаго пониманія*. Нѣкоторыя слова Писанія должно понимать такъ, какъ они сказаны. Относительно же другихъ необходимо духовное разсмотрѣніе, духовное созерцаніе (*τὰ μὲν γὰρ ἔστι καὶ*

¹⁾ См. въ качествѣ примѣра истолкованіе понятія: „*οἱ ἀνθρώπων*“; in ps. IV, 3 (M. LV, 46) и др.

²⁾ In psalm. XI, 3 (M. LV, 147) и др.

³⁾ De David. et Saul I, 7 (M. LVI, 686).

⁴⁾ De poen. IV, 2 (M. XLIX, 301).

⁵⁾ In Isa. I, 22; I, 7 (M. LVI, 23).

⁶⁾ In Gen. XIII, 3; сар. II (M. LIII, 108. 109).

θεορῆσαι). Когда, напр., Моисей говорить о сотвореніи Богомъ неба и земли (Быт. I, 1), то его слова имѣютъ буквальное значеніе. Напротивъ, когда книга Притчей говорить объ „источникѣ воды“ и о „Любезной лани“ (V, 17—19), слова книги необходимо понимать иначе, нежели какъ они сказаны. Здѣсь рѣчь уже о другомъ: о цѣломудренномъ обращеніи съ женой, о чистотѣ супружескаго сожитія¹⁾.

Надъ голой буквой св. текста возвышается *иносказаніе*, *аллегорія* (ἀλληγορία). Но иносказаніе Златоуста существенно отличается отъ иносказанія Оригена. У Оригена аллегорія часто превращается въ произвольную игру воображенія. Златоустъ, наоборотъ, утверждаетъ, что желающіе иносказанія не должны, руководясь необузданнымъ произволомъ, блуждать и носиться повсюду. Пользоваться иносказаніемъ, иносказательнымъ образомъ рѣчи должно по указанію самаго Писанія²⁾.

Наличность аллегорическаго смысла, по ученію Златоуста, *опредѣляется извѣстными признаками*. Сама Библия обычно указываетъ, когда и какія именно мѣста имѣютъ смыслъ переносный. Мы не можемъ здѣсь распоряжаться его законами по произволу³⁾. Съ другой стороны, употребляя аллегорію, Писаніе часто указываетъ и ея значеніе. Исаія, напр., излагаетъ притчу о виноградникѣ, поясняя, что въ ней разумѣется домъ Израилевъ „любимое насажденіе Господа Саваофа“ (V, 7). Пророкъ Іезекиль рисуетъобразъ великокрылаго орла, который прилетѣлъ на Ливанъ и оборвалъ вершину кедра. Смыслъ образовъ указывается самимъ пророкомъ: орель—это вавилонскій царь; кедръ же—царь и князья іудейскаго народа (XVII, 12)⁴⁾. Аллегорія, далѣе, подтверждается точнымъ излѣдованіемъ каждаго слова св. текста, и сопоставленіемъ новозавѣтныхъ параллелей (ср. Иса. II, 2 съ Гал. IV, 4 и Еф. I, 10 и др.)⁵⁾ Аллегорія, наконецъ, подтверждается приложеніемъ сказаннаго къ самымъ

¹⁾ „Елень любви и жребя твоихъ благодатей, да бесѣдуетъ тебѣ.....; источникъ твоя воды да будетъ тебѣ твой“ (Пр. V, 17—18).

²⁾ In Isa. V 3 (M. LVI 60).

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Срав. Иса VIII, 7; Притч. V, 18, 19 и др.

⁵⁾ In Isa. II, 1 (M. LVI, 29)

событіямъ¹⁾. При аллегорическомъ истолкованіи, смыслъ св. Писанія опредѣляется не по чувственному начертанію св. текста, а по мысли, по идеѣ самаго образа; не поточному тексту, а по скрытому въ немъ понятію²⁾.

Слѣдовательно, по ученію Златоуста, аллегорія *возникаетъ* всякій разъ, когда Писаніе соединяетъ съ образно выраженнымъ субъектомъ рѣчи нѣсколько образныхъ предикатовъ. Это въ нѣкоторомъ смыслѣ продолжительная метафора. Всякій разъ, когда опредѣляется иносказательный смыслъ, вложенный Духомъ въ рѣчь св. писателя, необходимо должны быть принимаемы во вниманіе текстъ даннаго мѣста, контекстъ рѣчи, библейское словоупотребленіе, собственное истолкованіе Писанія и пр. Для Златоуста аллегорія въ сущности была тѣмъ же самымъ историко-грамматическимъ истолкованіемъ только въ его труднѣйшемъ отправленіи. Допуская аллегорію, Златоустъ не подрываетъ значенія буквального смысла, потому что обычно связываетъ ее съ аккомодацией, столь необходимой для назиданія вѣрующихъ³⁾. При всемъ томъ, Златоустъ *оспариваетъ аллегорію, какъ методъ*, какъ средство для отысканія въ простой и голой буквѣ Библии мистическихъ глубинъ, духовныхъ тайнъ, когда для этого нѣтъ основанія въ точномъ текстѣ слова Божія. Подобно Діодору тарсійскому, Златоустъ справедливо полагалъ, что александрійская манера аллегоризированія ведетъ къ совершенному разрушенію смысла историко-грамматическаго и превращаетъ аллегорію въ противоположность „духовному истолкованію“⁴⁾. Какъ выше было сказано, александрійская аллегорія въ крайнихъ своихъ формахъ представлялась Златоусту необузданнымъ позывомъ людей всюду блуждать и носиться своею мыслью⁵⁾.

Въ твореніяхъ Златоуста встрѣчается немало примѣровъ, когда онъ выражаетъ *свое нерасположеніе* къ беспочвенному аллегоризированію. Однимъ изъ таковыхъ служитъ истолкованіе моисеева описанія четырехъ рѣкъ рая. Лю-

1) In Isa. II, 2 (M. LVI, 28).

2) In psalm. XLVI, I (M. LV, 209) и др.

3) Отсюда—выраженіе *ἁρμόζειν, μετακρίζειν, ἀλλήγορειν*.

4) Извѣстно, что Діодоръ тарсійскій даже написалъ специальный трактатъ: „Τὴς διαφορὰ θεωρίας καὶ ἀλλήγορίας“.

5) In Isa V, 3 (M. LVI, 60).

бѣшіе говорить отъ своей мудрости не допускають ни того, что рѣки рая дѣйствительно суть рѣки, ни того, что воды—точно воды. „Но мы, замѣчаетъ св. Златоустъ, не станемъ внимать этимъ, людямъ; заградимъ для нихъ слухъ нашъ, а будемъ вѣрить божественному Писанію, слѣдуя тому, что въ немъ сказано“ (Быт. II, 10) 1). Иногда же св. отецъ Церкви, упоминая о такомъ или другомъ мнѣніи аллегористовъ, не считаетъ даже нужнымъ опровергать его, по причинѣ очевидной неприемлемости. Аллегористы, напр., говоря о хитонѣ Христа и пользуясь словами евангелиста: „весь тканый сверху“ (Іоан. XIX, 23), полагали, что рѣчь здѣсь идетъ о Распятіи, какъ имѣвшемъ божество свыше. Антиохійцы, строго держаась почвы историко-грамматическаго пониманія, справедливо видѣли въ данномъ мѣстѣ простое описаніе рода и вида хитона. Становясь всецѣло на эту послѣднюю точку зрѣнія, Златоустъ приводитъ простую историко-археологическую справку о способѣ тканья одеждъ въ Палестинѣ изъ двухъ вмѣстѣ сложенныхъ кусковъ матеріи и на этомъ основаніи дѣлаетъ предположеніе, что своимъ описаніемъ евангелистъ хочетъ показать бѣдность и простоту Христа даже въ одеждахъ 2).

Ограничивая аллегорію довольно точными предѣлами, св. отецъ Церкви *отличаетъ отъ нея библейскій типъ* (ὁ τύπος), Аллегорія содержитъ въ себѣ собственно простой облеченный въ образную рѣчь смыслъ. Типъ же совмѣщаетъ въ себѣ исторію и образъ. Въ фигуральномъ способѣ рѣчи образъ заключенъ въ словахъ, въ типическомъ же—извѣстное лицо, предметъ, событіе служатъ прообразами будущаго. Пророчество посредствомъ типа есть пророчество событий; другое же пророчество есть пророчество посредствомъ словъ 3). Различіе между ними такое же, какъ между смысломъ словеснымъ и предметнымъ. Такъ какъ Богъ открывается и предсказываетъ не только посредствомъ словъ, но также чрезъ событія и предметы, то оба происходящіе отсюда смысла св. Писанія одинаково достовѣрны, не допускають двусмысленности и вдохновлены Духомъ Божиимъ. Оба смысла, какъ аллегорическій, такъ и типическій облечены въ образы.

1) In Gen. XIII, 4 (M. LIII, 110); cap. II.

2) In Ioann. LXXXV, I, 2, (M. LIX, 461).

3) De poenit VI 4 (M. XLIX, 320).

Но эти образы—неодинаковаго свойства, хотя тотъ и другой смыслы суть виды одного и того же „духовнаго пониманія“.

Типическій смыслъ съ особымъ обиліемъ разлитъ Духомъ Божиимъ въ *книгахъ Ветхаго Завета*. Необходимымъ для него базисомъ служить именно дословный смыслъ св. текста¹⁾. Однако, этотъ высшій смыслъ, предначертанный въ описанныхъ боговдохновенными историками лицахъ и событіяхъ, весьма отличенъ отъ простой буквы. Это—нѣчто другое, сокровенное по мысли. Буква указываетъ на типъ такъ же, какъ знакъ на обозначаемое имъ, какъ образъ на отображеніе, какъ прообразъ на свое подобіе. Типъ не двойникъ, такъ сказать, смысла буквального, но смыслъ именно самаго историческаго явленія, событія, предмета. Притомъ же типъ не влагается въ боговдохновенное Писаніе произвольно, но по внѣшнимъ и внутреннимъ основаніямъ извлекается изъ него путемъ „духовнаго изслѣдованія“. Слѣдовательно, типическое истолкованіе не должно быть вынужденнымъ, не должно заключать въ себѣ какой-либо натяжки²⁾. Этимъ обоснованіемъ на подлинномъ текстѣ типическій смыслъ существенно отличается отъ произвольной игры въ аллегорію у александрійцевъ.

Однако, *типическій смыслъ отличенъ и отъ аллегоріи*, понимаемой въ смыслѣ антиохійской школы. Типъ не заключаетъ въ себѣ простаго смысла образной рѣчи; типическій смыслъ есть смыслъ двойственный: онъ основывается какъ на буквѣ исторіи, такъ и на образѣ событія или дѣйствія³⁾. Пророкъ Исаія, напр., пишетъ: „какъ овца, веденъ онъ былъ на закланіе и какъ агнецъ, предъ стригущимъ его безгласенъ“ (ЛШ, 7) Здѣсь смыслъ иносказательный; это пророчество словомъ. Авраамъ, вмѣсто Исаака, дѣйствительно принесъ въ жертву овца, запутавшагося рогами. Такъ какъ чрезъ это дѣйствіе предуказана жертва искушительная, то здѣсь—смыслъ типическій, здѣсь пророчество—дѣломъ⁴⁾. При типическомъ истолкованіи въ подлинномъ значеніи

1) Поэтому-то Златоустъ обыкновенно предпосылаетъ смыслу типическому-истолкованіе историко-грамматическое; срав. In Sen VI, 3 (M. LIII, 662).

2) См. (M. LI, 368).

3) De poenit. VI, 4 (M. XLIX 320)

4) Ibidem.

(τὸ καίμενον) принимаются какъ слова св. текста, такъ и образъ, ими выраженный (τὸ ἐξ αὐτοῦ δηλούμενον). Точкою отправленія служить именно исторія. Св. Писаніе, напр., говоритъ: какъ Моисей вознесъ змія“ (Іоан. III, 14) и пр. Это, дѣйствительно, необходимо принимать какъ историческій фактъ. Но въ то же время здѣсь разумѣтся прообразъ Христа¹⁾.

Само собою понятно, что различіе, указываемое Златоустомъ между типомъ и аллегоріей, господствовало и было общепринято въ его вѣкъ. Въ Новомъ Завѣтѣ замѣчается нѣчто другое: вслѣдствіе общаго признака, а именно: изобразительности, оба понятія иногда весьма тѣсно между собою сближаются. Ап. Павелъ, напр., въ рожденіи двухъ сыновей у Авраама одного-отъ рабы, другого-отъ свободной видитъ предызображеніе двухъ завѣтовъ (ср. Гал. IV, 24—27; Быт. XVI, 15; XXI, 3). Здѣсь, по мнѣнію Златоуста, апостоль, противъ обыкновенія, назвалъ образъ иносказаніемъ. Очевидно, св. апостоль хочетъ здѣсь сказать, что исторія описываетъ не только то, что представляется въ ней съ перваго взгляда, но выражаетъ также нѣчто другое²⁾.

Существенной чертой типа, по ученію Златоуста, служитъ *сходство его съ антитипомъ*, параллельное, фигуральное и символическое отношеніе къ предызображаемому лицу или событію. Если нѣтъ такого сходства, то и типъ отсутствуетъ. По этой причинѣ даже притчу Златоустъ называетъ типомъ и образомъ³⁾. Типъ не есть полная истина по только часть истины; не исполненіе, а темное изображеніе, тѣнь истины⁴⁾.

Златоустъ наглядно объясняетъ, въ чемъ состоитъ *различіе между прообразомъ и истинною*. Въ первоначальной картинѣ, на которой еще темными чертами нарисованы царское изображеніе, царскій престоль, копыеносцы, враги связанныя и поверженные, мы еще не можемъ различить въ тѣняхъ, какой именно царь нарисованъ. Это до тѣхъ поръ, пока настоящія краски, наложенныя на картину, не изобразятъ лица царя, не сдѣлаютъ его яснѣйшимъ. Отъ картины первоначальной эскизной, прежде наложенія настоящихъ

1) In psalm IX, 4 (LV, 127).

2) In Gal. IV, 4 (M. LXI, 662).

3) In psalm XLVIII, 2 (M. LV, 25); ср. Евр. XI, 17.

4) In Gen. LXI, 3 (M. LIV, 529).

красокъ, не возможно требовать всего. Также точно не можетъ быть точнаго и полнаго представленія истины въ образъ ея. Однако, образъ не долженъ быть совершенно чуждъ истины. Иначе онъ не былъ бы образомъ. Онъ не долженъ также и быть равенъ истинѣ: иначе онъ будетъ самою истиною. Образъ имѣетъ свои, болѣе или менѣе опредѣленные предѣлы. Онъ долженъ имѣть въ себѣ одно, а другое—оставить истинѣ. Такъ переходъ чрезъ Черное море, на примѣръ, есть типъ крещенія. Между этимъ типомъ Ветхаго Завѣта и таинствомъ Новаго Завѣта—слѣдующія параллели: водная стихія тамъ и здѣсь, море и купель, избавленіе отъ Египта и освобожденіе отъ идолослуженія, потопленіе фараона и египтянъ—отверженіе діавола и погребеніе ветхаго человѣка. Но образъ—не равенъ истинѣ: въ лицѣ Моисея евреи имѣли только предводителя и во имя его не крестились. Христіане же крестятся во имя Христа, получая чрезъ это крещеніе безчисленныя духовныя блага. Изъ этого примѣра достаточно ясно открывается великое превосходство истины предъ прообразомъ ея ¹⁾.

При такомъ отношеніи истины къ типу, совершенно понятно, что послѣдній бываетъ выраженъ въ Св. Писаніи неясно, темно, загадочно. Поэтому, типъ обладаетъ свойствами сокровенности, таинственности, духовности, возвышенности. Соединеніе типа съ пророчествомъ есть дѣло особаго Провидѣнія божественнаго ²⁾. Такъ какъ типическія лица и событія съ самаго начала были именно предызображеніями съ пророческимъ содержаніемъ, то и примѣненіе ихъ, какъ доказательствъ, не могло быть аккоммодацией къ сходнымъ обстоятельствамъ ³⁾.

Наиболѣе широкое примѣненіе имѣетъ типъ въ *св. письменности Ветхаго Завѣта*. Въ этомъ отношеніи ветхозавѣтная Библия справедливо можетъ быть названа книгой символовъ, типовъ „κατ' ἐξοχήν“. Златоустъ указываетъ множество типовъ въ ветхозавѣтныхъ книгахъ. Наиболѣе употребительны у него слѣдующіе: Ной какъ типъ Христа; голубь—образъ Духа Святаго; оливковая вѣтвь—благости Божіей; Лія и Рахиль—типы еврейской синагоги и Церкви

¹⁾ In illud: 1 Cor. X, 1; n. 4 (M. LI, 247. 248).

²⁾ De obscur. proph. I, 7 (M. LVI, 174).

³⁾ См. in Gen. LXI, 3 (M. LXI, 529).

Христовой: Іосифъ—типъ Христа; купина, горѣвшая и не сгоравшая—прообразъ тѣла Христова, бывшаго мертвымъ, но не удержаннаго смертью (Исх. III); Раавъ—блудница и Руфь—моавитянка—типы Церкви, возвышенной любовью Христа; манна—прообразъ божественной трапезы и приобщенія таинъ; алтарь съ горящими углями въ пророческой книгѣ Исаи—образъ и подобіе новозавѣтнаго алтаря¹⁾ и др.

Златоустъ, кромѣ того, находитъ немало въ собственномъ смыслѣ типовъ въ *Новомъ Заветѣ*. Такъ бѣгство Святого Семейства изъ Палестины (Матѣ. II, 13—15) прообразовало отверженіе іудеевъ; принятіе же его въ Египтъ—призваніе язычниковъ²⁾. Входъ Господа въ іерусалимъ былъ исполненіемъ пророчества Захаріи (IX, 9); по вмѣстѣ съ тѣмъ—типомъ для будущихъ событій царства Божія (Матѣ. XXI, 1—5)³⁾. Ликованія младенцевъ и отроковъ (XXI, 15—16) предвозвѣщали судьбу язычниковъ, ранѣе безмолствовавшихъ, а потомъ вдругъ съ вѣрою начавшихъ вѣщать великія истины Откровенія⁴⁾. Раздраніе завѣсы храма іерусалимскаго (Матѣ. XXVIII, 51) предуказало его будущее запустѣніе⁵⁾. Когда ап. Павелъ говоритъ о тайнѣ беззаконія, уже находящейся въ дѣйствиіи“ (2 Тесс. II, 7), то этимъ представляеть типъ антихриста, въ лицѣ Нерона⁶⁾.

Вышнимъ родомъ: „θεωρία“ является *смысль анагогическій*. Анагогія (ἀναγωγή) состоитъ въ томъ, что св. Писатель, руководясь божественными внушеніями, дѣлаетъ таинственныя указанія на развитіе домостроительства спасенія людей во времени и вѣчности⁷⁾. Когда смыслъ св. Писанія опредѣляется „κατ' ἀναγωγὴν“, то истолкователю приходится воз-

¹⁾ De poenit. VIII, 2 (M. XLIX, 339); synop. lib. Genes. (M. LVI, 322); in Gen. LXI, 3 (M. LIV, 528); in 1 Cor. XXXVIII, 3 (M. LXI, 325); de poen. VII, 5 (M. XLIX, 330, 331); in Matth. III 4 (M. LVII, 36); in ep. 1 ad Cor. XXXVIII, 3 (M. LXI, 325); in illud: 1 Cor. X, 1 (M. LI, 248—249); cp non esse desperandum: n 4 (LI, 368); hom. in seraph. 3 (M. LVI, 138, 139 и др.).

²⁾ In Matth. VIII, 2 (M. LVII, 85, 87, 89).

³⁾ In Matth. LXVI, 2 (M. LVIII, 627—629).

⁴⁾ In Matth. LXVII, 1 (M. LVIII, 633).

⁵⁾ In Matth. LXXXVIII, 2 (LVIII, 777).

⁶⁾ In ep. 2 ad Thessal. II, 7; h. 4 (M. LXII, 485).

⁷⁾ In psalm. XLIII, 3 (M. LV, 171); cp in psalm. XLVI, 1. (M. LV, 209).

вышаться надъ простымъ историко-грамматическимъ смысломъ и доходить до пониманія духовнаго ¹⁾. Исходя изъ того, что смыслъ переносный не вытѣсняетъ смысла историко-грамматическаго ²⁾, но или содержится съ ними рядомъ или возвышается надъ ними ³⁾, такъ что и самое истолкованіе бываетъ двоякимъ ⁴⁾, Златоустъ утверждаетъ, что по существу дѣла аналогія можетъ имѣть и имѣетъ совпаденіе съ типомъ. Поэтому, одно и то же истолкованіе Златоустъ называетъ иногда типическимъ, иногда аналогическимъ ⁵⁾.

Происхожденіе аналогическаго смысла Златоустъ связываетъ съ самымъ вдохновеніемъ св. писателя. Такъ псалмопѣвцу было свойственно предсказывать будущее, говорить неясно, въ смыслѣ аналогическомъ именно какъ пророку ⁶⁾. Смыслъ аналогическій происходилъ непосредственно изъ божественной благодати, изъ наитія Духа Святаго на св. писателей ⁷⁾. Впрочемъ, отысканіе и опредѣленіе смысла аналогическаго должны быть производимы съ большою осторожностью, чѣмъ слабѣе въ томъ или другомъ случаѣ основанія для оправданія этого смысла. Въ томъ случаѣ, когда аналогическій смыслъ представляется произвольнымъ, Златоустъ обыкновенно отвергаетъ его ⁸⁾.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

-
- ¹⁾ In psalm, XLVI, 1 (M. LV, 209).
²⁾ In psalm. CXLVII, 3 (M. LV, 483).
³⁾ In psalm IX, 4 (M. LV, 126, 127).
⁴⁾ In psalm. XLIV, 7 (M. LV, 194).
⁵⁾ In psalm. XLIII, 3 (M. LV, 171).
⁶⁾ In psalm. CXLVIII, 4 (M. LV, 484).
⁷⁾ In psalm. XLIII, 3 (M. LV, 171).
⁸⁾ In psalm. CXLIX, 2 (M. LV, 494).

УЧЕНИЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВОДХНОВЕННОСТИ БИБЛИИ.

(Окончаніе *)).

ХІІІ.

Ученіе о боговдохновенности Библии, въ изложеніи Іоанна Златоуста, было бы неполнымъ, если не присоединить къ нему, въ качествѣ необходимой составной части, замѣчательныхъ *опытовъ его по изслѣдованію и примиренію разногласій*, открывающихся читателямъ при поверхностномъ чтеніи св. Писанія.

Особое вниманіе посвящаетъ Златоустъ изслѣдованію разногласій, открывающихся въ четырехъ евангеліяхъ. Вопросъ о томъ, не переходятъ ли различія между евангелистами въ противорѣчія, исключаяющія другъ друга, имѣлъ въ глазахъ св. отца Церкви особую важность, потому что евангеліе, по ученію его, всегда должно быть въ рукахъ христіанъ, всегда должно быть предметомъ благоговѣйнаго ихъ почитанія¹⁾. Главнѣйшими источниками для изложенія „гармонистики“ Златоуста служатъ двѣ гомиліи его: *первая — на евангеліе отъ Матѳея и гомилія о расслабленномъ, спущенномъ чрезъ кровлю*²⁾.

По поводу взглядовъ, изложенныхъ въ первой гомиліи Іоанна Златоуста на евангеліе отъ Матѳея, *Фёрстеръ* держится такого мнѣнія: хотя Златоустъ говоритъ только „о разногласіи кажущемся“ (*δοχῶτα διαφωνία*), но изъ контекста ясно, что „кажущимся“ онъ называетъ собственно сущест-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 11 за 1911 годъ.

¹⁾ In Ioann. III, 3 (M. LIX, 296).

²⁾ In Matth. I; n. 2. 3. 4 (M. LVII, 16—18); in paralyt. n. 3. 4 (M. LI, 53. 54).

зование между евангелистами неразрѣшимыхъ противорѣчій; относительно же мѣсть малой важности онъ вовсе не отвергаетъ возможности противорѣчій ¹⁾. Другіе богословы, напр. извѣстный патрологъ Алцогъ ²⁾, воздерживаются отъ вполне опредѣленныхъ заключеній по этому вопросу, такъ какъ „гармонистика“ Златоуста будто бы не производитъ впечатлѣнія безспорнаго разрѣшенія поставленной проблемы. Правильное пониманіе точки зрѣнія Златоуста, безъ сомнѣнія, возможно только при объективномъ изложеніи его гармонистики.

Евангелисты часто обличаются въ разногласіяхъ. Но это и есть *величайшее доказательство истины* ³⁾. Такова—главная мысль всей гармонистики Златоуста.

Прежде всего, конечно, необходимо выяснить, каковъ—*смыслъ* и каково—*употребленіе* слова *διαφωνία* (разногласіе) у Златоуста. Выраженіе „говорить различно“ у Златоуста не обозначаетъ рѣшительную противоположность, а только разнообразіе въ передаваемомъ разсказѣ. Когда, напр., два евангелиста говорятъ объ одномъ и томъ же чудѣ Христа различно въ подробностяхъ, но, однако, такъ, что разсказы ихъ другъ другу не противорѣчатъ, а только взаимно дополняютъ, то происходитъ „*διαφωνία*“ ⁴⁾. Выраженія: „*ἐναντίως εἶπεῖν, μαχόμενος εἶπεῖν, κατ' ἀλλήλων στήνα*“ и пр., напротивъ, употребляются св. отцомъ Церкви о дѣйствительныхъ и неразрѣшимыхъ противорѣчій ⁵⁾. Терминъ же *διαφωνεῖν* (=разногласить) имѣетъ у Златоуста значеніе среднее между „*ἐναντίως εἶπεῖν*“ и „*διαφόρως εἶπεῖν*“ („сказать противорѣчиво“ и „сказано различно“). Одинъ разъ Златоустъ совершенно опредѣленно называетъ „*διαφωνία*“ = разногласіе именно наличность разнообразія въ разсказахъ въ противоположность противорѣчію. „Многіе, говоритъ онъ, написавъ много книгъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, не только разногласили, но

¹⁾ См. ero „Chrysostomus in seinem Verhältniss zur antiochen. Schule“. Gotha. 1869. Seit 41.

²⁾ I. Aizog. Crundrisz der Patrologie oder der alt. christl. Literaturgeschichte. Freiburg. 1888. Auflage 4. Seit: 315.

³⁾ In Matth. I, 2 (M. LVII, 16).

⁴⁾ In Matth. I, 4 (M. LVII, 18).

⁵⁾ Ibidem.

и противорѣчили другъ другу. Иное вѣдь дѣло сказать различно, другое—сказать противорѣчиво“¹⁾).

Разногласія евангелистовъ (*διαφωνοῦντες ἐλέγχονται*), далѣе, понимались Златоустомъ именно *въ смыслъ простыахъ между ними различій*. Если бы рѣчь шла о неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, то Златоустъ, безъ сомнѣнія, не могъ бы находить въ нихъ „величайшаго доказательства истины“. Этого мало: въ различіи евангельскихъ разсказовъ онъ находитъ вѣрнѣйшій признакъ безпристрастія, правдолюбія ихъ составителей. Какъ бы уступая противникамъ евангелій, а на самомъ дѣлѣ пользуясь возраженіемъ съ ихъ искуснымъ риторическимъ приемомъ, Златоустъ говоритъ, что различіе между евангелистами—кажущееся, въ мелочахъ²⁾. Допускаемое имъ разногласіе только исключаетъ дословное совпаденіе между евангелистами³⁾. Тотъ, кто обвиняетъ евангелистовъ за разногласіе, дѣлаетъ ничто иное, какъ заставляетъ ихъ говорить одними и тѣми же словами и употреблять одинъ и тотъ же способъ выраженія⁴⁾. Даже различіе въ обозначеніи временъ и мѣстъ событій не заключаетъ въ себѣ дѣйствительнаго противорѣчія, а только указываетъ на „различіе въ разсказѣ“⁵⁾.

Другимъ основаніемъ, на которомъ Златоустъ построитъ свою гармонику, служитъ *раздѣленіе содержанія евангелій на главное (τὰ κεντρικά) и менѣе важное (τὰ μικρά)*. Въ главномъ—разногласіе безусловно исключается. Въ главномъ, которое заключаетъ въ себѣ основаніе нашей жизни и утверждаетъ проповѣдь, евангелисты не разногласятъ нигдѣ даже въ маломъ. Но во второстепенномъ разногласіе—возможно. „Если и есть у евангелистовъ какія разногласія, этимъ ясно обнаруживается сила Духа, которая убѣждаетъ людей, чтобы они, держась необходимо нужнаго, нисколько не потерпѣли вреда отъ мелочей“⁶⁾.

Вышеуказанное раздѣленіе содержанія евангелій на двѣ части, конечно, отвѣчаетъ самой *природѣ дѣла*. Злато-

1) Ibidem: n. 4 (M. LVII, 18).

2) Ibidem: (M. LVII, 16).

3) Ibidem: n. 4 (col. 18).

4) Ibidem.

5) In Matth. I, 3 (M. LVII, 16).

6) Ibidem.

устъ съ настойчивою рѣшительностью утверждаетъ согласіе евангелистовъ въ главномъ. Это—совершенно естественно: разногласіе ихъ въ предметахъ вѣроученія и правоученія—гораздо важнѣе, чѣмъ въ историческихъ подробностяхъ евангельскихъ разсказовъ. Однако, выраженіе Златоуста: „нисколько не потерпитъ вреда отъ мелочей“ отнюдь не доказываетъ, будто онъ допускалъ въ евангеліяхъ дѣйствительную возможность противорѣчій, въ отношеніи историческихъ подробностей. Если бы это было такъ, то Златоустъ въ другомъ мѣстѣ не могъ бы сказать: это различіе „нисколько не вредитъ истинѣ сказаннаго“¹⁾. Слѣдовательно, именно въ мелочахъ онъ предполагалъ „кажущееся разногласіе“, существенно отличая его отъ противорѣчія. Именно, касательно такого рода мелочей Златоустъ обычно совѣтуетъ своимъ слушателямъ не смущаться, не считать за ошибку, не изумляться и т. п.²⁾ Примѣромъ такого рода разногласія въ мелочахъ Златоустъ выставляетъ различіе евангелистовъ въ повѣствованіи о благовѣстіи ангела (ср. Матѳ. I, 19—21; Лук. I, 26—38). Извѣстно, что евангелистъ Лука упоминаетъ о благовѣстіи Маріи, а св. Матѳей о благовѣстіи Іосифу. Различіе оказывается совершенно мнимымъ, такъ какъ было и то и другое. Разрѣшая такъ недоумѣнія читателей, Златоустъ справедливо прибавляетъ: „не нужно оставлять безъ вниманія и этихъ мелочей“ („οὐδὲ γὰρ ταῦτα δεῖ τὰ μικρὰ παρατρέχειν“³⁾).

На основаніи вышеизложеннаго получается возможность выяснить, въ чемъ заключается *основная точка зрѣнія* Златоуста на разногласія между евангелистами, поскольку она изложена въ его первой гомиліи на Матѳея. Дѣйствительныхъ противорѣчій у евангелистовъ нѣтъ и не можетъ быть не только въ отношеніи предметовъ вѣроученія и нравоученія, но также и въ отношеніи историческихъ разсказовъ. Различіе въ представленіи жизни и чудесъ Христа выводится Златоустомъ изъ особыхъ намѣреній Духа Святаго. Заранѣе пресѣкая подозрѣніе касательно вымысла, Духъ Святой допустилъ евангелистовъ сходно и согласно описать чудеса Спасителя. Духъ Святой, однако, устроилъ

¹⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 16).

²⁾ In Matth. LXX, 3. (M. LVIII, 658).

³⁾ Contr. anom. VIII, 4 (M. XLVIII, 773).

такъ, что одинъ изъ евангелистовъ опускалъ одно, другой — другое. Здѣсь и дано очевидное доказательство, что евангелія написаны ими безъ дурного умысла, безъ приготовленія, не по соглашенію и не изъ угожденія кому-либо. Все въ нихъ, поэтому, выражаетъ безыскусственную истину¹⁾. Примѣромъ различнаго отношенія евангелистовъ къ пользованію матеріаломъ можетъ служить притча о богатомъ и Лазарѣ. Притчу эту изложилъ только евангелистъ Лука (XVI, 19—31); прочіе—опустили. Изъ евангелій очевидно, что одно изъ словъ Христа изложили всѣ четыре евангелиста, другое—каждый особо. Вслѣдствіе этого, и чтеніе прочихъ евангелистовъ было необходимо и совершенство ихъ согласія стало яснымъ. Если бы всѣ евангелисты сказали о всемъ, то одинъ бы могъ научить всему, и не всѣмъ бы внимали прилежно. Напротивъ, если бы всѣ они обо всемъ говорили различно, то въ ихъ согласіи не было бы совершенства. Поэтому, о многомъ сказали всѣ вообще евангелисты, о другомъ—каждый особо²⁾.

Третьимъ доказательствомъ согласія евангелій Златоустъ считаетъ отношеніе къ нимъ еретиковъ. Однѣ ереси приняли все, что сказано въ евангеліяхъ. Очевидно, онѣ не сдѣлали бы этого, если бы между евангеліями были несогласіе и противорѣчіе: въ послѣднемъ случаѣ достаточно было бы ограничиться тою частью, которая была согласна³⁾. Другія ереси, напротивъ, приняли только часть евангелій, отдѣливъ ее отъ прочихъ. Однако, именно этою частью онѣ и были изобличены. Слѣдовательно, даже отдѣльныя части евангелій обнаруживаютъ сродство съ цѣлымъ тѣломъ, что доказываетъ совершенное отсутствіе въ евангеліяхъ противорѣчій⁴⁾. Такая гармонія евангелій обуславливалась именно божественной силой все производящей и совершающей⁵⁾.

Кромѣ гомиліи на евангеліе отъ Маттея, согласіе евангелистовъ между собою служитъ предметомъ гомиліи о разслабленномъ. Мысли Златоуста здѣсь изложены съ бѣльшей

1) In quadriduanum Lazarum (M. L, 641).

2) De Laz. I, 6 (M. XLVIII, 970).

3) In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

4) Ibidem: (col. 18).

5) Ibidem.

ясностью и послѣдовательностью, чѣмъ въ первой гомиліи, гдѣ развитіе темы прерывается отступленіями въ сторону.

Вопросъ о согласіи евангелистовъ, по мысли Златоуста, *весьма важенъ*. Во первыхъ, отъ такого или иного разрѣшенія его зависитъ достовѣрность самыхъ евангелій, а слѣдовательно, и уваженіе къ христіанской истинѣ вообще. Во вторыхъ, вопросъ этотъ имѣетъ апологетическій интересъ, въ отношеніи іудеевъ, язычниковъ и многочисленныхъ еретиковъ ¹⁾.

При изслѣдованіи различій въ евангельскихъ разсказахъ о разслабленномъ, весьма важно рѣшить: *одно ли лицо*—разслабленный, о которомъ говоритъ евангеліе отъ Матѳея (IX гл.), и челоувѣкъ, болѣвшій тридцать восемь лѣтъ, о которомъ разсказываетъ четвертое евангеліе (V гл.)? При тождествѣ того и другого присутствіе дѣйствительнаго противорѣчія несомнѣнно.

Язычники, іудеи, еретики, дѣйствительно, на основаніи этихъ и подобныхъ мѣсть упрекали евангелистовъ въ противорѣчіяхъ и разногласіяхъ. Но Златоустъ рѣшительно отвергаетъ это, при чемъ свое отверженіе выражаетъ въ такой отрицательной формѣ, которая не допускаетъ никакого исключенія.

Въ то же время Златоустъ указываетъ и *основаніе полного согласія* евангелистовъ въ ихъ боговдохновенности. Лица писателей—различны, а благодать, двигавшая душу каждаго изъ нихъ, была одна. А гдѣ благодать Духа, любовь, радость и миръ, тамъ нѣтъ борьбы, противоположности, несогласія и какого-либо разногласія ²⁾. Подобныя мысли развиваетъ Златоустъ и въ посланіи къ Титу (I, 7—9). Не только ап. Павелъ, но и апи. Петръ, Іаковъ, Іоаннь,—весь ихъ сонмъ согласны, единокорны между собою. Какъ въ одной лирѣ струны различны, но гармонія одна, такъ и въ сонмѣ апостоловъ: различны—лица, но ученіе—одно, потому что—одинъ Художникъ, Духъ Святой, Который приводитъ въ движеніе ихъ души (ср. I Кор. XV, II) ³⁾. Слѣдовательно, по ученію Златоуста, отсутствіе борьбы и противорѣчій между

¹⁾ In paralyticum per tectum demissum; n. 3 (M. LI, 53).

²⁾ Homil. in paralyt. per tectum demissum: 3 (M. LI, 53).

³⁾ Homil. in laud. Ignat. 2 (M. L, 588).

евангелистами обусловливается тѣмъ, что Первовиновникъ св. Писанія есть Богъ, Который не можетъ Самъ Себѣ противорѣчить.

Задавая вопросъ, *не различно ли рассказали нѣкоторые изъ четырехъ евангелистовъ о тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ событія*, Златоустъ для разрѣшенія этого вопроса предлагаетъ объясненіе логическаго закона противорѣчія. Иное дѣло—сказать различно и иное—сказать противоположно. Между евангелистами, конечно, различіе существуетъ; но это различіе по существу таково, что „не производить ни разногласія, ни борьбы“. Въ данномъ случаѣ было бы, дѣйствительно, великое противорѣчіе, если бы ослабленный при купели былъ однимъ и тѣмъ же лицомъ съ тѣмъ, который былъ описанъ тремя евангелистами.

Двумя примѣрами Златоустъ разъясняетъ, что *значитъ говорить различно и что значитъ говорить противорѣчиво*. Евангелистъ Іоаннъ рассказываетъ, что Самъ Христосъ несъ крестъ (XIX, 17); три же прочіе,—что несъ Симонъ киринейскій (Матѳ. XXVII, 32; Марк. XV, 21; Лук. XXIII, 26). Такъ какъ было то и другое, то противорѣчія нѣтъ. Самъ Господь несъ, когда вышли изъ преторія; Симонъ же взялъ отъ Него крестъ и несъ, когда пошли далѣе. Такое же различіе между евангелистами замѣчается въ описаніи случая съ распятыми разбойниками. Евангелистъ Матѳей рассказываетъ, что хулили Христа оба разбойника (Матѳ. XXVII, 44), ев. Лука, напротивъ, передаетъ, что одинъ разбойникъ заграждалъ уста тому, кто поносилъ (XXIII, 39—41). Здѣсь, по предположенію Златоуста, также могло быть и, дѣйствительно, было то и другое: сначала оба разбойника поступали нечестиво; затѣмъ начались знаменія: поколебалась земля, распались камни, скрылось солнце; одинъ изъ разбойниковъ, подъ вліяніемъ знаменій, перемѣнился, сдѣлался благоразумнѣйшимъ и, познавъ Распятаго, исповѣдалъ Его царство¹⁾.

Исходя изъ понятій о различіи и противорѣчіи рѣчи, Златоустъ выражаетъ и опредѣленное заключеніе касательно различій въ евангеліяхъ. Нѣкоторыя изъ евангельскихъ повѣствованій, повидимому, возбуждаютъ подозрѣніе въ противорѣчій, но, въ дѣйствительности, противорѣчія не ока-

¹⁾ In peralyt. п. 3 (M. LI, 54).

зывается. По большей части, происходитъ какъ то, что рассказываетъ одинъ евангелистъ, такъ и то, что передаетъ другой. Но время—не одно и то же: одинъ евангелистъ сказалъ о томъ, что было прежде, другой—что было послѣ ¹⁾.

Повѣствованія евангелистовъ о расслабленномъ *оправдываютъ* такое заключеніе. Если бы расслабленный четырехъ евангелій былъ одинъ и тотъ же, между евангелистами оказалось бы, несомнѣнно, большое противорѣчіе (*πολλή ἢ μάχη*). Однако, всякій споръ, всякое недоразумѣніе исчезнуть, если расслабленныхъ было двое ²⁾. Многие признаки мѣста, времени, обстоятельствъ и способа исцѣленія доказываютъ, что расслабленные евангелій Матѳея и Іоанна были различныя лица. Одинъ былъ исцѣленъ въ нѣкоторомъ домѣ города Капернаума; другой—при водной купели Іерусалима. Одинъ получилъ исцѣленіе въ нѣкоторый другой день, а не въ субботу, вслѣдствіе чего іудеи негодовали не по причинѣ дня исцѣленія, а по другому основанію. Другой же расслабленный сталъ здоровымъ именно въ день субботній (Іоан. V, 9), а это и привело зрителей въ негодование. Согласно евангелія Матѳея расслабленный былъ принесенъ ко Христу ближними своими (IX, 2), которые, по ев. Марку, даже спустили его чрезъ кровлю (Марк. II, 4). Евангеліе же Іоанна намъ рассказываетъ совершенно другое: Самъ Христосъ приходитъ къ больному, потому что онъ не имѣлъ ни одного человѣка, который бы ему помогъ (Іоан. V, 7). У Капернаумскаго расслабленнаго Христомъ напередъ была исцѣлена душа (IX, 2), и потомъ исчезло расслабленіе; у расслабленнаго іерусалимскаго, наоборотъ, прежде души было избавлено отъ болѣзни тѣло (Іоан. V, 14) ³⁾.

Въ твореніяхъ Златоуста встрѣчаются, далѣе, многочисленные опыты гармоніи, сравненія и примиренія *различныхъ мѣстъ* св. текста. Эти опыты могутъ служить важнѣйшимъ доказательствомъ, что въ Св. Писаніи, происшедшемъ чрезъ божественное вдохновеніе, не можетъ быть неразрѣшимыхъ противорѣчій. Особенно богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи даетъ комментарий Златоуста на первое евангеліе. Но

¹⁾ In paralyt. n. 4 (M. LI. 54).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Homil. in paralyt. per tectum demissum; n. 4 (M. LI. 54).

разрозненныя замѣчанія встрѣчаются и въ другихъ его твореніяхъ.

Обычно опыты согласованія отдѣльныхъ мѣстъ св. текста у Златоуста принято подраздѣлять на два класса: одни примиряють менѣе важныя историческія различія, другіе—касаются предметовъ вѣры и нравственной жизни.

Первый классъ обнимаетъ собою многія событія евангельской исторіи. Такъ рассказы евр. Матѳея и Луки (I, 19—21 и Лук. I, 26—38) о благовѣстіи ангела Пресвятой Дѣвѣ и Іосифу объясняются Златоустомъ именно въ смыслѣ „разногласій кажущихся“ (*διαφωνία δοκῶσαι*)¹⁾. Таковъ же методъ согласованія евангельскихъ повѣствованій о возвращеніи св. семейства въ г. Назаретъ (Матѳ. II, 22 и Лук. II, 39). По словамъ евр. Матѳея, Іосифъ пошелъ въ Назаретъ послѣ того, какъ получилъ извѣщеніе отъ ангела: евр. Лука, напротивъ, представляетъ дѣло такъ, что Іосифъ и св. Дѣва сдѣлали это сами собою, когда исполнили въ Іерусалимѣ все, что требовалось закономъ объ очищеніи. Златоустъ рѣшительно утверждаетъ, что евангелисты говорятъ о двухъ событіяхъ, о двухъ возвращеніяхъ св. семейства на родину. Одно совершилось до бѣгства въ Египетъ, другое—послѣ бѣгства²⁾.

Евр. Матѳею и Луку, далѣе, различаютъ одинъ отъ другого *въ повѣствованіи о чудесномъ исцѣленіи слуги сотника*. По евр. Матѳею, самъ сотникъ лично проситъ Господа объ исцѣленіи слуги (VIII, 5—9). Въ евангеліи же св. Луки рассказывается, что просьба была передана чрезъ іудейскихъ старѣйшинъ и друзей (VII, 3—4; 6—8). Разногласіе и здѣсь только внѣшнее, по видимости (*ἡ δοκῆ διαφωνία ἐμφάνειν*). Въ самомъ дѣлѣ, оба евангелиста совершенно сходятся въ характеристикѣ сотника, какъ человѣка съ добрымъ расположеніемъ духа, имѣвшаго достойное мнѣніе о Христѣ. Весьма вѣроятно, что самъ сотникъ лично приходилъ ко Христу, послѣ того какъ послалъ друзей. Евангелисты же не разногласили между собою, но восполняли другъ друга³⁾.

Таково же по существу объясненіе различія евангелій въ повѣствованіи *объ исцѣленіи тещи ап. Петра*. Евангелистъ Маркъ совершенно точно обозначаетъ моментъ чуда: „го-

¹⁾ Homil. in Matth. IV, 5 (M. LVII, 45).

²⁾ In Matth. IX, 4 (M. LVII, 180).

³⁾ In Matth. XXVI, 2 (M. LVII, 336).

рячка тотчасъ оставила ее (I 31). Первый же евангелистъ объ этомъ совершенно умалчиваетъ (VIII, 14. 15). Не говорить оъ даже о томъ, что о больной просили Христа, какъ передають второй и третій евангелистъ (Марк. I, 30; Лук. IV, 38). Разногласія и здѣсь никакого нѣтъ. Одно происходитъ отъ краткости повѣствованія, другое, напротивъ, отъ полноты ¹⁾. Отсюда слѣдуетъ естественный выводъ: опущеніе евангелистами подробностей событія, напр. въ порядкѣ времени, (Лук. VIII, 22; Матѳ. VIII, 23; Марк. IV, 35) отнюдь не свидѣтельствуеетъ о существованіи между ними разногласія ²⁾.

Иногда различіе между евангелистами сводится просто къ различію въ образѣ повѣствованія. Евангелистъ Лука, напр., рассказываетъ объ одномъ бѣсноватомъ въ странѣ гадаринской (VIII, 27, ср. Марк. V, 2). Между тѣмъ въ первомъ евангеліи упоминается два (VIII, 28). Съ точки зрѣнія строго логическаго закона, противорѣчіе было бы тогда, если бы ев. Лука, сказавъ объ одномъ бѣсноватомъ, присоединилъ, что другого не было. Между тѣмъ евангелистъ упомянулъ только о самомъ лютейшемъ изъ бѣсноватыхъ, который въ ярости расторгалъ узы и оковы, блуждая по пустынь ³⁾.

Другія различія устраняются путемъ правильного истолкованія ихъ. Между первымъ и третьимъ евангелистомъ, напр., различіе во времени, когда совершилось событіе Преображенія Господня. Одинъ говоритъ: „по прошествіи дней шести“ (Матѳ. XVII, 1); другой: „дней чрезъ восемь“ (Марк. IX, 28). Но Златоустъ рѣшительно отвергаетъ всякую возможность въ данномъ случаѣ противорѣчія. Напротивъ, здѣсь — совершенное согласіе. Евангелистъ Лука разумѣлъ и тотъ день, когда Господь говорилъ Своимъ ученикамъ о крестныхъ страданіяхъ (ср. Лук. IX, 22—27) и тотъ, когда возвелъ учениковъ Своихъ на гору (IX, 28). Евангелистъ же Маркъ считаетъ только шесть дней, прошедшіе въ промежуткѣ ⁴⁾.

Первый и второй евангелисты, далѣе, допускають разницу въ сообщеніи о законникѣ. По разказу перваго, вопросъ

¹⁾ Ibidem. XXVII, 1 (M. VII, 344).

²⁾ In Matth. XXVIII, 1 (M. LVII, 350).

³⁾ Ibidem: XXVIII, 2 (M. LVII, 352—353).

⁴⁾ In Matth. LVI, 1 (M. LVIII, 549).

о заповѣди былъ заданъ законникомъ, какъ бы для искушенія Господа (Матѣ. XXII, 35); по словамъ же второго евангелиста, все поведеніе, да и самый разумный отвѣтъ законника справедливо заслужили похвалу Господа (Марк XII, 5). Здѣсь также легко предположить совершенное согласіе между св. писателями. Первоначально, вопросъ законника имѣлъ, вѣроятно, характеръ искушенія. Но затѣмъ отвѣтомъ своимъ, что ближняго онъ любитъ больше всесоуженій, законникъ вполне заслужилъ отъ Господа похвалу ¹⁾.

Къ мелочнымъ различіямъ (τὰ μικρά) Златоустъ относитъ различія въ параллельныхъ евангельскихъ повѣствованіяхъ *объ изгнаніи торжниковъ изъ храма*. Слова Христа къ торжникамъ передаются первымъ и четвертымъ евангелистомъ неодинаково. Въ первомъ евангеліи Христосъ говоритъ: „вы сдѣлали домъ Мой вертепомъ разбойниковъ“ (Матѣ. XXI, 13; ср. Иса. LVI, 7; Іер. VII, 11); въ четвертомъ же: „не дѣлайте домомъ торговли“ (II, 16). Происхожденіе различія дѣлается совершенно понятнымъ, если припомнить, что Христосъ изгонялъ торжниковъ два раза: въ началѣ проповѣди и предъ крестными страданіями, при чемъ въ послѣдній разъ могъ употребить и болѣе сильныя выраженія, чѣмъ въ первый ²⁾.

Въ такомъ родѣ, путемъ искуснаго и нерѣдко глубокаго экзегесиса, св. Златоустъ объясняетъ различія въ евангельскихъ разказахъ *объ отреченіи ап. Петра, о просьбѣ матери сыновъ заведеевыхъ*, о предсмертной жаждѣ Господа на крестѣ (Матѣ. XXVI, 34. 69—75 и Марк. XIV, 66—71; Матѣ. XX, 21 и Марк. X, 38; Матѣ. XXVII, 34 и Іоанн. XIX, 30) и др. ³⁾.

По ученію Златоуста, боговдохновенность совершенно *исключаетъ возможность* какихъ-либо противорѣчій писателей самихъ съ собою и другъ съ другомъ.

Для доказательства перваго можетъ служить разсказъ ев. Луки *о видѣніи ап. Павлу близъ Дамаска*. Въ одномъ случаѣ передается, что сопровождавшіе ап. Павла—слышали голосъ (Дѣян. XXII, 9); въ другомъ,—что не слышали (XXII,

¹⁾ Ibidem: LXXI, 1 (M. LVIII, 662).

²⁾ In Ioann XXIII, 2 (M. LIX, 140).

³⁾ In Matth. LXXXV, 2 (LVIII, 759); Contr. Anom. VIII, 4 (XLVIII, 773; in Matth. LXXXVII, 1 (M. LVIII, 770).

9). Противорѣчія нѣтъ: было два голоса—ап. Павла и Самого Господа; не было слышно именно второго ¹⁾). Также нѣтъ самопротиворѣчія въ словахъ ап. Павла о путешествіи въ Македонію во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ и въ первомъ. Мнимое самопротиворѣчіе св. апостола устраняется несомнѣннымъ желаніемъ его придти къ Коринѳянамъ ²⁾).

Въ качествѣ примѣра того, какимъ образомъ Златоустъ устранялъ *мнимыя противорѣчія писателей другъ другу*, можно указать на два мѣста изъ ветхозавѣтной Библии. Въ книгѣ Іова находится слѣдующая фраза: „ὁ κρηάσας τὴν γῆν ἐπ' οὐδενός“ (XXVI, 7). Напротивъ, псалмопѣвецъ поетъ: „ἐν τῇ χειρὶ Αὐτοῦ τὰ πέρατά и „ἐπὶ θαλάσῳν ἐθεμελίωσεν αὐτὴν τῆς γῆς“ (XCIV, 4; XXIII, 2).

По своему обыкновенію и касательно этихъ мѣстъ Златоустъ высказываетъ часто повторяемое свое мнѣніе: *противорѣчіе между писателями—кажущееся, а на самомъ дѣлѣ—большое согласіе* (δοκεῖ μὲν ἐναντία ταῦτα εἶναι, πολλήν δὲ ἔχει τὴν συμφωνίαν). Въ самомъ дѣлѣ, выраженія боговдохновенныхъ писателей „стоять на водахъ“ и „висѣтъ ни на чемъ“ тождественны по смыслу. Изреченіе же: „въ Его рукѣ глубины земли“ заключаетъ въ себѣ только мысль о силѣ Божіей, промысляющей обо всемъ, поддерживающей и носящей тѣло земли ³⁾).

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что для Златоуста всѣ предполагаемыя противорѣчія въ Библии суть, „*разногласія мнимыя*“ (δοκοῦσι διαφωνῆσαι). Различія писателей въ историческихъ подробностяхъ произошли совершенно естественно изъ отношенія обычно къ двумъ разнымъ событіямъ (ἀμφότερα γέγονεν). Краткость или полнота повѣствованія, субъективное различіе въ способѣ разсказа также въ весьма значительной мѣрѣ вліяли на происхожденіе различій. Такъ или иначе, т. е. могутъ ли быть признаны экзегетической наукой опыты „гармонистики“, предложенные Златоустомъ, объективно неоспоримыми или не могутъ, искренность его соб-

¹⁾ In Act. XLVI, 2 (M. LX, 328).

²⁾ In epist. 2 ad Corinth. III, 2 (M. LXI, 408): намѣревался къ вамъ придти. и чрезъ васъ пройти въ Македонію (2 Кор. I, 15–16) и въ другомъ мѣстѣ: „я приду къ вамъ, когда пройду Македонію, ибо я иду чрезъ Македонію“ (1 Кор. XVI, 5).

³⁾ De stat. ad popul. Antioch. IX, 4 (M. XLIX, 108).

ственной глубокой вѣры въ невозможность дѣйствительныхъ и неразрѣшимыхъ противорѣчій между боговдохновенными составителями св. книгъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Второй классъ различій между св. писателями касается собственно религіозной или догматической области. Предварительно изложенія взглядовъ Златоуста и на этотъ классъ различій, необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что онъ съ одинаковой энергіей отвергаетъ предположеніе о неразрѣшимыхъ различіяхъ въ св. текстѣ, идетъ ли рѣчь объ историческомъ повѣствованіи или же о религіозно-догматическомъ ученіи. Въ этомъ случаѣ все вниманіе антиохійскаго богослова устремлено вовсе не на то, чтобы опредѣлить, къ какому классу—къ исторіи или къ догмату—необходимо отнести то или другое мѣсто Библии, а именно на то, находится ли это мѣсто въ противорѣчій съ другими или не находится. Безусловная невозможность противорѣчій въ словѣ Божіемъ, независимо отъ характера его содержанія,—вотъ главный предметъ доказательствъ Златоуста.

По отношенію къ *Лицу Христа*, повидимому, обнаруживается разногласіе между тѣми частями св. Библии, особенно евангелій, гдѣ говорится о Его Божествѣ, и тѣми, которыя изображаютъ Его человѣческое самоуничженіе. Такъ, съ одной стороны, евангелистъ Іоаннъ говоритъ, что Сынъ, подобно Отцу, оживляетъ, кого хочетъ (V, 21): съ другой, что Онъ молился Отцу, когда было нужно это совершить (XI, 41—42). Повидимому, обнаруживается „*ἡ ἄληθειά καὶ ἡ πόλεμος*“. Но они исчезнутъ, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи причинъ такого рода изреченій о Христѣ. Какъ современниковъ, такъ и потомковъ Христосъ хотѣлъ удостоверить въ томъ, что Онъ—не тѣнь, не призракъ, а дѣйствительная Истина и Жизнь. Кромѣ этого, и сами слушатели, вслѣдствіе немощи, не въ состояніи были усвоить возвышеннаго догматическаго ученія. Когда Христосъ говорилъ что-либо высшее человѣческой природы, то слушатели Его смущались и соблазнялись. Когда же, напротивъ говорилъ что-либо уничиженное и человѣкообразное, то прибѣгали къ Нему и принимали Его ученіе. Было бы несогласно съ человѣколюбіемъ Божіимъ постоянно употреблять высшія вы-

раженія и чрезъ это отвратить всѣхъ отъ ученія ¹⁾. Слѣдовательно, двойственность выраженій о Христѣ, употребляемыхъ евангелистами, имѣетъ ту же причину, какъ и двойственность дѣйствій Самого Господа. Господь былъ облеченъ истинною плотію, но иногда оставлялъ Свою плоть одинокою, безъ собственнаго Божескаго содѣйствія, чтобы показать ея немощь, внушить увѣренность въ ея человѣческой природѣ. Въ другихъ же случаяхъ, напротивъ, Господь какъ бы прикрывалъ плоть Своимъ Божествомъ, чтобы показать, что Онъ не былъ простымъ человѣкомъ. Если бы Господь постоянно показывалъ дѣйствія только человѣческія, могли бы подумать, что Онъ былъ простой человѣкъ. Равно какъ, если бы Онъ постоянно совершалъ свойственное Божеству, то не повѣрили бы ученію о домостроительствѣ. Разнообразія и перемѣшивая слова и дѣла, Христосъ предупреждалъ чрезъ это безуміе Павла Самосатскаго, Маркіона, Манихея и др. ²⁾. Не только несообразности, но и противорѣчія окажутся въ словахъ св. писаній, если мы будемъ слушать ихъ просто, поверхностно и невнимательно ³⁾.

Въ такомъ же духѣ разъясняются различія между св. писателями въ комментаріяхъ Златоуста въ случаяхъ, сопрягающихся съ областью нравоученія. Христосъ, напр., заповѣдуетъ Своимъ ученикамъ не говорить ничего лишняго въ молитвѣ (Матѣ. VI, 7). Апостоль же Павелъ призываетъ христіанъ къ молитвѣ непрестанной (Рим. XII, 12; 1 Сол. V, 18). Сообщеніе евангелиста Матѣя и призывъ ап. Павла совершенно согласуются въ томъ, что Христосъ и апостоль Его заповѣдуютъ творить молитвы краткія, но частыя ⁴⁾. Повидимому, находятся между собою въ большомъ противорѣчіи сообщенія евангелистовъ о словахъ Господа къ Марѣ касательно многопопечительности (ср. Лук. X, 14; Матѣ. VI, 34) и постоянныя увѣщанія ап. Павла христіанъ къ дѣятельной жизни (1 Тесс. IV, 10; Еф. IV, 28; Дѣян. XX, 34; 1 Кор. IX, 18 и др.). Какъ въ другихъ, такъ и въ этомъ случаѣ Златоустъ ставитъ цѣлю показать, что въ словѣ Божиємъ противорѣчія нѣтъ. Попеченіе и трудъ—не одно и то же.

¹⁾ Contr. anom. VII, 3 (M. XLVIII, 759).

²⁾ Contr. anom. VII, 6 (M. XLVIII, 766).

³⁾ Ibidem: VIII, 1 (XLVIII, 769).

⁴⁾ De Anno sermo II, 2 (M. LIV, 646).

Не пецись не значить не трудиться, но значить не привязываться къ житейскимъ вещамъ, не заботиться о покоѣ па-завтра, но считать такую заботу дѣломъ лишнимъ. Можно трудиться и не собирать ничего назавтра, можно трудиться и ни о чемъ не заботиться. Св. апостоль заповѣдаетъ даже не просто заниматься дѣломъ, но такимъ трудомъ, чтобы была возможность и подать другому что-либо (1 Фесс. IV, 10; Еф. IV, 28). Иной, дѣйствительно, трудится, чтобы подать нуждающемуся. Также и слова Христа относятся собственно не къ труду и занятію дѣломъ, а къ тому, что надобно знать время для труда; Господь хочеть сказать Марѣѣ, что времени, опредѣленнаго для слушанія, не должно употреблять на дѣла плотскія ¹⁾.

Въ одномъ мѣстѣ комментарія на псалмы Златоустъ, по своему обыкновенію, остроумно, наглядно и глубокомысленно объясняетъ, почему и какъ именно „мнимыя противорѣчія“ между св. писателями, особенно евангелистами, *разрѣшаются полнымъ согласіемъ*. Въ то время, какъ евангелисты Матѣей, Лука и Маркъ свои писанія начинаютъ съ воплощенія (ср. напр. Матѣ. I, 1), евангелистъ Іоаннъ начинаетъ прямо съ Божества Христа (I, 1—14). Повидимому, какое можетъ быть согласіе въ противоположномъ? Однако, жизнь, природа и исторія разрѣшаютъ недоразумѣніе. Въ медицинѣ иногда случается врачу употреблять противоположныя дѣйствія. Однако, онъ дѣйствуетъ вполне согласно съ самимъ собою, потому что имѣеть въ виду только одно: здоровье больного. Въ природѣ лѣто—противоположно зимѣ; но цѣль того и другого времени года одна и та же, а именно: созрѣваніе, возрастаніе плодовъ. Весь міръ, далѣе, состоитъ изъ противоположностей, несмотря на то, что великая стройность, содѣйствующая благу людей, видна въ немъ. Наконецъ, примѣръ противоположности даетъ намъ и евангельская исторія. Христосъ шелъ путемъ противоположнымъ, нежели Креститель (Лук. VII, 33—34). Но оба, хотя и противоположными дѣйствіями, достигали собственно одной цѣли: спасенія людей. То же необходимо сказать о порядкѣ повѣствованія евангелистовъ, о божествѣ и воплощеніи Господа. Евангелистъ Іоаннъ вполне согласенъ съ прочими, хотя идетъ

¹⁾ In Ioann. XLIV, 1 (M. LIX, 249).

путемъ другимъ, въ сравненіи съ ними. Таковъ именно законъ постепеннаго развитія Божественнаго Откровенія. Собщая догматы, предписанія и заповѣди, Богъ постепенно возводилъ родъ человѣческой отъ чувственныхъ образовъ къ духовнымъ понятіямъ. Когда слово евангельское еще не было посѣяно, то внушалось ученіе о воплощеніи, начиная съ болѣе чувственнаго и вещественнаго. Когда же это ученіе вполнѣ утвердилось, стало благовременно восходить и выше ¹⁾. Слѣдовательно, противоположность евангелистовъ состояла не въ дѣйствительномъ между ними противорѣчій въ исторіи или въ догмѣ, а только въ различномъ методѣ описанія богочеловѣчества Христа-Спасителя.

XIV.

Соединяя въ одно цѣлое мнѣнія и сужденія Златоуста по отдѣльнымъ вопросамъ, составляющимъ содержаніе догмата о боговдохновенности, можно изложить все ученіе его въ нижеслѣдующихъ тезисахъ:

1. Св. Библия есть Писаніе божественное, боговдохновенное, божественная философія, слово и законъ Св. Духа.

2. Въ Библии изложены для людей божественныя мысли, слова, изреченія, опредѣленія, глаголы высочайшаго Царя.

3. Важнѣйшимъ доказательствомъ боговдохновенности Библии служить ея дивное возрождающее и освящающее дѣйствіе на души людей. Источникъ такого дѣйствія именно въ силѣ и благодати Духа. Въ этомъ смыслѣ въ св. Библии предложена духовная лѣчебница для людей, врачующая ихъ духовныя раны посредствомъ небесныхъ глаголовъ.

4. Что души св. писателей были исполнены Духа Святаго и божественной благодати, это доказывается необыкновеннымъ успѣхомъ, быстрымъ распространеніемъ въ мірѣ св. книгъ, въ связи съ возвышенностью изложенныхъ въ нихъ догматовъ вѣры и превосходствомъ правилъ жизни.

5. Божественный авторитетъ Библии подтверждается также непреборимой силою Божіихъ опредѣленій, могущественнымъ дѣйствіемъ словъ Божіихъ, выразившихся въ точномъ исполненіи боговдохновенныхъ пророчествъ какъ въ періоды Ветхаго и Новаго Завѣта, такъ и въ исторіи св. Церкви Христовой.

¹⁾ In psalm. XLIV, 8 (M. LV, 195).

6. Такъ какъ все божественное Писаніе изречено Духомъ Святымъ, то въ немъ ничто не сказано безъ цѣли; цѣль же обоихъ завѣтовъ одна: исправленіе людей.

7. Внушая людямъ въ немногихъ словахъ божественное любомудріе, св. Библия, благодаря обитающей въ ней благодати св. Духа, превосходитъ всѣ произведенія мірской литературы, поэзіи, философіи, науки ясностью, удобопонятностью, истинностью и идеальной высотой ученія.

8. Одинъ Богъ, одинъ и тотъ же Духъ Святой говоритъ въ св. писаніяхъ обоихъ завѣтовъ, такъ что между ними господствуетъ полное согласіе; различны — слова, но мысли — согласны. Библия, посему, есть какъ бы одинъ цѣльный организмъ.

9. Какъ боговдохновенное Писаніе, Библия носитъ на себѣ печать особенной, духовной красоты; именно божественная благодать сообщаетъ блескъ и красоту словамъ св. Библии.

10. Содержаніе Библии — неисчерпаемо — глубоко. Въ самомъ краткомъ изреченіи ея находится великая сила и несказанное богатство мыслей. Это — источникъ неизсякаемый, не имѣющій предѣла, обильно наполняемый и изливаемый Духомъ Святымъ.

11. Заключая въ себѣ безпредѣльное море божественной мысли, св. Библия въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, особенно въ пророчествахъ, отличается нѣкоторою прикровенностью. Это свойство Библии обусловливается какъ внутренними причинами, наприм.: возвышенностью ея вѣроученія, аккомодацией къ неопытности современниковъ, приточностью рѣчи, педагогическою цѣлью, существомъ пророческаго вдохновенія вообще, такъ и внѣшними, каковы: глубокая древность св. книгъ, трудность еврейскаго языка, неясность переводовъ и т. п.

12. Вообще же содержаніе Библии въ достаточной мѣрѣ вразумительно, и, если пошмать его съ разсужденіемъ, то ни одно слово Писанія не покажется труднымъ.

13. Не имѣя обычая говорить обо всемъ подробно, св. Писаніе отличается краткостью, точностью выраженій, яснѣйшимъ различеніемъ предметовъ и безпристрастіемъ повѣствованій.

14. Боговдохновенность дѣлаетъ Библию непогрѣшимымъ источникомъ истины. Писаніе само по себѣ неложно,

не говорить неправды, не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчиваго.

15. Какъ слово, обращенное къ людямъ, св. Писаніе обязано своимъ происхожденіемъ снисхожденію Бога по причинѣ человѣческой немощи. Божественное Писаніе обо всемъ говоритъ по-человѣчески и по снисхожденію къ намъ.

16. Такъ какъ слова Господа дѣйствіемъ благодати Духа для того и преданы письмени, чтобы дать людямъ предохранительныя врачевства противъ страстей, то и чтеніе боговдохновенныхъ писаній, какъ откровеніе неба, безусловно необходимо и полезно, содѣйствуетъ праведности поведенія и чистотѣ жизни. Небреженіе о слышаніи слова Божія ведетъ даже къ потерѣ человѣческаго достоинства.

17. Боговдохновенность простирается на оба отдѣла св. письменности; Сынъ Божій былъ Законодателемъ обоихъ завѣтовъ. Одинъ и тотъ же Духъ, говорившій въ Ветхомъ Завѣтѣ, говорилъ и въ Новомъ. Одинъ и тотъ же Духъ, напр., двигалъ устами Давида и дѣйствовалъ на душу ап. Павла.

18. При единствѣ божественнаго происхожденія, Ветхій Завѣтъ, однако, имѣлъ значеніе только подготовительной ступени къ Новому Завѣту, уступая ему первенство въ славѣ, въ благодатномъ дѣйствіи на человѣка, въ самомъ способѣ сообщенія откровеній, подѣ покровомъ типовъ и прообразовъ.

19. Новый Завѣтъ есть эпоха высшаго любомудрія, великой благодати Духа. Христосъ возвысилъ человѣчество до высочайшихъ догматовъ, удостоивъ его великихъ тайнъ богопознанія. Въ Ветхомъ Завѣтѣ никто, даже большій изъ пророковъ Моисей не получилъ такъ, какъ апостолы.

20. Канонъ ветхозавѣтныхъ писаній раздѣляется Златоустомъ на три класса и основанъ всецѣло на древне-еврейской традиціи, съ тою особенностью, что книга Іисуса, сына Сирахова, на ряду съ тремя книгами Соломона, причисляется антиохійскимъ богословомъ къ канону писаній правоучительныхъ.

21. Въ канонъ писаній Новаго Завѣта Златоустъ не включаетъ второго посланія ап. Петра, второго и третьяго посланія ап. Іоанна, посланія ап. Іуды и Апокалипсиса.

22. Первовиновникомъ божественныхъ откровеній, засвѣдѣльствованныхъ въ св. писаніяхъ, по ученію Злато-

уста, былъ Богъ-Отець. Но посредникомъ въ сообщеніи этихъ откровеній человѣческому роду является Сынъ Божій, божественный Логосъ, Христосъ. Именно Воплотившійся далъ законъ Моисею, посылалъ пророковъ, говорилъ чрезъ нихъ, управлялъ, руководилъ душами апостоловъ и пр.

23. Самая же боговдохновенность есть собственное дѣло Духа Божія. Въ Божественныхъ писаніяхъ все сказано, все изречено Духомъ Святымъ. Пророкъ Моисей, напр., говорилъ не простыя слова, но слова Божіи, не свои слова, а слова Духа Святаго (*αὐτὸ γὰρ ῥήματα εἰσὶν ἀπλῶς, ἀλλὰ τοῦ ἁγίου ῥήματα*). Апостоль Павелъ писалъ Духомъ, преподавалъ опредѣленія благодати Духа (*Πνεύματι ἐγράφε; ἔδωκεν τῆς τοῦ Πνεύματος χάριτος τὰς ἀπόφασεις*) и пр.

24. Органами Духа Святаго были люди высокихъ нравственныхъ качествъ, люди святой жизни. Пророки Ветхаго Заѣта получали Духа Святаго именно послѣ обнаруженія своей добродѣтели. Св. апостолы были ангелами свѣта, служителями высшихъ дѣлъ; душа апостола языковъ была какъ бы цѣлымъ духовнымъ раемъ и пр.

25. Въ отношеніи ума одни изъ св. писателей, какъ пр. Моисей, царь Соломонъ, ап. Павелъ и др., были научены свѣтской мудрости. Другіе же—по большей части—были людьми неучеными по внѣшнимъ законамъ, иногда простыми рыбаками и пастырями, невѣждами въ словѣ (*ἰδιῶται τῷ λόγῳ*).

26. Вліяніе Божественнаго Вдохновителя на человѣка-писателя было преобладающимъ. Св. писатель только предоставлялъ свой языкъ, а благодать Божія научала чрезъ него родъ человѣческой. Составителемъ св. книги св. писатель былъ постольку, поскольку говорилъ въ Духѣ Божіемъ или поскольку Духъ Божій говорилъ въ немъ.

27. Въ глубоко-тайственномъ дѣйстви Духа Божія на св. писателя Златоустъ различалъ, въ качествѣ главнѣйшихъ моментовъ, внутреннее или внѣшнее возбужденіе къ составленію того или другого писанія, непосредственное руководство въ этомъ составленіи и точное, безошибочное, обусловленное именно боговдохновенностью изложеніе божественныхъ мыслей св. писателемъ.

28. Именно Духъ Святой былъ возбудителемъ писательской силы. Дѣломъ благодати Духа было то, что даже

сказаны устно, но и письменно изложены. Изрекаемое св. писателемъ происходило не отъ его человѣческаго усилія, но отъ возбуждавшаго его божественнаго вдохновенія, благодаря чему, Писаніе не могло говорить неправды (*ἀψευδὴς ἡ Γραφή*).

29. Человѣкъ—писатель, въ отношеніи Духа Святаго, былъ служебнымъ, подчиненнымъ органомъ. Духъ Божій, по образному сравненію Златоуста, пользовался св. писателемъ, какъ отправитель—вѣстникомъ (*ἄγγελος*), господинъ—посланцемъ (*πρεσβυτήρ*): благодать Духа Святаго пользовалась устами святыхъ, какъ музыкантъ—трубами, гуслями, флейтами; душа св. писателя, чрезъ которую возглаголь Духъ, подобна была лирѣ, имѣющей золотыя струны и т. п.

30. Боговдохновенность, однако, не подавляла въ св. писателѣ индивидуальных особенностей его личной душевной жизни. Въ св. писаніяхъ всюду отпечатлѣваются свойства темперамента, душевныя настроенія, чувствованія св. писателей.

31. Стилъ св. книгъ служитъ какъ бы отображеніемъ душъ ихъ составителей. Моисей, напр., кратокъ, пр. Исаія—громогласенъ, смѣль, ап. Петръ—всегда пламенный, исполненный дерзновенія. Евангелисты: Матѳей—точень, Маркъ—любитъ краткость, Лука пишетъ пространнѣе, Іоаннъ—возвышенъ, апостолъ Павелъ разливается какъ рѣка и пр.

32. Боговдохновенность была той высшей силой, которая пробуждала мысль св. писателя. Духъ Божій сообщалъ дары Свои тогда и тамъ, когда и гдѣ усматривался возбужденный умъ, при чемъ вдохновляемое лицо сохраняло сознание и разумніе; св. писатель обстоятельно размышлялъ о томъ, что принималъ отъ Духа.

33. Чувствованія св. писателей также находились въ состояніи возбужденной дѣятельности. Всепѣло объята Духомъ Божиимъ, душа св. писателя часто изливалась въ словахъ свѣтлаго восторга, сильнѣйшей любви, чрезвычайной радости, глубокаго изумленія, пламеннаго гнѣва и т. п.

34. Въ отношеніи воли человѣка-писателя, боговдохновенность не была актомъ поглощенія начала низшаго Началомъ высшимъ, а напротивъ, сознательнымъ подчиненіемъ человѣческаго божескому, возвышеніемъ, возбужденіемъ, приведеніемъ въ движеніе (*παρόρμημα, ἐνέργεια, κίνησις*).

35. Существуетъ различіе въ степеняхъ боговдохновен-

ности какъ между св. писателями обоихъ Завѣтовъ, такъ и между св. писателями одного завѣта и даже одного и того же класса. Такъ апостольское вдохновеніе—выше пророческаго, какъ заключающее въ себѣ корни прочихъ дарованій: пророкъ не можетъ быть апостоломъ, но апостоль всегда есть и пророкъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ пророки, какъ люди всецѣло одержимые, объятые, исполненные Духомъ, стоятъ выше другихъ писателей. Но и среди пророковъ высшее мѣсто принадлежитъ другу Бога Моисею. Въ Новомъ же Завѣтѣ евангелистъ Іоаннъ превосходитъ всѣхъ прочихъ своею возвышенностью, а ап. Павелъ, по искусству преподавать евангельское слово, является апостоломъ по преимуществу.

36. Боговдохновенность имѣетъ весьма широкой объемъ, простираясь не только на религіозно-нравственное ученіе Библии, но и на историческія сообщенія. Даже въ простомъ перечисленіи св. писателями именъ заключается сокровенное богатство мыслей. Благодать Духа изложила и исторію патриарховъ. Духъ Святой съ опредѣленною цѣлью не почелъ постыднымъ изложить даже исторію преступленія Рувима (Быт. XXXV, 22), прелюбодѣянія царя Давида и пр.

37. Боговдохновенность обнимала и форму св. писаній. Разнообразіе, напр., псалмовъ, ихъ размѣръ, краткость или продолжительность есть дѣло мудрости Духа.

38. Вліяніе Духа Святаго простиралось и на отдѣльныя изреченія, въ которыя облекалась боговдохновенная мысль св. писателей. Духъ Святой, предвидя будущее, восхотѣлъ точною изреченій предупредить внесеніе въ церковныя догматы людьми собственныхъ соображеній и обуздать невоздержанный языкъ дерзкихъ суеслововъ.

39. Въ смыслѣ вербальномъ, все въ Писаніи изречено Духомъ Святымъ, ничего безъ цѣли не сказано, такъ что по одному слову часто можно дойти до цѣлой мысли. Не должно почитать излишними даже надписанія, перечисленія именъ, счета лѣтъ, простого къ кому-либо привѣтствія.

40. Въ Писаніи нѣтъ даже ни одного слога, ни одной черты, въ глубинѣ которыхъ не заключалось бы великаго сокровища.

41. Однако, вербальное вдохновеніе вовсе не предполагаетъ механической диктовки слоговъ, словъ и выраженій

Духомъ Святымъ, а скорѣе—органическую связь въ св. писателя содержанія и формы, идеи и слова, мы ее выраженія.

42. Въ этомъ именно смыслъ Златоустъ учитъ однѣ и тѣ же божественныя мысли св. писатели выражены различными словами и оборотами рѣчи, что пророческія апостольскія писанія были точными изображеніями составителей ихъ, что просвѣщаемые Духомъ св. пис. сознательно, съ трезвою душою, здравымъ разсудкомъ вершенною свободою говорили то, что получали свын время боговдохновенности.

43. Смыслъ св. Писанія—многообразенъ. Иное до понимать такъ, какъ сказано, иное—въ смыслѣ перномъ, иное же—двойко: чувственно и духовно.

44. Основой пониманія св. Писанія служитъ съ буквальный, историко-грамматическій, который предгаеть дословнос пониманіе историческаго содержанія Божія, объясненіе предметовъ, дѣйствій и событій поному ихъ содержанію, по чувственному ихъ проявлен

45. Надъ голой буквой возвышается иносказаніе, горія; но аллегорическій смыслъ опредѣляется толыуказанію самого Писанія. Само Писаніе обычно указы когда и какія именно мѣста имѣють аллегорическій см такъ что мы не можемъ распорядиться законами е произволу.

46. Отъ смысла аллегорическаго отличенъ смысл пическій. Въ то время какъ аллегорія содержитъ въ смыслъ простой, только облеченный въ образную рѣч пическій смыслъ есть смыслъ двойственный. Онъ ос вается какъ на буквѣ исторіи, такъ и на образѣ событій дѣйствія.

47. Высшимъ родомъ духовнаго пониманія явл анагогія (*ἀναγωγή*), имѣющая мѣсто тогда, когда богов венный писатель дѣлаеть таинственныя указанія на строительство спасенія людей во времени и вѣчност вытѣсенія смысла историко-грамматическаго (*ὁ λόγος τῆν ἱστορίαν μὴ γένοιο*), анагогія или содержится съ ним домъ, или возвышается надъ нимъ, такъ что самое и кованіе дѣлаеться двойкимъ.

Д. Леонардовъ

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, и всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

<http://www.axion.org.ru>

На сайте Вы сможете:

- ✓ получить подробную информацию о новоизданных книгах,
- ✓ бесплатно скачать электронные версии многих книг (их текст легко читать, копировать и использовать на любом компьютере),
- ✓ заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте,
пожалуйста, по электронной почте:**

info@axion.org.ru